

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
МОУ ВО
«РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

ХОЛИКОВ НАСИМ АБДУСАМАДОВИЧ

**СТРАТЕГИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТАДЖИКСКОЙ И ТУРЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор

Искандарова Дилоро Мукаддасовна

Душанбе – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВЕЖЛИВОСТИ	
1.1. Вежливость как универсальная понятийная категория.....	13
1.2. Подходы к изучению вежливости.....	16
1.2.1. Универсальный подход к вежливости.....	16
1.2.2. Взгляд на вежливость как на социальную норму.....	16
1.2.3. Взгляд на вежливость как максимы общения.....	17
1.2.3.1. Понятие «лица»	20
1.2.3.2. Сохранение лица в теории «вежливости» и совершение ликоущемляющего акта (ЛУА).....	21
1.2.4. Подход к вежливости как контракту общения (КО).....	27
1.2.5. Культурно-относительный подход к вежливости.....	28
1.2.6. Постмодернистский подход к вежливости.....	29
1.3. Стратегии вежливости в лингвокультуре	35
1.3.1. Коммуникативная и тактическая стратегии вежливости.....	35
1.3.2. Стратегии позитивной вежливости.....	38
1.3.3. Стратегии негативной вежливости.....	43
1.4. Связь языка и культуры	46
1.4.1. Понятие «лингвокультуры».....	46
1.4.2. Отражение культурных ценностей в речевом поведении и выборе стратегии вежливости.....	48
1.5. Обращение, приветствие и благодарность как речевые стратегии.....	52
1.5.1. Обращение как компонент категории вежливости.....	52
1.5.2. Приветствие как форма вежливости.....	56
1.5.3. Определение, функции и свойства благодарения.....	58
Выводы по первой главе.....	62
ГЛАВА II. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ В ТАДЖИКСКОЙ И ТУРЕЦКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КУЛЬТУРАХ	

2.1. Формулы вежливого обращения в таджикском и турецком языках.....	66
2.1.1. Формулы вежливого обращения в таджикском языке.....	66
2.1.1.1. Местоимения – обращения.....	66
2.1.2.2. Глагольные формы обращения.....	67
2.1.2.3. Существительные формы обращения.....	68
2. 1.3. Формулы вежливого обращения в турецком языке.....	73
2.1.4. Сопоставительный анализ форм обращения в таджикском и турецком языках.....	81
2.2. Приветствие в таджикском и турецком языках.....	83
2.2.1. Приветствие в таджикском языке.....	83
2.2.1.1. Некоторые общие невербальные элементы формулы приветствия.....	85
2.2.1.2. Первый этап приветствий: обмен приветствиями.....	88
2.2.1.3. Формулы приветствия в таджикском языке.....	89
2.2.2. Приветствия в турецком языке.....	92
2.2.3.1. Формы приветствия в турецком языке	92
2.2.3. 2. Сопоставительный анализ формулы приветствия в таджикском и турецком языках.....	100
2.3. Речэтикетные формулы благодарения в таджикском и турецком языках	105
2.3.1. Формулы благодарения в таджикском языке.....	105
2.3.2. Этнокультурные особенности формул речевого этикета благодарения в турецком языке	114
2.3.3. Сопоставительный анализ речевых актов благодарения в таджикском и турецком языках.....	121
Выводы по второй главе.....	124
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	129
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	135

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена изучению стратегий вежливости в речевой коммуникации представителей таджикской и турецкой лингвокультур. В работе рассматривается механизм действия стратегии вежливости на основе совершения речевых актов обращения, приветствия и благодарения в таджикском и турецком языках. За последние десятилетия опубликовано большое количество работ, посвященных самым различным проблемам данного направления. Однако при общем внимании к таджикскому языку и при наличии многих сопоставительных исследований с другими языками он остается практически малоизученным в плане сравнения норм и стратегий лингвистической вежливости на основе речевых актов. При детальном поиске нам удалось найти работы М.Р. Джураевой и Б.Ш. Бободжоновой, которые рассматривают вежливость в таджикском языке. В отечественной филологии вопросы речевого этикета и категории вежливости и проблемы этикетного поведения в той или иной мере были затронуты в работах учёных и творческих личностей Таджикистана, таких как А.Дехоти, Ш.Кабилов, Б.Камолиддинов, М.Н.Касимова, Ш.Рустамов, Д.М. Искандарова, Б.Бободжонова, А. Саъдуллоев, А.Нуралиев, А.Азимов, М.Абдуллаев и др.

Актуальность данной работы выявляется, прежде всего, в исследовании таджикской и турецкой речевых культур. В процессе глобализации бурно развиваются экономические, социальные, научные и культурные отношения таджикского народа и государства с мировым сообществом, в том числе с Турцией, которые создают благоприятную почву для исследования речевых культур этих народов. Анализ и сопоставление данных лингвокультур до сих пор не проводились в достаточной мере, что свидетельствует об актуальности темы исследования. С другой стороны объяснения тонкостей речевой культуры таджикского языка в ежедневной речевой коммуникации и экспликация таджикского менталитета посредством языка имеет очень важную значимость не только для самого таджикского народа, но и для участников других языковых сообществ. Знания речевых

актов и формул вежливого обращения, приветствия и прощания, благодарения, поздравления т.д. имеют большое значение в ежедневном общении. Важно отметить, что диапазон межкультурной коммуникации является очень широким, и она изучается практически всеми дисциплинами языкознания и наук о человеке, в общем, с позиций данной дисциплины.

В данной работе вежливость рассматривается, прежде всего, с точки зрения одного из способов предотвращения конфликтов. Понятие вежливость в лингвоконфликтологии стало очень популярным и актуальным в последние годы. Повышение уровня и частота межкультурной коммуникации и трения между участниками разных культур приводит к разного рода речевым и культурным конфликтам, чтобы избежать эти недоразумения, надо в первую очередь знать речевую культуру и её тонкости в особенности в таджикской и турецкой языковых культурах. На наш взгляд, основу этих тонкостей составляют четкое знание и выражение речевых актов, в частности, обращения, приветствия и благодарения в данных языковых культурах, которые создают комфортную, дружелюбную и продуктивную коммуникативную атмосферу. Все приведенные доводы обосновывают **актуальность** темы диссертации.

Степень научной разработанности темы. Как отмечает Ю.Н. Караулов, «нельзя познать сам по себе язык, если не выйти за его пределы и не обратиться к его носителю, пользователю - к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов, 1987: 3]. Проблема межкультурной коммуникации с давних пор привлекала внимание мыслителей и лингвистов, учёных и исследователей в области всех тех наук, предметом изучения которых в какой-то мере является человек. Это многое говорит о «проявлении огромного интереса к значению и функционированию языковых единиц и их коммуникативной функции в процессе речевого общения, что определяет характерную черту современной коммуникативной лингвистики» [Джураев, 2017: 5]. Вопросы взаимоотношения культуры и общества, вежливости в межкультурной коммуникации, проблем речевого этикета, а

также функционирования речевых актов затронуты в работах следующих зарубежных, российских и таджикских ученых: П. Браун и С. Левинсон, И. Гоффманом, Б. Хилл, С. Иде, Р. Уотс, Р. Лакофф, Дж. Лич, Б. Фрейзер, У. Ноулен, Б. Фрейзер, М. Озенен, А. Кескин, Н. Хикмет, Р. Джумали, З. Халит и др.; Н.И. Формановская, В.И.Карасик, Н.В. Григорьева, Н.С. Аристова, О.А. Васильева, Е.В. Вдовина, К.Э. Гаджиева, Р.А. Газисов, В.А.Гвазава, М.К.Гусаренко, Е.В. Зверева, Е.С. Каштанова, Д.Ф. Коморова, Т.В. Ларина, О.А. Луцева, Э.В. Мурашкина, Т.В. Нестерова, И.В. Плутницкая, Н.А. Ранних, Л.П. Рыжова, Саркар Митали, Т.В. Тарасенко, Т.А. Фасенко, Т.В. Фёдорова, и др.; А.Дехоти, М.Н.Касымова, Б.Камолиддинов, Ш.Рустамов, Д.М. Искандарова, Ш.Кабилов, Б.Бободжонова и другие.

За последние двадцать лет в России было написано и защищено большое количество научных работ, посвящённых различным филологическим, культурологическим и лингвистическим аспектам вежливости, которые можно найти в каталогах электронной библиотеки диссертаций (<http://www.dissercat.com/>) и (<http://www.cheloveknauka.com/>), в том числе Охримович, К. В., Васильева О. А., Саляхова З. И., Соловьева И. В., Берн А. А., Савойская Н. П., Ларина Т. В., Уманец Л. В. и др.

Особо можно отметить диссертационные работы таджикских авторов «Воситаҳои ифодаи эҳтиром ва фурӯтанӣ дар забони адабии тоҷикии асри XVI» (Языковые средства выражения значения уважения и вежливости в таджикском языке XVI века) М.Р. Джураевой [М.Р. Джураева, 1998] и «Категорияи эҳтиром дар забони тоҷикӣ» («Категория вежливости в таджикском языке») Б.Ш. Бободжановой (2001). В диссертации М.Р. Джураевой в силу неизученности данной темы в таджикском языкознании и отсутствия теоретической базы ситуативно-речевые единицы были исследованы с позиции традиционной грамматики и классифицированы по традиционному методу: на грамматические и лексические языковые единицы. Исходя из этого, некоторые единицы речевого этикета и были названы лексико-грамматическими. Б.Ш. Бободжонова в своей работе

анализирует вежливость с точки зрения морфологии, что не раскрывает полностью картину речевой и коммуникативной культуры таджикского языка.

Цель и задачи исследования. Главной **целью** данной работы является сравнение стратегий вежливости, используемых представителями таджикской и турецкой лингвокультур при совершении речевых актов обращения, приветствия и благодарения.

Цели работы достигаются в ходе решения ряда конкретных **задач**:

- Выявить теоретическую значимость категории «вежливость», стратегий вежливости в лингвокультуре, связь языка с культурой и понятие «лингвокультура»;
- Проанализировать речекультурные сходства и различия между двумя народами и отражение культурных ценностей в речевой коммуникации носителей таджикского и турецкого языков;
- Определить совокупность языковых и культурных факторов, влияющих на выбор стратегий вежливости;
- Определить ряд способов, стратегий и тактик лингвистического оформления речевых актов обращения, приветствия и благодарения, которые используют представители таджикской и турецкой языковых культур;
- Провести сопоставительный анализ на материале таджикского и турецкого языков для выявления приоритетных способов, стратегий, тактик оформления речевых актов обращения, приветствия и благодарения.

Объектом исследования является вежливость в таджикской и турецкой языковой культурах. Изучение лингвистической вежливости послужило выбору правильного подхода к изучению данных лингвокультур.

Предметом исследования служат роль вежливости в совершении речевых актов обращения, приветствия и благодарения с точки зрения речевой культуры носителей таджикского и турецкого языков. Эти речевые

акты включают стратегии обращения, приветствия и благодарения, направленные на поддержание комфортных взаимоотношений и предотвращение конфликта между участниками сообщества.

Сущность исследования заключается в том, что вежливость является универсальной, но имеет национально специфические черты для представителей таджикской и турецкой лингвокультур. На наш взгляд, применение стратегий вежливости определено культурными ценностями и нормами, которые характерны определенному лингвокультурному сообществу. Исходя из этого понятия, представители двух разных лингвокультур - таджикской и турецкой, гипотетично используют разные стратегии совершения актов обращения, приветствия и благодарения. Тем не менее, замечаются культурные сходства, так как ареал расположения и религиозные общности двух народов способствовали заимствованию культурных ценностей.

Материалом исследования служат письменная художественная литература на таджикском и турецком языках. К ним относятся «Афсонаҳои халқи тоҷик», «Садои Шарқ», произведения С.Айни «Куллиёт», «Одина», «Ёддоштҳо. Қисми III» и др.; «İntibah», «Bütün Eserleri 6 Memleketimden İnsan Manzaraları», «Tutunamayanlar», «İçimizdeki Şeytan», «Türkmen Düğünü», «Serenad», «Gurbet Kuşları» и другие.

Научная новизна настоящей работы определяется тем, что впервые проводится детальное сравнительное исследование понятия вежливости в двух языках – таджикском и турецком. В отличие от существующих исследований речевых актов, которые сосредоточены на способах его словесного оформления, настоящее исследование посвящено сравнительно-сопоставительному анализу стратегий совершения речевых актов обращения, приветствия и благодарения в таджикской и турецкой речевой культуре.

Теоретическая значимость данной научной работы определяется тем, что результаты этой диссертации могут быть использованы в ходе дальнейшего развития теории вежливости, теории межкультурной

коммуникации и в исследовании сопоставительных межкультурных особенностей.

Практическая значимость данной диссертации заключается в том, что результаты изучения могут служить в качестве материала для чтения спецкурсов и спецсеминаров по лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации, лингвоконфликтологии и прагмалингвистике. Также материалы исследования можно использовать в практике преподавания таджикского и турецкого языков.

Методы исследования. Данное исследование носит междисциплинарный характер, который вызывает необходимость употребления следующих методов: описательный, интерпретативный, оценка коммуникативной ситуации, контекстное толкование примеров, концептуальный анализ, контекстный анализ, дедуктивный и индуктивный, методы количественной обработки собранных примеров в ходе проведения лингвистического анализа, сравнительно-сопоставительный.

Теоретическая база исследования основывается на научных достижениях, разработанных в трудах русских, таджикских и западных учёных по теории вежливости, стратегии вежливости и речевому этикету. Следовательно, теоретическое положение диссертации опирается на работы П. Браун и С. Левинсон, И. Гоффманом, Б. Хилл, С. Иде, Р. Уотс, Р. Лакофф, Дж. Лич, Б. Фрейзер, У. Ноулен, Б. Фрейзер, М. Озенен, А. Кескин, Л. Бекташ и др.; Н.И. Формановская, В.И. Карасик, Н.В. Григорьева, Н.С. Аристова и др.; А. Дехоти, М.Н. Касымова, Б. Камолиддинов, Ш. Рустамов, Д.М. Искандарова, Ш. Кабиров, Б. Бободжонова и другие.

Методологические основы исследования. Для разработки теоретической части диссертации были использованы труды Д.М. Искандаровой: «Are we polite?», В.И. Карасика: «Иная ментальность», Р. Ваҳҳоб: «Салом ва дуруд», А.А. Раҳмонзода: «Одоби муошират ва рӯзгордорӣ», Brown, P. & S. Levinson: «Universals in Language Usage: Politeness», R. Brown, A. Gilman: «The Pronouns of Power and Solidarity», A.

Duranti: «Universal and culture-specific properties of greetings», A. Keskin: «A General Assessment about “Greeting” and “Saying Good Bye” in Turkish Culture», M.Y. Özezen: «Greeting acts in Turkish» и другие.

Положения, выносимые на защиту.

1. Понятие «вежливость» может варьироваться в разных языковых культурах. При этом носители языка как скопление ее представителей не являются по сути вежливыми или невежливыми, и одна языковая культура не может быть более или менее «вежливой» по сравнению с другой. Быть «вежливым» или «невежливым» в одном речевом поведении зависит от конкретной ситуации и контекста беседы и от системы, которая обусловлена культурными ценностями определенного языкового сообщества;
2. Межкультурная коммуникация предполагает умение пользоваться рядом гибких стратегий вежливости в зависимости от контекста и ситуации, типичных для таджикской и турецкой культуры, а не умением использовать перечень возможных лингвистических способов оформления определенных речевых актов;
3. При обращении, приветствии и благодарении в таджикской и турецкой языковых культурах можно заметить сходства, однако в определённых ситуациях представители двух культур используют разные стратегии, тактики и способы лингвистического оформления речевых актов: обращение, приветствие и благодарение. Эти отличия свидетельствуют о частичном несовпадении представлений двух культур, которое является уместным при определенном речевом поведении;
4. В межличностной и межкультурной коммуникации одной из самых основных стратегий позитивной вежливости является сохранение лица собеседника и своего лица, проявляющееся в доброжелательности по отношению к собеседнику. Эта тенденция прослеживается в обеих культурах в разной степени: наибольшую заботу о собеседнике в обращении, проявляют носители турецкого языка, а в совершении акта

благодарения представители таджикской речевой культуры уделяют особое внимание.

Апробация диссертации проводилась на различных этапах её выполнения с 2016 по 2019 гг., в том числе в виде докладов на международных научно - практических конференциях «Перспективы развития фундаментальных и прикладных лингвистических исследований в Республики Таджикистан». Прикладные аспекты лингвистической типологии в РТ (Душанбе, 2 февраля 2018 года), «XXII-х Славянские чтения» (Душанбе, 1 мая 2018 года) и «Славянские чтения» (Душанбе, 23 апреля 2018 года). Результаты исследования отражены в 4 научных статьях. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на кафедре теоретического и прикладного языкознания Российско-Таджикского (Славянского) университета (протокол №10 от 27 мая 2019 года).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии и списка иллюстративного материала.

Во **Введении** обоснована актуальность темы диссертации, обозначены объект и предмет исследования, материал исследования, рассмотрена степень научной разработанности темы, сформулированы цели и задачи, определены приёмы и методы анализа, приведены положения, выносимые на защиту, показана научная новизна, раскрыты теоретическая значимость и практическое значение работы, указаны уровень апробации её материалов, объём и структура диссертации.

Первая глава посвящена лингвистическим теоретическим основам исследования понятия вежливости, стратегий вежливости, межкультурной коммуникации и лингвокультуры.

Во **второй главе** рассматривается сопоставительный анализ речевых актов обращения, приветствия и благодарения в таджикской и турецкой языковых культурах. Каждый речевой акт рассматривается в отдельной речевой культуре, прилагаются иллюстративные примеры данных актов, и ведётся сопоставительный анализ с сформулированными выводами.

В заключении подводятся итоги и резюмируются основные результаты, полученные в ходе исследования.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВЕЖЛИВОСТИ

1.1. Вежливость как универсальная понятийная категория

Категория вежливости является универсальной, поскольку так или иначе представлена практически во всех языках мира.

«Способы выражения вежливости в разных языках сильно зависят от структуры тех обществ, в которых эти языки функционируют, и от принятых в них моделей социального поведения. Имеются и структурные различия: в одних языках (например, японском, корейском и др.) имеются специальные грамматические категории вежливости, тогда как в других (в том числе во всех языках Европы) они отсутствуют, во всяком случае, при стандартной трактовке грамматики. Однако имеются и достаточно общие закономерности выражения вежливости, причем часто одни и те же способы выражения социальных отношений существуют в генетически не связанных и не контактирующих между собой языках. Как указывают П.Браун и С.Левинсон, «Связанные с выражением вежливости языковые знаки, как правило, произвольны и непосредственно отражают общественные закономерности и установления» [Энциклопедия Кругосвет, 2019].

Десятилетия научного интереса и исследований в этой области не дали единого мнения о значении и/или самой природе термина вежливость. Д.М. Искандарова подчеркивает, что, хотя в каждом обществе есть люди, которые проявляют разные уровни вежливости, невозможно говорить о невежливости всего общества [Искандарова, 2005: 9], поскольку компетентные члены любого речевого сообщества действительно имеют четкие металингвистические убеждения о вежливости и могут отличать вежливое и тактичное поведение от грубого и оскорбительного поведения [Pizziconi, 2006:679].

Существует такой исторический анекдот, что у французского маршала Фердинанда Фоша однажды был гость, который сказал ему, что в

французской вежливости нет ничего, кроме ветра. Маршал Фош с юмором ответил: «Нет ничего, кроме ветра в пневматической шине, но он чудесным образом облегчает толчки на жизненном пути» [Fraser, 1990:219]. Иными словами, правила и условности вежливости действуют как социальная смазка, которая помогает социальные колеса вращаться плавно.

Основываясь на речи и поведении человека, а также в зависимости от контекстуальных и ситуационных факторов, в любом речевом сообществе можно легко определить, ведет ли человек себя вежливо или невежливо. Люди достаточно осведомлены о правилах и условностях вежливости, настолько, что одна из наиболее важных целей социализации и инкультурации - научиться вести себя соответствующим образом или вежливо в различных социальных ситуациях [Kasper, 1990].

Таким же образом, Уоттс [Watts, 2003; 9] утверждает, что мы не рождены с вежливым поведением (или вежливым языком), вместо этого нам нужно учиться и социализироваться. Во всех обществах те, кто несет ответственность за детей (например, родители, опекуны), прямо учат детей тому, как они должны вести себя и разговаривать в разных социальных ситуациях. К примеру, это могут быть такие директивы, как «вести себя хорошо», «сказать спасибо», «сказать, пожалуйста, когда что-то просишь» и т. д. Наряду с множеством различных определений и интерпретаций, вежливость также была связана с использованием специфических лингвистических форм вежливости [Eelen, 2001], которая находится в центре внимания этого исследования.

Жить в обществе и вести социальный образ жизни делает неизбежным тесные контакты между членами общества, что приводит к появлению нужды в наборе социальных прав и обязательств. Социальное взаимодействие включает в себя определенную степень угрозы для своего и чужого лица [Pizziconi, 2006; 680]. Таким образом, во всех обществах разработаны определенные правила поведения или условности (вербальные и невербальные) и нормы социального поведения, для уменьшения трения в

межличностных взаимодействиях; избежание конфликтов; смягчение угрозы для лица; уменьшение опасности и минимизация антагонизма; содействие межличностной поддержке; проявление уважения к чувствам другого человека, установление уровней взаимного комфорта и способствование взаимопониманию; содействие гладкому гармоничному общению; рассмотрение друг друга, как лиц удовлетворяющих общие ожидания; поддержка социальной сплоченности; и укрепление внутригрупповой солидарности.[Lakoff, 1973, 1974, Leech, 1980;19, Браун и Левинсон, 1987, Kasper, 1990;194, Arndt and Janney, 1985;282, Hill et al., 1986;349, Ide, 1989;22, Wouk, 2006;277, Sifanou, 1992;86].

Вышеупомянутые ученые определяют вежливость как прагматическое средство предотвращения конфликтов, которое на самом деле является определением второй вежливости или научной вежливостью, абстрактного взгляда на вежливость, а не первой вежливостью, которая является «живым опытом» вежливости [Watts, 1992, 2003; Eelen, 2001]. Второе определение вежливости (постмодернистские подходы к вежливости) охватывает общепринятые понятия вежливости (или 1-ой вежливости), которые вытекают из народных представлений о том, что составляет вежливое или невежливое поведение. Этот новый подход поддерживает социокультурную и социально-психологическую перспективу вежливости и основан на аргументе, что для получения более реалистичной картины вежливости или *невежливости*, важно тщательно изучать слова говорящих и оценивать слушателей [Eelen, 2001; Watts, 2005; Janney and Arndt, 2005].

С 70-х годов прошлого века в дисциплинах прагматики и социолингвистики появилось колоссальное количество исследований вежливости, однако среди исследователей практически нет единого мнения о том, что именно составляет языковую вежливость [Fraser, 1990;234]. Ранние и новаторские исследования вежливости в 70-х годах прошлого века характеризовались поиском универсалий в вежливом поведении [Lakoff, 1973; Brown and Levinson, 1978/1987; Leech, 1983]. Этот универсалистский

взгляд был основан на принципе кооперации Грайса (ПК) и теории речевых актов Остина. Вторая волна исследований, возникшая в результате критики универалистского подхода, прежде всего, связана с поиском языковой и культурной относительности [Ide, 1989; Matsumoto, 1988; Spencer-Oatey, 2000, 2005; Terkourafi, 2001, 2005]. Третья волна породила самые последние подходы, известные как постмодернистские или дискурсивные подходы [Eelen, 2001; Locher, 2004; Mills, 2003; Watts, 2003; Watts, Ide и Ehlich, 2005], которые уделяют более пристальное внимание оценкам, сделанным участниками посредством взаимодействия, сознавая, что разные участники могут иметь разные интерпретации одного и того же взаимодействия.

1.2. Подходы к изучению вежливости

1.2.1. Универсальный подход к вежливости

Ученые в этой области давно пытаются представить теоретическое и абстрактное понятие вежливости, как имеющее межкультурное значение [Pizziconi, 2006;680]. Рецензируя литературу по вежливости, Фрейзер (1990) выделяет четыре основные перспективы, которые воплощают универалистский подход к вежливости:

- (1) вежливость социальная норма [Hill et al, 1986; Ide, 1989];
- (2) вежливость как максимы общения[Lakoff, 1973, 1979; Leech, 1983];
- (3) вежливость как защита лица [Brown and Levinson, 1978, 1987];
- (4) вежливость как соблюдения контракт общения [Fraser, 1990].

1.2.2. Взгляд на вежливость как на социальную норму

Этот подход отражает историческое понимание вежливости, проявленное и кодифицированное в книгах этикета, в особенности в англоязычной литературе [Fraser, 1990;220]. Одним из таких примеров является «Theophrastus: или манеры века», опубликованный в 1702 году [Уоттс, 1992]. Эта точка зрения предполагает, что каждое общество имеет

определенный набор социальных норм и ценностей, которые его члены должны соблюдать. Справочники по этикету в любом обществе предлагают различные нормативные предписывающие правила, поддерживающие или препятствующие определенному поведению в особых контекстах (например, на вечеринке и/или мероприятии того рода, мужчины должны быть представлены женщинам хозяином/хозяйкой мероприятия). Здесь вежливость в основном связана с речевым стилем (устным или письменным), где более высокая степень формальности может означать повышенную вежливость [Fraser, 1990;221]. Действовать в соответствии с этими предписанными нормами или этикетами просто подразумевает хорошие манеры или вежливость и отсутствие невежливости. Представления о социальной норме, считается предпрагматичным (pre-pragmatic), в отличие от ранее описанных определений, предложенных в прагмалингвистической или социалингвистической литературе [Pizziconi, 2006; Watts, 1992].

1.2.3. Взгляд на вежливость как максимы общения

Этот взгляд на вежливость вытекает из кооперативного принципа (КП) Грайса (1975). Грайс связывает КП с набором более конкретных максим и суб-максим (maxims and sub-maxims), которые, как он предполагает, собеседники всегда соблюдают. Основываясь на этой теории, люди по своей сути сотрудничают и стремятся быть максимально информативными в повседневном общении. Грайс подчеркивает четыре максимы: *максима количества, качества, отношения (релевантности) и манеры*. Однако бывают случаи, когда собеседники преднамеренно нарушают эти максимы, сигнализируя об определенных намерениях («разговорных имплицативных формах»). То есть нарушение любого из принципов приводит к тому, что адресату приходится выводить предполагаемое значение говорящего и таким образом, восстанавливать КП.

Лакофф (Lakoff 1973) был одним из первых, кто принял КП Грайса, чтобы объяснить понятия вежливости. Лакофф также считается

основоположником современной теории вежливости, поскольку Лакофф был первым, кто изучил ее с прагматической точки зрения [Eelen, 2001; 2]. Следуя корпоративному принципу Грайса, Лакофф (1973) ввел три правила вежливости:

1. Не навязывай собеседнику свое мнение;
2. Давай собеседнику возможность выбора;
3. Будь доброжелателен [Lakoff, 1973; 298].

Согласно Лакоффу (1973), максимы КП (flouted) игнорируются, когда человек выражает вежливость. Три предложенных им правила вежливости могут контролировать нарушение принципов КП. Лакофф (1989) определяет вежливость как те формы поведения, которые были разработаны для уменьшения трений и риска конфронтации в межличностных отношениях [Lakoff, 1973; 100]. Такой подход к вежливости косвенно претендует на универсальность её теории [Watts, 1992]. Правила вежливости Лакоффа имеют много общего с позитивной и негативной стратегией вежливости Брауна и Левинсона. В оценке Фрейзера, он отмечает, что определение вежливости Лакоффа не является достаточно явным [Фрейзера, 1990]. Сифиану (1992) также указывает, что неспособность Лакоффа определить её терминологию может привести к неправильному толкованию [Сифиану, 1992; 22].

Лич (1983) тоже придерживается максим общения вежливости и его теория рассматривает вежливость в рамках межличностной риторики (Interpersonal Rhetoric), то есть целей говорящего, а не его/ее иллюкутивных целей [Fraser, 1990; 224]. Лич (1983) определяет вежливость как те формы поведения, которые направлены на установление и поддержание вежливости в атмосфере относительной гармонии [Fraser, 1990; 104]. Лич (1983) разработал концепцию максим общения, добавив принцип вежливости (ПВ) в КП. Лич (1983) считает, что принцип вежливости является существенным дополнением, потому что оно объясняет мотивы, побуждающие людей нарушать принципы Грайса. Лич (1983) предлагает ряд принципов,

мотивированных целями взаимодействия и направленных на установление и поддержание гармонии во время взаимодействия [Fraser, 1990; 119]. Эти межличностные максимы параллельны четырем максимам Грайса:

1. Максима такта: соблюдай интересы другого, старайся увеличить выгоду не для себя, а для партнера; не нарушай границ его личной сферы;
2. Максима великодушия: не затрудняй других, бери все усилия на себя;
3. Максима одобрения: не ругай других;
4. Максима скромности: отстраняй от себя похвалу;
5. Максима согласия: избегай споров, возражений, стремись к согласию;
6. Максима симпатии: высказывай благожелательность [Григорьева, 2009: 35].

Эти максимы применяются по-разному в разных культурах. Например, как отмечает Холмс (2006), в некоторых азиатских культурах *максима скромности* имеет приоритет над *максимой соглашения* [Holmes, 2006; 690-601]. Однако в некоторых западных культурах, *максима соглашения* отвергает *максиму скромности*. По этой причине, в то время как малайский студент, живущий и обучающийся в Новой Зеландии, отклоняет комплимент, новозеландец обычно принимает комплимент. Следовательно, максимы Лича «обеспечивают способ учета ряда межкультурных различий в поведении вежливости, а также в восприятии того, что считается вежливым в разных культурах и субкультурах» [Holmes, 2006; 601].

Каждая максима интерпретируется в соответствии с набором различных шкал (затраты-выгоды, необязательность, косвенность, авторитет и социальная дистанция), по которым можно измерять степень вежливости. Модель Лича разделяет некоторые предположения с подходом Брауна и Левинсона к вежливости; однако вместо того, чтобы сосредоточиться на «потребностях сохранения лица», Лич (1983) поднял другой вопрос: «почему люди часто так косвенно выражают то, что они имеют в виду» [Leech, 1983; 80].

Также как Браун и Левинсон, Лич рассматривает свою теорию как основу для будущих сравнительных исследований [Leech, 1983; 231]. Есть некоторые возражения против подхода Лича к анализу вежливости. Основная критика заключается в том, что нет способа ограничить число максим, то есть при столкновении с новой проблемой также может появиться новая максима, и следовательно, теория вежливости становится бессодержательной [Brown and Levinson, 1987; Fraser, 1990; Holmes, 2006]. Уоттс (1992) также предполагает, что максимы Лича могут быть связаны с британским отношением к вежливости [Watts, 1992; 46].

1. 2.3.1. Понятие «лица»

Термин «лицо» был введен Ирвингом Гоффманом (Goffman, 1967), который пишет о лице следующее: термин «лицо» может быть определен как положительное социальное качество (value), которое человек обозначил для себя в связи с тем, что другие полагают, что он его приобрел в ходе определенного контакта. Лицо - это образ самого себя, подтвержденный социальными атрибутами - образ, который могут разделить другие, так же как, если человек хорошо рекомендует свою профессию или религию, хорошо зарекомендовал себя» (Locher, 2004;52)

М. Лохер также отмечает, что «лицо» в этом определении может быть приравнено к маске, которую человек на себя надевает во время определенного общения. Это подразумевает, что у человека может быть несколько образов или масок, которые он/она меняет в зависимости от ситуации. Лицо зависит и от того, как его воспринимают и насколько его принимают окружающие. Тем самым, по словам И. Гоффмана, лицо дается человеку обществом «в любом случае, в то время как лицо может быть главной ценностью, которой владеет человек и центром его безопасности и удовольствия, лицо только дается ему напрокат обществом; оно будет у него отнято, если он не будет себя вести в манере, подобающей его лицу. Признанные атрибуты и их отношение к лицу делают из каждого человека

своего собственного тюремщика; это главное социальное ограничение, хотя каждому человеку может и нравится своя собственная тюремная камера» [Goffman, 1967; 10]

И. Гоффман предполагал, что общение между людьми будет изменяться в связи с их вниманием к лицу. Важно подчеркнуть, что лицо считается чем-то внешним, чем-то, что человек создает вместе с атмосферой вокруг себя. Таким образом, разные лица (маски) человека могут изменяться в ходе общения между собеседниками и в ходе того, как формируется их самоощущение/ самоидентификация (identities).

П. Браун и С. Левинсон основывают свое толкование «лица» на понятии, описанном в работе И. Гоффмана, а также на термине из английских идиом, которые связывают «лицо» с такими понятиями как *быть смущенным, униженным*, или с *«потерей лица»*. Таким образом, лицо может *быть потеряно, сохранено/повыситься в цене*, и участники взаимодействия должны постоянно заботиться о нем в ходе разговора. Авторы считают, что в основном люди сотрудничают (и ожидают друг от друга сотрудничества) в сохранении лица во время разговора, и такая кооперация основывается на взаимной уязвимости лица. Таким образом, обычно лицо каждого человека зависит от того, чтобы были сохранены лица окружающих, и так как люди обычно защищают свое лицо, если ему что-то угрожает, и, защищая свое лицо, угрожают лицу собеседника, значит это в интересах каждого участника сохранять лицо друг друга [Григорьева, 2009: 35].

1.2.3.2. Сохранение лица в теории «вежливости» и совершение ликоущемляющего акта(ЛУА) (Face threatening act (FTA))

Сложно говорить о вежливости, не обращаясь к теории Патриции Браун и Стивена Левинсона (1978, 1987). Теория вежливости как *элемента сохранения лица*, разработанной Браун и Левинсоном, до сих пор остается одной из самых влиятельных работ по вежливости, по той причине, что является простым расширением максимы Грайса. Браун и Левинсон

сравнили данные трех не связанных между собой языков (английский, тамильский и целтальский), чтобы показать, что подобные универсальные принципы работают в поверхностно разнородных реализациях. Одним из основных утверждений Браун и Левинсона является то, что вежливость является универсальной особенностью использования языка, то есть все языки обладают средствами выражения вежливости [Watts, 2003;12]. Как и Лакофф, Браун и Левинсон рассматривают вежливость с точки зрения предотвращения конфликтов; однако они предлагают другое объяснение, придающее центральное значение универсальному понятию «лица» [Goffman, 1967]. «Образцовый человек» (*Model Person*), из которого возникла модель вежливости Браун и Левинсона, мыслит рационально и выбирает подходящие стратегии, чтобы минимизировать любые угрозы лицу. Браун и Левинсон рассматривают и определяют вежливость как сложную систему смягчения действий, которые угрожают лицу, или ликоущемляющий акт [Григорьева,2009: 49]- (FTAs (*face threatening acts*)). В любом взаимодействии, как пишет Браун и Левинсон, лицо - это то, что можно потерять, сохранить или усилить, и любая угроза лицу должна постоянно наблюдаться [Brown and Levinson, 1987; 61].

Это описание «спасительного» лица основано на предположении, что существуют две универсальные потребности/нужды лица [Brown and Levinson, 1987]:

1. Отрицательное лицо: «Желание каждого «компетентного взрослого члена», чтобы его действия были беспрепятственными для других»
Negative face: “[T]he want of every ‘competent adult member’ that his action be unimpeded by others”;
2. Положительное лицо: «Желание каждого участника, чтобы его желания были желательными по крайней мере для некоторых других» [Brown and Levinson, 1987; 62]. (Positive face: «[T]he want of every member that his wants be desirable to at least some others» [Kourosh Saberi, 2012: 34].

Организационным принципом теории вежливости Браун и Левинсона (1987) является идея о том, что «некоторые действия по своей природе угрожают и, следовательно, требуют смягчения» [Brown and Levinson, 1987: 24]. Другими словами, некоторые речевые действия угрожают отрицательному лицу или положительному лицу (или обоим) говорящего и / или слушателя. Кроме того, собеседники сотрудничают в защите лица друг другом. Адресант владеет набором стратегий для компенсации угрозы «ликоущемляющего акта» (ЛУА), которые известны как адресанту, так и адресату [Григорьева, 2009: 35].

П. Браун и С. Левинсон отмечают, что «в контексте обоюдной уязвимости лиц собеседников, рациональный собеседник будет стремиться избежать совершения лихоущемляющего акта, либо будет задействовать определенные стратегии для уменьшения угрозы лицу» [Brown & Levinson, 1987: 68].

Авторы выделяют три основных аспекта, которые принимают во внимание коммуниканты: (1) желание передать собеседнику содержание ЛУА; (2) желание быть кратким и говорить по делу; и (3) желание сохранить лицо адресата до какой-то степени. Если второй пункт не перевешивает по важности третий, то адресант будет стараться уменьшить угрозу ЛУА. Браун и Левинсон выделяют пять основных стратегий совершения ЛУА.

Итак, ЛУА можно совершить:

- (1) без смягчающего действия, напрямую;
- (2) со смягчающим действием, относящимся к позитивной вежливости;
- (3) со смягчающим действием, относящимся к негативной вежливости;
- (4) косвенно;
- (5) не совершать ЛУА вовсе.

Адресант идет напрямую (*on record*) в совершении акта, если собеседнику понятно коммуникативное намерение, приведшее адресанта к совершению акта (т.е. у акта есть лишь одно недвусмысленное намерение). Например, в акте: «Я обещаю прийти завтра» адресант идет напрямую,

выражая обещание совершить некое действие.

Напротив, если адресант совершает акт косвенно (*off record*), у акта существует более одного намерения, применимого к нему, т.е. нельзя «уличить» адресанта в каком-то конкретном намерении при произнесении акта. Например, высказывание «*Черт, у меня нет наличных, я забыл сегодня зайти в банк*» может означать, что адресант хочет занять денег, но его/ее нельзя уличить в этом, сказав: «*Ты уже семнадцатый раз просишь у меня денег*». Лингвистическая реализация не прямых стратегий включает в себя метафору и иронию, риторические вопросы, приуменьшения тавтологии, любые виды намеков, т.е. адресант хочет или намеревается донести до адресата, не делая этого напрямую, чтобы значение высказывания было в какой-то степени завуалировано.

Совершение акта прямо, без смягчения (*baldly, without redress*) подразумевает, что акт совершен в самой прямой, ясной, четкой и недвусмысленной манере из возможных (например, если при просьбе говорят «*Сделай то-то!*»), ЛУА будет совершен в такой манере, только если адресант не боится «кары/возмездия» со стороны адресата, например, в обстоятельствах таких как: (а) и адресант и адресат согласны, что релевантность потребностей лица может быть отложена в интересах срочности или эффективности; (б) когда угроза лицу адресата очень мала, как при предложениях, просьбах, предложениях идеи, которые явно делаются в интересах адресата и не требуют больших жертв со стороны адресанта (например, «*Проходите*» (*Come in*) или «*Садитесь*» (*Do sit down*)); и (в) когда адресант намного выше адресата по статусу (власти), или может заручиться поддержкой аудитории, чтобы разрушить лицо адресата, не нанося угрозы своему, под смягчающим действием (*redressive action*) подразумевается действие, «дающее лицо» (*give face*) адресату, т.е. попытка контрудара по потенциальной угрозе, заложенной в ЛУА, благодаря совершению его в такой манере, или с такими модификациями и добавлениями, чтобы ясно показать, что адресант не подразумевает и не

хочет такой угрозы лицу, и что адресант» в общем, уважает желания лица адресата и сам хочет, чтобы они были достигнуты. Смягчающее действие принимает одну из двух форм, в зависимости от того, какое лицо (негативное или позитивное) находится в центре внимания. Эти две формы - **позитивная и негативная вежливость**.

Позитивная вежливость ориентирована на позитивное лицо адресата, на положительный образ самого себя, который он создает для самого себя. Позитивная вежливость поддерживает лицо адресата, показывая, что в каком-то смысле адресант хочет того же, чего и адресат (например, это достигается с помощью включения адресата в группу, в число друзей, и признание его/ее как человека чьи желания и личные качества известны окружающим и нравятся им). Потенциальная угроза лицу уменьшается в этом случае заверением того, что адресант хочет хотя бы в чем-то того же, что и адресат, например, показывая» что адресант считает адресата равным себе в том, что у него есть такие же права и обязанности внутри группы, или подразумевая» что адресанту нравится адресат, так что ЛУА не означает негативную оценку лица адресата в целом.

Негативная вежливость, напротив, направлена главным образом на то, чтобы частично смягчить угрозу негативному лицу адресата, удовлетворить его основное желание сохранить право на территорию и самоопределение. Негативная вежливость, таким образом, направлена в основном на избегание, и стратегии негативной вежливости состоят в том чтобы заверить адресата в том, что адресант знает и уважает желания негативного лица адресата и не будет (или будет -минимально), мешать свободе действий адресата. Таким образом негативная вежливость характеризуется Принижением собственного я, формальностью и сдержанностью, вниманием к запретным аспектам образа адресата, основанными на его/ее желаниии, чтобы в его дела, не вмешивались и ему не мешали. Смягчение ЛУА происходит с помощью извинений за это вмешательство или переход границ, за счет языковых и внеязыковых способов проявления уважения, за счет увиливаний в

иллокутивной силе высказываний, за счет обезличивающих механизмов (например, пассивный залог), которые отдаляют адресанта и адресата от акта, и за счет других смягчающих механизмов, которые предоставляют адресату выход, возможность уйти, позволяющую ему/ей почувствовать, что его/ее не принуждают к ответу.

В негативной вежливости, однако, существует конфликт между (а) желанием пойти напрямую (on record) как обязательным условием для того, чтобы считалось, что адресант «дает лицо» адресату; и (б) желанием совершить ЛУА косвенно (off record), чтобы избежать навязывания (imposing) [Григорьева, 2009; 49-52].

Выбор определенной стратегии зависит от предполагаемого риска «потери лица». Браун и Левинсон предлагают три переменных для расчета риска: (1) социальная дистанция (D) между адресантом и адресатом; (2) относительная власть (P) адресанта и адресата; и (3) относительная оценка угрозы (Rx) данного «ликоущемляющего акта» (ЛУА) в определенном культурном контексте. Сумма этих переменных дает нам возможность узнать «тяжесть» (Wx) «ликоущемляющего акта» (ЛУА), т.е. риск потери лица, и определить выбор подходящей стратегии. Таким образом, формула выглядит так: $Wx = D(S,H) + P(S,H) + Rx$ [Григорьева, 2009: 35].

Модель вежливости Брауна и Левинсона в первую очередь подвергалась критике за ее индивидуалистический или англоцентрический подход к понятию лица, который далее будет рассмотрен.

Во-вторых, его также раскритиковали за его зависимость от деконтекстуализированных высказываний, поскольку нет способа точно определить, почему высказывание интерпретируется как совершения «ликоущемляющего акта» (ЛУА) (FTA (Face threatening act)).

В-третьих, основное внимание уделяется говорящему, пренебрегая ролью слушателя. Как можно заметить, постмодернистские подходы к

вежливости ориентированы на слушателя, то есть оценка говорящего зависят от слушателя, а не только от намерения говорящего.

В-четвертых, данные Брауна и Левинсона (1987), как они признают, представляют собой «нечестивую смесь естественных, выявленных и интуитивных данных» [Brown and Levinson, 1987; 11].

В-пятых, Холмс (2006) отмечает, что «теория вежливости, основанная на признании намерений, не может применяться кросс-культурно и универсально» [Holmes, 2006; 689].

Несмотря на некоторую критику теории вежливости Брауна и Левинсона (1987), она все еще остается одной из самых влиятельных теорий вежливости. Хотя более современные подходы к вежливости (например, постмодернистские подходы) обеспечили лучшее понимание запутанной природы явлений вежливости, они не дают исследователям четкой методологии [Xie et al., 2005;449].

1.2.4. Подход к вежливости как контракту общения (КО)

Этот подход к вежливости был предложен Фрейзером и Ноленом в 1981-1990 годах. Фрейзер принимает принцип корпорации Грайса и понятие лица Гоффмана, но его взгляд отличается от взгляда Браун и Левинсона на сохранение лица. Фрейзер (1990) предлагает очень широкий взгляд на вежливость, то есть вежливость принимается в качестве основной настройки по умолчанию в разговорных встречах. Согласно Фрейзеру (1990), при вступлении в конкретный разговор каждый участник приносит набор прав и обязанностей, которые определяют, чего участники могут ожидать друг от друга в этой встрече. Для Фрейзера вежливость является результатом контракта общения (conversational contract (CC)). КО не является статичным и может быть пересмотрен в течение времени или из-за изменения контекста. То есть «обе стороны могут изменить только то, какие права и какие обязательства они имеют по отношению друг к другу» [Fraser, 1990;232]. Участники устанавливают права и обязанности или условия контракта по

различным параметрам: общепринятым, институциональным и ситуативным. Общепринятые условия являются общими, они применяются ко всем обычным разговорам и редко обсуждаются (например, правила очередности, использование языка, который понятен всем и т. д.). Институциональные термины относятся к правам и обязанностям, налагаемым социальными институтами, и редко подлежат пересмотру (например, право выступать в суде, молчание в церкви). Ситуационные термины «определяются предыдущими встречами или особенностями ситуации» для каждого конкретного взаимодействия и подлежат пересмотру [Fraser, 1990; 232]. Вежливость, таким образом, представляет собой действие в соответствии с текущими условиями контракта общения (КО), в то время как невежливость подразумевает их нарушение. Другими словами, «быть вежливым - значит соблюдать правила отношений. Говорящий становится невежливым только в тех случаях, когда он нарушает одно или несколько условий контракта» [Fraser & Nolen, 1981;96]. Фактически слова или языки не являются вежливыми. Вместо этого, соблюдая условия КО, только говорящие могут быть вежливы или невежливы. В своей оценке, Фукушима говорит, что теория контракта общения недостаточно хорошо сформулирована, для эмпирического исследования [Fukushima, 2003].

1.2.5. Культурно-относительный подход к вежливости

Подход культурной относительности возник как критика универсалистского подхода к вежливости. Как упомянуто выше, одна из основных критических статей теории Браун и Левинсона (1978/1987) состоит в том, что она поддерживает индивидуалистский взгляд на концепцию лица и не учитывает незападные (восточные) общества, которые способствуют развитию коллективности [Ide, et al., 1992; Eelen,2001; Watts, 2003]. Теория вежливости, основанная на образцовой личности Браун и Левинсона, не учитывает восточных коллективистских обществ, таких как японцев и китайцев. Следовательно, вопреки утверждению Браун и Левинсона об

универсальности, их модель не применима ни кросс-культурно, ни универсально [Matsumoto, 1988, 1989, Gu, 1990; Pan, 2000].

Такие ученые, как Спенсер-Оти (2002, 2000), твердо придерживаются мнения, что культура является важным фактором, определяющим, выполняется ли речевой акт надлежащим образом или нет. Помимо Спенсер-Оти существуют другие исследователи, поддерживающие культурный подход, такие как Мацумото (1988), Вежбицка (1985), Иде (1989), Годдард (1997) и Клайн (1994).

Спенсер-Оти утверждает, что вежливость оценивается культурно, и именно это суждение делает высказывание уместным в определенном контексте. Например, хотя принять предложения от кого-либо в первый раз (или первой инстанции) считается подходящим на английском языке (предложение принятие), в восточной культуре можно отклонить предложения один или два раза:

1. (предложение1 ... отклонение1);
2. (предложение2... отклонение2);
3. (предложение3 ... принятие).

Носитель английского языка может быть осужден за то, что он немедленно принял предложение, и поведение восточного собеседника, когда он несколько раз отклонял предложение, прежде чем принять его, может быть расценено как неискренность или лицемерие. В этом примере то, что делает поведение носителей английского и восточных, языков подходящим или вежливым, это их собственные культуры, потому что в этих речевых актах нет ничего, что могло бы сделать их вежливыми или невежливыми. Таким образом, носители английского, таджикского и турецкого языков вежливы в соответствии с их культурой.

1.2.6. Постмодернистский подход к вежливости

В последние годы исследователи приняли постмодернистский подход к изучению вежливости. Теркорафи (2005) проводит различие между

традиционным подходом (опора на классические максимы Грайса и теория речевого акта) и постмодернистским подходом (акцент на собственном восприятии участниками вежливости и понимании взаимодействия как динамичной дискурсивной борьбы) к вежливости. Постмодернистский подход способствует необходимости уделять больше внимания тому, как участники воспринимают вежливость в социальном взаимодействии; этот подход также ставит под сомнение идею о том, что люди обязательно соглашаются с тем, что составляет вежливое поведение; этот подход также подчеркивает субъективность суждений о том, что считается вежливым поведением [Eelen, 2001; Mills, 2003; Watts, 2003, 1992; Locher, 2004; Watts, et al., 2005; Holmes, 2006].

Основное внимание в постмодернистском подходе уделяется расположенным участниками оценкам вежливости, а не общепринятой вежливости или общих представлений о вежливости. Пан (2008) также утверждает, что языковая вежливость должна быть зависимой, переменной, поскольку она зависит от контекстуальных и ситуационных факторов [Pan, 2008]. Точно так же Уоттс (2003) утверждает, что «вопрос о том, оценивается ли поведение участника как вежливое или невежливое, зависит не только от языковых выражений, которые он/она использует, но скорее от интерпретации этого поведения в общем социальном взаимодействии» [Watts, 2003; 8]. Затем, применив этот подход к вежливости, «взаимодействие рассматривается как динамическая дискурсивная борьба с возможностью того, что разные участники могут интерпретировать одно и то же взаимодействие совершенно по-разному» [Holmes, 2006;691].

Постмодернистские подходы к вежливости, прежде всего, ориентированы на слушателя, то есть они зависят от оценок слушателя, а не только от намерений говорящих. Точно так же Элен (2001) заявляет: «В повседневной практике вежливость или невежливость происходит не столько, когда говорящий создает поведение, но, когда слушатель оценивает

это поведение» [Eelen, 2001; 109]. Следовательно, смысл составлен, а вежливость - не что иное, как вопрос переговоров между оратором и слушателем. Согласно Лохеру (2004), слушатели интерпретируют вежливость или невежливость, основываясь на своих собственных нормах (рамки, уместность, ожидания, личный стиль и т. д.) [Locher, 2004; 90]. Постмодернистский подход полностью отказывается от идеи разработки универсальной теории вежливости [Locher and Watts, 2005]. Представим ниже ряд исследований, которые внесли наибольший вклад в этот подход.

Уоттс (2003) начинает с оспаривания существующего понятия вежливости, принятого исследователями. Он различает две интерпретации вежливости и невежливости: традиционная вежливость известная как «вежливость первого порядка» (или невежливость 1 следуя Eelen, 2001), и техническая / научная интерпретация, известная как «вежливость второго порядка (или невежливость 2 следуя Eelen, 2001) [Watts, 2003;4].

Элен считает, что техническая / научная вежливость (вежливость 2) - это «научная концептуализация традиционной вежливости (вежливости 1)» [Eelen, 2003;45). Уоттс (2003) считает, что изучение вежливости должно начинаться со здравого осмысления понятия вежливости или невежливости с точки зрения традиционной вежливости, (или вежливости или невежливости первого порядка (вежливость1)). Другими словами, исследование вежливости первого порядка является единственным действительным средством развития социальной теории вежливости. Другой важный вклад Уоттса в исследование языковой вежливости - это различие, которое он проводит между политическим поведением и стратегической вежливостью. Политическое поведение - это то вербальное или невербальное поведение, «которое участники конструируют как соответствующее продолжающемуся социальному взаимодействию» [Watts, 2003;20]. Уоттс (2003) использует термины «институционализированный», «уместный», «незначительный» и ожидаемый по отношению к политическому поведению [Watts, 2003;256-257]. Политическое поведение, кажется, появляется в

обычных и знакомых ситуациях. Иными словами, чем более знакомая ситуация для собеседников, тем более автоматический выбор политической стратегии. Согласно Уоттсу (2003), политическое поведение не эквивалентно вежливому поведению.

Политическое поведение - это то, что участники ожидают от ситуации, и оно не обязательно является вежливым [Watts, 2003;258]. С другой стороны, вежливое поведение - это поведение «за пределами того, что считается подходящим для продолжающегося социального взаимодействия...» [Watts, 2003;21]. Вежливое поведение - это заметное поведение (или маркированная версия политического поведения), указывающее на желание говорящего, выразить озабоченность или уважение адресату [Locher, 2004]. Что касается политического и вежливого поведения, Уоттс связывает вежливое поведение с концептуальной моделью вежливости Браун и Левинсона. Уоттс (2003) также утверждает, что невежливость является явным нарушением политического поведения, называемого неполитическим поведением. Следующий пример показывает, как работает теория вежливости и невежливости Уоттса (2003), и демонстрирует, что политическое поведение неэквивалентно вежливому поведению:

Лицо «А» заказало билет на просмотр пьесы и имеет номер P51. Собираясь на место P51, «А» обнаруживает, что кто-то еще (человек В) уже сидит там. Соответствующий режим поведения заставляет «А» сказать «В», что место принадлежит ему/ей и что должна быть какая-то ошибка. А может сказать любое из следующего:

- *Excuse me, I think you're sitting in my seat.*

- *Excuse me but that is my seat.*

- *I'm sorry. I think there must be some mistake.*

- *Извините мне кажется, что Вы сидите на моем месте.*

- *Извините, но это моё место.*

- *Прошу извинить, но мне кажется, что может быть здесь*

какое-то недоразумение.

*- I'm sorry, but are you sure
you've got the right seat? [Watts,
2003; 257-258].*

*Извините, Вы уверены, что
Вы сидите на правильном месте?*

Сказав любое из этих утверждений, «А» начал словесное взаимодействие в рамках политкорректного поведения, ожидаемого в ситуации такого типа (социально приемлемое поведение). Некоторые оценили бы словесное поведение как вежливое, а другие воспринимают его как политкорректное, потому что в этой ситуации вы больше ничего не скажете. «Б» также считает вербальное поведение «А» политкорректным, поскольку оно соответствует его ожиданиям. Маловероятно, что «Б» ожидал, что «А» скажет: *«hey, get out of my seat»* (эй, встань с моего места), что оценивается как неполиткорректное поведение или невежливость. Если бы «А» сказал:

- I'm so sorry to bother you, but would you very much mind vacating my seat?(Мне очень жаль беспокоить вас, но не могли бы вы освободить мое место?).

С точки зрения «А», это высказывание оправдано. Однако для «В» это выше того, что можно ожидать в этой ситуации. Следовательно, он, вероятно, будет воспринят «В» как излишне агрессивный, хотя и вежливый. Как упоминалось ранее, в постмодернистских подходах к вежливости оценки слушателя важнее намерений говорящих. Вот почему Уоттс (2003) отрицает любую прямую связь определенных языковых выражений и речевых актов со стратегиями вежливости. Он считает, что «никакие лингвистические структуры не могут быть признаны по своей природе вежливыми» [Watts, 2003;168]. Поэтому вежливость - это вопрос переговоров между участниками, и существует вероятность того, что в конце разговора участники по-разному интерпретируют одно и то же взаимодействие. Наконец, что касается вышеприведенного примера, вежливость надлежащим

образом передается только тогда, когда концептуализация вежливости человека «А» соответствует восприятию вежливости человека «В». И это вводит понятие «Сообщество практики» (СП)(Community of Practice' (CofP)) в исследования вежливости, как обсуждается ниже.

Миллс (2003) является одним из теоретиков постмодерна, который ставит под сомнение однородность норм вежливости, предполагаемых более ранними подходами, и она также отвергает любые попытки разработать универсальную теорию вежливости. Используя понятие «Сообщество практики» (СП), предложенное Эккертом и Макконнел-Гинетом (Eckert и McConnell-Ginet) (1992), Миллс (2003) утверждает, что в данном взаимодействии вежливость и невежливость может быть проанализирована только участниками внутри определенных «Сообщество практики» (СП). «Сообщество практики» (СП) определяется как «совокупность людей, которые объединяются для совместной работы в рамках усилий. Способы ведения дел, способы общения, убеждения, ценности, властные отношения – в общей практике возникают в ходе этого взаимного усилия» [Eckert и McConnell-Ginet, 1992;464]. Оценивая вежливость акта, утверждает Миллс (2003), нужно судить о целесообразности либо «по отношению к воспринимаемым нормам ситуации, «Сообщество практики» (СП), либо воспринимаемым нормам общества в целом» [Mills, 2003;77]. Как видно из модели вежливости Браун и Левинсона, намерение говорящего находится в центре, однако Миллс (2003) предлагает модель, в которой приоритет отдается суждениям о целесообразности в конкретных сообществах практики. Миллс (2003) также отвергает любую прямую связь определенных языковых выражений (например, формул вежливости) с вежливостью, утверждая, что «вежливость - это вопрос суждения и оценки, а не вежливость, обусловленная конкретными лингвистическими формами или функциями» [Mills, 2003;110].

Несмотря на то, что пишут Уоттс (2003) и Миллс (2003), очевидно, что есть элементы вежливости, которые являются традиционными. В английской

культуре обычная формула вежливости, такая как 'sorry'(извините), традиционно используется для извинений. Но в контексте это вежливое выражение может быть истолковано как саркастическое или ироничное. Само собой разумеется, нужно видеть, как люди интерпретируют конкретную ситуацию и то, что было сказано, но это не означает, что 'sorry'(извините) не является обычной формулой извинений [Kourosh Saberi, 2012:37].

1.3. Стратегии вежливости в лингвокультуре

1.3.1. Коммуникативная и тактическая стратегии вежливости

Как подчеркивает Григорьева Н.В. для достижения цели в речевой коммуникации обязательно принимать меры предосторожности и планировать действия, которые будут совершаться. Другими словами, надо разработать «стратегию» и «тактику», чтобы с незначительными затратами достичь цели. Эти стратегии можно рассматривать как метод и инструкции, которые основаны на точных предсказаниях по сравнению достигаемой цели и тактики как приёмы для достижения данной цели.

Далее она говорит, что в лингвистике для достижения коммуникативных целей используются определенные методы и приёмы, которые называются стратегии и тактики коммуникации. Знания этих приёмов привлекает большое внимания особенно в лингвистическом пространстве 21-го века где усиленно развивается межкультурная коммуникация [Григорьева, 2009; 45].

Дейк (Teun Adrianus van Dijk), одним из первых исследовавший речевые тактики, приводит следующие их примеры: «пояснение», «приведение примеров», «уточнение», «поправки», «обобщение», «отрицание», «усиление», «уклонение», «уступка», «повтор», «установление контраста», «констатация отрицательных последствий» или «конкретизация перспектив» [Dijk, 1989: 285].

Коммуникативная стратегия - это своего рода коммуникативный план,

который предполагает определенные коммуникативные цели (на фоне определенных установок) и для которого необходима определенная коммуникативная компетентность. Коммуникативная стратегия (через коммуникативные тактики) проявляется в типовых моделях речевого поведения. Успешная коммуникативная стратегия исходит из тех или иных коммуникативных постулатов, которые демонстрируют условия успешной коммуникации [Григорьева, 2009; 46].

Коммуникативная тактика - это конкретная реализация стратегии, это совокупность действий, выполняемых нами в той или иной последовательности, которые реализуют/не реализуют коммуникативную стратегию и подчиняются/не подчиняются тем или иным правилам. Такие действия могут быть простыми и сложными (как совокупность отдельных шагов для достижения единого результата; в этом случае каждый шаг предполагает решение только части задачи). В одних случаях последовательность шагов остается свободной, в других - она оказывается закрепленной, принципиально важной, значимой [Григорьева, 2009; 46].

Таким образом, коммуникативная стратегия - это совокупность заранее запланированных адресантом и реализуемых в ходе коммуникативного акта ходов, направленных на достижение коммуникативной цели. Движущей силой любой коммуникативной стратегии является коммуникативная интенция, т.е. представление о способе объединения этих теоретических ходов в единое целое, в коммуникативную стратегию. Коммуникативная тактика представляет собой совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия [Аристова, 2007; 6].

Г.В. Елизарова, исследовавшая роль стратегий в формировании межкультурной компетенции и процессе обучения иностранным языкам, подчеркивает когнитивную суть речеповеденческих стратегий, которые понимаются при этом «как магистральная линия поведения, основывающаяся на знаниях о культурных универсалиях, о собственных культурных ценностях и способах их отражения в поведении, на аналогичных знаниях,

касающихся культуры изучаемого языка, на знаниях о способах медиации во время такого взаимодействия, мотивации к приобретению таких знаний, на эмпатическом отношении к происходящему и вовлеченным в него индивидам и на умениях динамическим образом воплотить все эти знания и отношения в актуальные действия в ситуациях общения» [Елизарова, 2001; 203-204].

Ю.Б. Кузьменкова определяет коммуникативную стратегию как совокупность языковых средств и речевых приемов для достижения намеченной цели общения и выделяет макростратегии, которые в свою очередь делятся на стратегии маневрирования и стратегии реагирования. Макростратегии маневрирования подразделяются на стратегии дистанцирования, намека и уклонения, макростратегии реагирования делятся на стратегии поддержки собеседника и стратегии поддержания контакта. Ю.Б. Кузьменкова утверждает, что стратегии, относящиеся к первой группе (макростратегии маневрирования), то есть стратегии дистанцирования, намека и уклонения являются характерными для англоязычной коммуникации вследствие тенденции представителей англоязычных культур к вербальному маневрированию и лавированию и их стремлению к иносказательности и уходу от прямолинейности [Кузьменкова, 2006; 11].

Гоффман сравнивал правила вежливости с правилами дорожного движения, говоря, что правила спасения лица - это правила дорожного движения в ходе социального взаимодействия. Макростратегии маневрирования относятся к обоим участникам коммуникации в равной степени, в то время как макростратегии реагирования обращены в первую очередь на адресата, функцией которого является поддержка адресанта (защита его/ее лица), поддержание беседы, предотвращение неловких пауз и молчания [Кузьменкова, 2006: 12].

Т.В. Ларина определяет коммуникативную стратегию как соотнесение коммуникативных действий с целью коммуникации [Ларина, 2003: 17]. М.Л. Макаров отмечает, что коммуникативная стратегия всегда отличается

гибкостью и динамикой, в ходе общения она подтверждается постоянной корректировкой [Макаров, 2003: 194]. Ларина, соглашаясь с этой точкой зрения, определяет вежливость в целом как гибкую систему стратегий, «поскольку в процессе общения в связи с меняющимся коммуникативным контекстом коммуниканты вынуждены корректировать свое коммуникативное поведение, стараясь сделать наиболее оптимальный выбор стратегий и языковых средств, с тем чтобы произвести на партнера самое благоприятное впечатление» [Ларина, 2003; 18].

1.3.2. Стратегии позитивной вежливости

Позитивная вежливость направлена на удовлетворение позитивного лица адресата, на проявление того, что желания адресанта до какой-то степени совпадают с желаниями адресата. В противоположность негативной вежливости, позитивная вежливость не обязательно направлена на возмещение ущерба, полученного адресатом в результате того, что адресант совершил ЛУА. Позитивная вежливость - это уважение лица адресата и его желаний в широком смысле, это демонстрация схожести и солидарности между своими собственными желаниями и желаниями другого человека. Лингвистическое выражение позитивной вежливости лучше всего можно описать как нормальное речевое поведение между близкими людьми, когда проявление интереса к другому, одобрение его/ее личности, проявление общности в желаниях и знаниях, взаимности в обязанностях и исполнении желаний являются обычными и нормальными. Позитивная вежливость отличается от повседневного речевого взаимодействия близких людей лишь элементом преувеличения своих чувств и эмоций.

В позитивной вежливости адресант сигнализирует о своем желании удовлетворить желания позитивного лица адресата. Выражение позитивной вежливости - это некая метафора близости, общности и солидарности, проявляемая даже мало знакомыми людьми в целях более гармоничного взаимодействия. Так, стратегии позитивной вежливости используются не

только для смягчения силы ЛУА, но и просто как социальный «катализатор», помогающий адресанту «приблизиться» к адресату [Brown & Levinson, 1987; 101-103].

Стратегии позитивной вежливости включают три механизма; (1) утверждение общности, основанное: на том, что адресант и принадлежат к группе людей с общими желаниями, целями и ценностями; (2) проявление того, что адресант и адресат сотрудничают; и (3) осуществление какого-либо желания адресата.

Стратегии позитивной вежливости 1-8 относятся к первому механизму - утверждение общности между адресантом и адресатом. Рассмотрим каждую из стратегий подробнее:

Стратегия 1: замечать и уделять внимание адресату (его/ее интересам, желаниям, потребностям, вещам);

Стратегия 2: преувеличивать (интерес, одобрение, симпатию/сочувствие к адресату, общность/взаимопонимание);

Стратегия 3: увеличивать заинтересованность адресата в разговоре (например, в рассказе использовать настоящее время вместо прошедшего для вовлечения адресата в центр событий, преувеличения, использование прямых цитат вместо косвенной речи);

Стратегия 4: использовать опознавательные знаки данной группы людей (формы обращения, языки или диалекты, жаргон или сленг, эллиптические предложения);

Стратегия 5: искать согласия (обсуждать безопасные темы, повторять часть того, что было сказано адресантом до тебя, чтобы показать интерес, внимательность и подчеркнуть эмоциональное согласие с тем, что было сказано);

Стратегия 6: избегать разногласий (видимость согласия, псевдосогласие, ложь во спасение, уклончивость в высказывании своего мнения);

Стратегия 7: предполагать/находить/утверждать общее с адресатом

(сплетни и беседы ни о чем, операции с точкой зрения, перемещение личного центра с адресанта на адресата, перемещение времени, места манипуляции с предположениями: предполагать знание желаний и ощущений адресата, предполагать, что ценности адресата совпадают с ценностями адресанта, предполагать фамилльярность в отношениях между обоими, предполагать знания адресант);

Стратегия 8: шутить (шутка показывает адресату общность с адресантом, шутка помогает собеседнику расслабиться (в случае неверного шага), она может смягчить силу «ликоущемляющего акта» (ЛУА) просьбы);

Следующий класс стратегий позитивной вежливости направлен на утверждение кооперации между собеседниками. Кооперация может быть достигнута с помощью проявления знания и внимания к потребностям позитивного лица адресата.

Стратегия 9: утверждать или предполагать знание адресанта и ею/ее забота о потребностях адресата (один из способов реализации данной стратегии - это проявить знание желаний адресата и свои попытки согласовать свои желания с желаниями адресата. Например: I know you can't bear parties, but this one will really be good — do come).

Стратегия 10: Предлагать, обещать (в целях смягчения потенциальной угрозы ЛУА адресант может проявить кооперацию и показать, что хочет исполнения желаний адресата и сделает все возможное для того, чтобы его/ее желания исполнились. Даже если предложения и обещания являются ложными, дай демонстрируют добрые намерения в удовлетворении потребностей позитивного лица адресата).

Стратегия 11: Быть оптимистичным (адресант подразумевает, что адресат хочет того же, что и адресант и, следовательно, поможет адресанту получить желаемое. Например, You'll lend me your book for the weekend, won't you? I'll just help myself to a cookie then • thanks. Подобные оптимистичные «ликоущемляющего акта» (ЛУА) совершаются с помощью минимизации угрозы лицу, т.е. адресант подразумевает, что то, о чем он/она

говорит - это мелочь, которая сама собой разумеется при кооперативных отношениях. Иногда эта минимизация ущерба выражается такими словами как “a little”, “a bit”, “for a second”, etc.).

Стратегия 12: Включать и адресанта, и адресата в совершение действия (употребление “we” вместо “you” или “te”, а также употребление формы “let’s”).

Стратегия 13: Называть причины или спрашивать о причинах (говоря о том, почему он/она хочет того, что хочет, адресант включает адресата в свою аргументацию, подразумевает кооперацию и утверждает «я могу помочь тебе» или «ты можешь помочь мне»). Конвенциональными стратегиями в данном случае являются косвенные предложения, которые скорее требуют, нежели дают причины: Why don't I help you with this suitcase? Why not lend me your book for the weekend? Данные выражения подразумевают, что, если у адресата нет причин не сделать того, о чем его просят, он/она это сделает. Если же речь идет о том, что было сделано или не сделано в прошлом и для этого не было веских причин, может возникнуть акт критики).

Стратегия 14: Предполагать или утверждать взаимность (кооперация между коммуникантами может быть утверждена с помощью предоставления доказательств существования взаимных прав или обязательств между ними: например, “I’ll do X for you if you do Y for me”, I did X for you last week? So you do Y for me this week”. С помощью же отрицания долга собеседника или ликоущемляющей силы акта можно смягчить «ликоущемляющего акта» (ЛУА) критики и жалобы),

Последней стратегией позитивной вежливости является решение адресанта поощрить позитивное лицо адресата, выполнив какое-то из желаний адресата.

Стратегия 15: Дарить подарки адресату (вещи, симпатию, понимание, кооперацию) [Григорьева, 2009; 52-56].

1.3.3. Стратегии негативной вежливости

Негативная вежливость - это смягчающее действие, направленное на негативное лицо. Если стратегии позитивной вежливости направлены на сближение, демонстрацию близости, фамильярности и шутливое поведения, то стратегии негативной вежливости направлены на создание дистанции, отдаление. Лингвистической *реализацией* данных стратегий является конвенциональная уклончивость и вежливый пессимизм.

В негативной вежливости сталкиваются два желания или потребности; совершить ЛУА прямо и совершить ЛУА со смягчающим действием негативному лицу, т.е. совершить ЛУА уклончиво. Компромисс достигается с *помощью* частичного удовлетворения обоих желаний:

Стратегия 1: Быть конвенционально уклончивым (данная стратегия является компромиссом между желанием выразить свое желание прямо и потребностью дать возможность выхода адресату). Если желание пойти напрямую обусловлено тем аспектом негативной вежливости, который предписывает прямоту в речи, то все остальные стратегии негативной вежливости исходят из того, что нужно смягчить удар негативному лицу:

Стратегия 2: Спрашивать, использовать средства увиливания (hedges) (не предполагать своего знания об адресате, о его /ее желаниях, интересах, возможности/способности/желании совершить требуемое действие). Существует множество способов увиливания (hedges), приведем лишь некоторые:

1. модификация фразы с помощью таких слов как sort of, pretty, quite, rather, true, really etc;
2. перформативы типа I suppose, I think, I guess, I wonder etc;
3. Won't you в начале просьбы;
4. Разделительные вопросы;
5. Придаточные предложения, начинающиеся с if (if you can, if I may ask you, if you don't mind, if you want, etc.);

Другой класс стратегий, смягчающих угрозу негативному лицу основывается на желании не принуждать адресата к действию, т.е. предполагать его нежелание совершать требуемое действие:

Стратегия 3: Быть пессимистичным (данная стратегия смягчает угрозу негативному лицу, выражая сомнение в уместности речевого акта, совершенного адресантом. В английском языке существуют разные способы словесного оформления данной стратегии: *Could/would/might you do X? Can/will/may you do X? You wouldn't have brought fey money, would you? I don't suppose there'd be any chance of you ...*

Тремя главными способами оформления данной Стратегии являются отрицания «с хвостиком», сослагательное наклонение и использование знаков отдаленной возможности. Наряду с предыдущей стратегией эта стратегия является средством выражения косвенных речевых актов.

Стратегия 4: Сводить импозицию (Rx) к минимуму (указав, что серьезность импозиции, заложенной в акте, невелика). Например: *I just want to ask if I can borrow a tiny bit of/a single sheet of/a little paper.*

Стратегия 5: Относиться к собеседнику почтительно, с уважением (этого можно достичь двумя способами: либо принижением собственного я, либо возвышением лица собеседника, В обоих случаях подразумевается, что адресат стоит выше адресанта по социальному статусу и имеет право быть огражденным от импозиции со стороны адресанта). Способами выражения уважительного отношения являются в английском языке формы обращения, включающие титул, ученую степень и др. (sir, Mr., Dr.), использование слов более высоких по стилю (например, *dine* вместо *eat*, или *volume* вместо *book*), выражение того, что желания адресанта не важны по сравнению с желаниями адресата, принижение своего ума/знания в разговоре с собеседником.

В основу следующих четырех стратегий заложено желание показать, что адресант не хочет нарушать прав адресата. Адресант показывает, что ему/ей известны желания негативного лица адресата и он/она принимает их во внимание, когда совершает ЛУА. Двумя способами выражения данной

стратегии являются извинения, либо демонстрация того, что адресант вынужден нарушать права адресата. Этого можно добиться с помощью нарушения связи адресата или адресанта (или обоих) с ЛУА, т.е. показать либо, что адресант совершает ЛУА не по собственному желанию, либо, что ЛУА направлен не на адресата, а на каких-то людей вообще. Существуют следующие способы вербального выражения данного класса стратегий: неясно или обобщенно обозначить агента совершения ЛУА, завуалировано говорить об адресате, сам ЛУА высказать как некий общий принцип, а не как нечто желаемое адресантом отвести внимание от акта импозиции, дав название акту при совершении ЛУА.

Стратегия 6: Извинением за ЛУА адресант показывает свое нежелание совершать ЛУА. Существует по крайней мере четыре способа: высказать сожаление и нежелание совершать ЛУА:

1. Признать факт ущерба негативному лицу адресата (I'd like to ask you a big favour, I'm sure you must be very busy, but..., I know this is a bore, but...) (Я хотел бы попросить вас об одолжении, я убежден что вы должны быть очень заняты, но... я знаю, что это зануда, но...).

2. Показать нежелание совершать «ликоущемляющий акт» (ЛУА) (I hate to bother you, but... I normally wouldn't ask you this, but...I don't want to interrupt you, but...) (Я не хочу вас беспокоить, но... я обычно не прошу вас об этом, но... я не хочу вас перебивать, но...).

3. Предоставить исчерпывающие объяснения/причины для совершения ЛУА (I can't manage it myself, I can think of nobody else who could, I'm absolutely lost...) (Я не могу справиться с этим сам, я не могу думать ни о ком другом, кто мог бы, я абсолютно потерян).

4. Просить прощения (Excuse me, but..., I'm sorry to bother you..., I hope you'll forgive me if., I beg your indulgence...)(Извините меня, но..., извините что беспокою вас, я надеюсь вы простите меня, если., я прошу вашей снисходительности...).

Стратегия 7: Обезличить адресанта и адресата (избегать местоимений I

н you; использовать we вместо I и you; заменять личные местоимения относительными: One might think that...; использовать безличные глаголы, например, It appears to me that, It looks like, It would be desirable that...; использовать пассивный залог; I got delayed, I'm sorry..., It is expected that...; увеличить дистанцию между ЛУА и адресантом с адресатом: I was wondering if you could do me a little favour, I was kind of interested in knowing it!).

Стратегия 8: Утвердить ЛУА как общее правило (Passengers will please refrain from flushing toilets on the train, The United States expresses regrets over the occurrence of the incident, We don't sit on tables, we sit on chairs, Johnny).

Стратегия 9: Номинализация (если подлежащее в предложении выражено существительным, то предложение звучит более формально, а значит в некоторых случаях более вежливо; of a) You performed well on the examination and we were favourably impressed, b) Your good performance on the examination made a favourable impression on us. Второе предложение звучит гораздо более формально, чем первое и больше похоже на образец письменной речи, в то время как первое предложение — это типичной образец устной речи. Этот феномен связан с тем, что чем больше в предложении существительных, тем больше становится дистанция между адресатом и совершением действия, так как нет глаголов, указывающих на совершение действия).

Следующая и последняя стратегия негативной вежливости основана на удовлетворении других желаний адресата в качестве компенсации той угрозы лицу, которая была нанесена при совершении ЛУА.

Стратегия 10: Пойти напрямую в признании своего долга перед адресатом или в признании того, что адресат не является должником адресанта (I'll never be able to repay you if you..., I'd be eternally grateful if you would..., I could easily do it for you, It wouldn't be any trouble) (Я никогда не смогу оплатить вам, если вы... я был бы полностью признателен, если бы вы... я мог бы легко сделать это для вас, это не будет проблемой).

Обычно западные культуры классифицируют как направленные в

основном на стратегии негативной вежливости (Brown & Levinson, 1994: 130), однако, если сравнивать США и Англию, получается, что США являются позитивно ориентированной культурой, а Англия — негативно ориентированной (Scollon & Scollon, 1983). Майер (Meier, 1995b: 386) призывает избегать классификации целых культур и народов как направленных на позитивную, либо на негативную вежливость, предпочитающих прямые, либо косвенные средства выражения, являющихся вежливыми, либо невежливыми. Она пишет, что классификация на позитивно или негативно ориентированные культуры может проводиться лишь для сравнения конкретных языковых сообществ. Так, одна и та же культура при сравнении с разными культурами будет классифицироваться либо как позитивно ориентированная, либо как негативно ориентированная [Григорьева, 2009; 56-60].

1.4. Связь языка и культуры

1.4.1. Понятие «лингвокультуры»

Связь языка и культуры, как уже упоминалось выше, является фактом, не требующим доказательств, В.В. Кабакчи отмечает: «Общепризнанной является неразрывная связь языка и культуры, подразумевается само собой разумеющимся принадлежность языка народу-носителю культуры, исторически обслуживаемой данным языком: польский язык — поляки, венгерский язык — венгры, русский язык — русские и т.д. Между тем в своей основе язык «акультурен», не принадлежит никакой культуре и потенциально может стать средством общения любой культуры, что в частности подтверждается фактом существования так называемых полинациональных языков (в том числе и английского)» [Кабакчи, 1990; 31]. Тем не менее, продолжает автор, «...в ходе исторического развития языка его преимущественная ориентация на конкретную культуру выражается в том, что в нем накапливаются языковые средства, направленные на обслуживание коммуникативных потребностей именно данного народа: это

внутрикультурная терминология (реалии), специфические средства речевого этикета данного народа, фразеологические единицы, уместные в устах народа-носителя данного языка» [Кабакчи, 1990; 32].

Язык — это не только средство общения, но и средство коммуникативной изоляции, социо/национального самоутверждения и разграничения с другими народами и социальными группами [Кабакчи, 1990; 32].

Эффективное общение с представителями другой культуры предполагает знание основных характеристик межкультурной коммуникации, владение межкультурной компетенцией [Галич, 2001; Германова, 1996; Елизарова, 2001; Кулягин, 2000; Латыпов, Усманова, 2003]. Культура и коммуникация взаимно влияют друг на друга. Важно знать особенности двух этих понятий, чтобы понять сложные отношения между ними. Оба понятия являются очень сложными и многогранными. Уже в 50-ых годах XX века А. Крэбер и К. Клухон [Kroeber & Kluckhohn, 1952] выделили более 160 различных определений термина «культура». М. Фрайлих [Freilich, 1989: 2] говорит о том, что от определения культуры как некой деятельности, мы пришли к определению ее как состояния и стиля жизни, который культивируется в обществе. Член общества должен знать, что хорошо и что плохо в том или ином обществе и какие последствия может вызвать определенное действие. Член общества должен быть воспитан в соответствии с ценностями данного общества и знать, что составляет «желательное» и «нежелательное» поведение в данном обществе. Культура, таким образом, - это система значений, основывающаяся на ценностях, которая позволяет человеку понимать и объяснять, что происходит в его/ее повседневной межкультурной среде. Культура придает ее членам определенное чувство общей/схожей сущности и солидарности, проводя границу между «своими» (in-groups) и «чужими» (out-groups).

С. Тинг-Туми и Л. Чанг определяют культуру как систему значений, состоящую из традиций, убеждений, ценностей, норм, значений и символов,

которые передаются от поколения к поколению и являются до определенной степени общими для взаимодействующих членов одного сообщества [Ting-Toomey & Chung, 2005; 28]. [Григорьева, 2009; 67-68].

1.4.2. Отражение культурных ценностей в речевом поведении и выборе стратегий вежливости

Ценности - это общие для некоторого сообщества идеи о том, что хорошо и что плохо, что честно или нечестно, что важно и что неважно. Хотя каждый человек имеет свою собственную уникальную систему ценностей, - основанную на социальном и жизненном опыте, существуют и более глобальные ценности на культурном уровне, являющиеся достаточно хорошо и что плохо, что честно или нечестно, что важно и что неважно. Хотя каждый человек имеет свою собственную уникальную систему ценностей, • основанную на социальном и жизненном опыте, существуют и более глобальные ценности на культурном уровне, являющиеся достаточно стабильными и прочными и помогающими культуре выстоять во времена кризиса и стрессовых ситуаций. Модели культурных ценностей определяют основные критерии, по которым мы оцениваем свое поведение и поведение других людей. Они определяют как мы и другие люди должны вести себя в определенной ситуации общения. Они служат имплицитным руководством для наших мотиваций, ожиданий, восприятий, интерпретаций и коммуникативных действий [Ting-Toomey, Chung, 2005: 54].

Чтобы понять культуру или человека в определенном культурном сообществе, нужно сопоставить ценности, лежащие в основе поведения, с нормами, значениями/интерпретациями и символами/знаками. Именно убеждения и ценности лежат в основе мышления, реакций и поведения людей. В то время как нормы можно легко увидеть в поведении людей, культурные убеждения и ценности невидимы. Культурные традиции, убеждения и ценности влияют на развитие коллективных норм определенной культуры.

Культурные ценности относятся к набору приоритетов, с помощью которых оценивают «хорошее» или «плохое» поведение, «желательные» или «нежелательные» поступки, «честные» или «нечестные» действия. Культурные ценности служат мотивационной основой действий. Эти мотивационные ценности или основные ценностные потребности включают: удовлетворение биологических потребностей, потребностей социальной координации, и потребностей выживания и благополучия в группе. В своих исследованиях более пятидесяти стран, С. Шварц [Schwartz, 1992] выделяет десять основных ценностей, которые мотивируют людей вести себя определенным образом в различных культурах. Эти ценности включают: самоуправление/направленность на себя (self-direction), поощрение (stimulation) и гедонизм/жажду наслаждений (hedonism); безопасность/надежность/ уверенность (security), традицию (tradition) и конформизм/подчинение (conformity); власть/силу (power) и благожелательность/щедрость (benevolence)' достижение (achievement) и (stimulation) и гедонизм/жажду наслаждений (hedonism); безопасность/надежность/ уверенность (security), традицию (tradition) и конформизм/подчинение (conformity); власть/силу (power) и благожелательность/щедрость (benevolence); достижение (achievement) и универсальность (universalism). Самоуправление, поощрение и гедонизм отражают индивидуалистские ценностные тенденции, безопасность, традиция и подчинение — коллективистские ценностные модели. Власть и благожелательность отражают, хочет ли индивидуум добиться признания либо более глубокого смысла в жизни, достижение и универсальность показывают направленность индивидуума либо на материальный успех, амбициозность индивидуума, либо его универсальную направленность, стремление к гармонии с миром и душевному равновесию.

Ниже мы опишем каждый из типов ценностей и отдельные ценности, относящиеся к каждому из типов:

1. Самоуправление: независимость мыслей и действий; выбор,

созидание, исследование.

2. Поощрение: волнение/возбуждение, новизна, постановка сложных задач в жизни.

3. Гедонизм: удовольствие и чувственное удовлетворение.

4. Достижение: личный успех через демонстрацию компетентности в соответствии с социальными стандартами.

5. Власть: социальный статус и престиж, контроль и влияние на людей и ресурсы.

6. Безопасность: безопасность, гармония, и стабильность в обществе, в отношениях и, а самом себе.

7. Конформизм: сдержанность в действиях, склонностях, и импульсах, которые могут расстроить или навредить другим и противоречить социальным ожиданиям и нормам.

8. Традиция: уважение, приверженность, и принятие обычаев и идей, которыми обеспечивает личность традиционная культура и религия.

9. Благожелательность: сохранение и улучшение благосостояния тех, с кем человек находится в частом личном контакте (члены одной группы).

10. Универсализм: понимание, положительная оценка, терпимость, и защита благосостояния всех людей и природы.

Исследование С. Шварца [Schwartz, 1992] показывает, что четкая структура ценностей отражает базисные потребности человека. Структура ценностей и отношения между типами ценностей согласуются в разных культурах, но, тем не менее, культуры различаются в зависимости от того, насколько сильно или слабо они поощряют тот или иной набор ценностей. Культурные ценности могут служить логичным объяснением вербального и невербального поведения. Различные ценностные ориентации можно связать с разными стилями общения. Зачастую непонимание различий в культурных ценностях может вызвать конфликт между представителями разных культур. Индивидуум может даже не заметить, что нарушил нормы другой культуры в

ходе общения. В результате этого непонимания может возникнуть межкультурный конфликт.

Так культура и культурные ценности определенного языкового сообщества играют важную роль в общении как между членами одного сообщества, так и с представителями других культур. Определение различий в культурных и личных ценностях помогает нам понять, почему люди ведут себя тем или иным образом в определенной ситуации. Культурные ценности формируют часть нашего «я», состоящего из культурных, этнических, половых, духовных, профессиональных, семейных и личных ценностей [Ting-Toomey, Chung, 2005: 53]. Зачастую разочарования, обиды и недопонимание в ходе межкультурного общения возникают в результате различий в стилях вербальной коммуникации разных культур. Вследствие некомпетентности в межкультурной коммуникации даже повседневная рутинная речевая ситуация может стать источником стресса и разочарования. Одним из первых шагов к улучшению эффективной межкультурной коммуникации является развитие своих знаний о различиях в стилях вербального общения. Попытаемся определить общие культурные модели и различия в культурных ценностях британцев, американцев и австралийцев, а также различия в речевом поведении представителей трех разновидностей английского языка, берущие свои корни в их культуре и культурных ценностях. Кроме того, отметим различия в понимании вежливости британцами, американцами и австралийцами.

Культурные ценности имеют много функций: функцию определения личности, функцию определения и объяснения смысла, функцию определения границ и функцию адаптации. британцами, американцами и австралийцами.

Культурные ценности имеют много функций: функцию определения личности, функцию определения и объяснения смысла, функцию определения границ и функцию адаптации.

Анализ культурных ценностей выявляет потенциальные сходства и

различия в ценностных моделях различных культурных групп. Культурные ценности формируют скрытые (имплицитные) стандарты, по которым мы судим об уместности либо неуместности речевого поведения в определенных коммуникативных эпизодах. Однако, тенденции на культурном уровне не объясняют поведения всех представителей какой-либо культуры. Таким образом, если две культуры (например, Вьетнам и США) различаются по своей направленности либо на индивидуума либо на группу (индивидуализм и коллективизм), это не значит, что каждый вьетнамец является коллективистом, а каждый американец индивидуалистом. Это лишь предполагает, что данные культуры различаются в своей ценностной ориентации. Внутри каждой культуры существуют ощутимые вариации на индивидуальном уровне [Григорьева, 2009; 69-74].

1.5. Обращение, приветствие и благодарность как речевые стратегии

1.5.1. Обращение как компонент категории вежливости

Прежде чем приступить к сопоставительному анализу стратегий вежливости в двух лингвокультурах, рассмотрим более детально выбранные стратегии.

Проблемой изучения обращения как компонента категории вежливости в разных языках занимались многие ученые.

Карасик В.И. считает, что «... вежливость предполагает сознательное следование каким-то нормам, правилам поведения, принятым в данном обществе, а такт в большей степени относится к подсознательному, интуитивному чувству, предполагающему правильное поведение» [Карасик, 2005: 149].

Э. Левинас считает, что в этой формуле вежливости заключена вся суть морали, потому что она выражает отказ от эгоизма и заставляет насильно уступить дорогу уважению. Этимология сближает термин «вежливость» (politesse) с термином «политика» (politique) не без основания. Как отмечает

И. Рокция вежливость это искусство добрососедства, правда базирующееся на видимости, а не на реальном соотношении сил, на показном уважении, а не на искреннем компромиссе, на преодолении эгоизма с помощью хороших манер, а не на основе справедливости и права. Аллен называл ее «искусством знаков» и сравнивал с грамматикой межличностных отношений. В этом искусстве истинные помыслы ничего не значат, все решает обычай [<http://www.pravpokrov.ru/Articles/index/355>].

Н.И. Формановская также рассматривает обращения в структуре дискурса. В своей работе она отмечает, что «обращение к незнакомому ведет за собой, как правило, минимальный дискурс, информативная часть которого строится как вопрос, просьба, небольшое сообщение. Обращение к знакомому, кроме названной возможности, может иметь следствием довольно длинную информативную часть, которая может перерасти и в монолог» [Формановская 2007: 210].

Изучение Брауном и Гилманом (1960) форм обращения - одно из первых исследований в этой области. Символ T/V был впервые введен ими, в котором форма T обозначает латинский *tu* «знакомый» второй человек и форма V - *vos* для «вежливого» местоимения. Исследование рассматривает и описывает местоимения как формы обращения на нескольких европейских языках. Следует отметить, что они пытались продемонстрировать связь между социальной структурой, такие как солидарность и власть, и использование местоимения-обращения. Они считали, что власть и солидарность являются двумя важными факторами, которые определяют выбор подходящего местоимения. Если отношение основано на власти, наблюдается асимметричное использование формы - T/V. Как отмечают авторы, в средние века измерение силы контролировало солидарность, что привело к асимметричному использованию формы V/T, что означает, вышестоящий использовал форму T по отношению к адресату, соответственно, в свою очередь, нижестоящий обращался к вышестоящему по формуле V. В таком неравном отношении более могущественный собеседник мог решать и

инициировать взаимное использование. В случае ведения беседы на паритетном уровне можно заметить два положения: во-первых, между собеседниками используется взаимная форма T. Это в случае, когда между говорящим и адресатом существует высокий уровень близости. Другое положение - это взаимное использование формы V, которая показывает вежливость по отношению к адресату или в случае поддержки социально статусной дистанции. Второе положение в основном наблюдалось среди представителей высшего и среднего класса общества [Rokni, 2012: 94].

Д.М. Искандарова считает, что оценка социального статуса человека проявляется в демонстрации уважения и соблюдении вежливости. В условиях статусного неравенства уважение к адресату реализуется в относительной степени свободы участников общения: нижестоящий участник общения пользуется меньшей свободой выбора моделей поведения, чем вышестоящий партнер [Искандарова, 2006: 132].

«К середине двадцатого века солидарность почти завоевала власть как доминирующая управляющая семантика» [Fasold, 1990]. Взаимное использование формы V, внедренной в 4 веке, впервые использовалась римскими императорами. Они обращались друг к другу с помощью формы - V, поскольку они представляли государство. Другой интересной работой по формулам обращения является труд Брауна и Форда (1961), в котором были изучены формулы обращения английского языка. Браун и Форд сформулировали различную структуру системы обращения в американском английском языке, и упомянули, что на выбор этой модели влияют социальные факторы, такие как знакомство, близость, возраст, превосходство и профессиональный статус [Rokni, 2012: 18].

Некоторое исследование по формулам обращения английского языка также подтверждает влияние социальных факторов на выбор этих слов. Полстон (1976), изучая адресное местоимение и их использование на шведском языке, показывает тенденцию к увеличению взаимного использования формы T на шведском языке после демократических

изменений в режиме. Это может подтвердить тот факт, что на языки и лингвистические перемены влияют социокультурные структуры и нормы. С точки зрения Фаулера (1991), теория Брауна является символом иерархического общества, которое несправедливо распределяет власть и богатство между различными группами людей. Поэтому некоторые люди доминируют над другими [Rokni, 2012:18]. Как упоминалось социолингвистикой, люди, как правило, более вежливы по отношению к тем, кто находится в состоянии власти. Поэтому асимметричное использование форм обращения является одним из механизмов поддержания этого явления в обществе и взаимное использование формы Т является стратегией сохранения солидарности среди подчиненных. Макро- и микросоциолингвистические исследования указывают на вариации и изменения в системах обращения многих языков, в том числе те, которые имеют различия между формами Т 'неофициальный вы' (французский Tu) и V 'formal you' (French Vous) [Brown, Gilman, 1972]. Инновация вежливого второго лица единственного числа может принимать любую из нескольких различных форм, таких как использование почетного существительного, местоимения третьего лица или слово «я», как новая вежливая форма, в отличие от первоначальной второй (местоимение второго лица единственного числа, т.н. сингулярное местоимение) [Rokni, 2012:18]. Тем не менее, наиболее распространенным из различных образцов, по-видимому, является использование оригинального второго лица множественного числа, чтобы служить вежливой формой единственного числа [Brown, Levinson, 1980].

В социолингвистике категория формы обращения считается самым лучшим средством для исследования социальных отношений и структуры общества, через язык данного общества [Trudgill, 1974]. Языки отличаются в использовании, функции и поведении терминами обращения и местоимениями. Существование нескольких вариантов обращения в языке позволяет детально расшифровывать различия адресата по возрасту, полу и

социальному статусу. Хотя языки различаются по своему выбору и использованию терминов обращения, «возраст», «социальные классы», «пол» и «уровень близости» являются основными определяющими факторами в большинстве языков. Слова обращения могут определить социальную принадлежность адресата в данном социуме. Например, выбор определенных терминов обращения может показать отношение говорящего к адресату, а также обстановку, в которой совершается действие. Поэтому при анализе вышеупомянутых лингвистических форм следует учитывать контекст и участников коммуникации. Согласно классификации Брауна (1988), термины обращения могут быть разделены на три основных категории: «местоимение», «глагол» и «существительное» [Brown, Levinson. 1980], которые далее будут более детально рассмотрены в форме сравнительного анализа в таджикском и турецком языках.

1.5.2. Приветствие как форма вежливости

Приветствие, как исконная форма вежливости, было предметом интенсивных исследований в различных дисциплинах. Как отмечают А.Кендон и А.Фербер, приветствие выполняет важную функцию в управлении взаимоотношений между людьми [Kendon, Ferber, 1973:592]. Помимо некоторых индейских племен Америки, таких как западные апачи, которых изучал К.Бассо, имеются достаточные доказательства того, что большинство речевых сообществ соблюдают обряд приветствия, когда они собираются вместе [Basso, 1972:89]. Хотя до сих пор не существует обобщенного определения приветствия, ученые из разных областей знания пытались определить его и ввести критерии для идентификации приветствий на разных языках и культурах.

По словам А. Дюранти, приветствия являются важнейшим аспектом коммуникативной компетенции каждого зрелого члена речевого сообщества [Duranti, 1997:63]. По сути, для установления, поддержания и укрепления

межличностных отношений крайне важно показать соответствующее приветствие [Li Wei, 2010:56].

Дж. Холмс пишет, что роль эффективного (или социального) приветствия заключается в установлении контакта между участниками разговора [Holmes, 2001:259]. Приветствие является одним из первых речевых актов, которое изучают дети и люди, изучающие второй язык [Youssof, Grimshaw, & Bird, 1976:62].

Народ Ганды, живущий в Юго-центральной части Уганды, учит своих детей формулам приветствия и расставания, а также необходимым жестам и позам еще до развития их речевых способностей [Mair, 1934:33].

А.Ф. Шлейхер подчеркивает, что в обучении второго (иностранного) языка, «чем больше говорящие понимают культурный контекст приветствия, тем больше общество ценит их» [Schleicher, 1997:334]. Неспособность приветствовать людей должным образом в Нигерии (народность йорубе) может привести к различным выводам, которые вызывают беспокойство, негативные чувства, и может считаться показателем плохого воспитания, говорящего [Akindele, 1990:5]. В этом случае даже физический вред является реальной возможностью среди кочевников-туарегов пустыни Сахара [Youssof, Grimshaw, & Bird, 1976: 801].

А. Дуранти отмечает, что люди, как и животные, живут под постоянной угрозой "потенциальной агрессии" или "страха агрессии" и приветствие может быть способом избежания подобного инстинкта [Duranti, 1997:64].

Аналогично, описывая типичный ритуал приветствия в американском контексте, Р. Фиртз изображает рукопожатие как "отказ от агрессии" и явный жест взаимного доверия [Firth, 1972:5].

Изучая приветствия кочевников туарегов, населяющих Западную Сахару Северной Африки, Юсуф И.А. изображает несколько иную картину приветствия. Первый этап приветствия среди туарегов начинается с обмена приветствием ("привет") и рукопожатия. Как вызов, *салам* может быть повторен более одного раза, пока он не привлечет внимание адресата.

Интересно, что *салам* и шаблонный ответ на него может быть произнесён в двух различных формах, которые раскрывают особую информацию о регионе. Если собеседник произносит слово *salām'aleykum* с глоттальной остановкой / ' / то это считается показателем исламского влияния на собеседника, но *salām'aleykum* с / γ / (без глоттальной остановки) передает значение, что собеседник меньше привержен исламскому учению. То есть, сторона, которая использует неисламизированный контекст, считается человеком, который не боится Бога и, следовательно, может быть опасным [Youssouf, Grimshaw, & Bird, 1976:802].

1.5.3. Определение, функции и свойства благодарности

В таджикском языке так же, как и в других языках Центральной Азии (узбекском, казахском, киргизском, туркменском) широко используется слово *рахмат/рахмет*, которое является заимствованием из арабского, семитский корень *ghm* означает «милость». «Соответственно, благодарность представляет собой магическое действие со значением призывания милости к тому, кого благодарят» [Карасик, 2013:104].

Однако слова, выражающие благодарность в различных языках, не ограничиваются только этими значениями. В.И. Карасик выделяет следующие 7 идей, передающих внутреннюю форму концепта «благодарность»: «1) радость, 2) добрые мысли, 3) милость, 4) дарение, 5) восхваление, 6) благословение, 7) вознаграждение [Карасик, 2013:104]. К данным выводам известный ученый приходит на основании проведенного этимологического анализа лексики благодарности. «Можно увидеть, что в основе благодарности лежит чувство радости и стремление принести радость в ответ на чье-либо действие. Формой выражения благодарности являются добрые слова и жесты (восхваления), магические и символические действия (благословения и вознаграждения)» [Карасик, 2013:104].

Благодарение, как отмечает Грант Гино (2010), является повсеместным фактором нашей социальной жизни [Saberī, 2012: 946]. В обществе, где мы

живем, выражение благодарности должным образом имеет очень важное социальное значение и сохраняет положительное лицо так называемого «*благодетеля или благотворителя*» (*benefactor*). Однако способы выражения благодарности в основном определяются социокультурными ценностями и традициями, с помощью которых управляется общество. К примеру, можно сравнить два разных общества: американское и китайское. Американцам больше по душе прямая (эксплицитная) форма выражения благодарности [Eisenstein & Vodman, 1993:64]. Однако, китайцы, по мнению Вонга, кажутся слишком сдержанными по сравнению с американцами, когда выражают благодарность (так называемая имплицитная благодарность) [Wong, 2010:1243]. Практика показывает, что использование благодарности имеет много преимуществ, например, она помогает избегать стрессовых ситуаций и укрепляет социальные отношения между людьми [Lyubomirsky, Sheldon, Schkade, 2005: 125-126]. В итоге правильное выражение благодарности может создать чувство тепла и солидарности между участниками данного сообщества [Eisenstein and Vodman, 1993:64], также оно поддерживает и укрепляет социальное единство и межличностные отношения. Любое неадекватное выражение благодарности может привести к негативным социальным последствиям между собеседниками, таким как обида, недовольство и раздражение [Eisenstein & Vodman, 1986:167].

Мы обычно благодарим людей за помощь и / или услуги, которые мы получаем, и они являются «Объектом (-ами) благодарности» [Coulmas, 1981b:74]. Тип и характер объекта благодарности определяет, на каком уровне должна быть выражена благодарность.

Например, благодарность за спасение чьей-то жизни сильно отличается от благодарности за удерживание за собой двери для друга или проходящего человека. Как отмечает Кулмас (1981b), «каждая искренняя вербализация благодарности направлена на какое-либо действие (или действия) «*благодетеля*» (*benefactor*) или на результат этого действия» [Saber, 2012:74]. Кулмас (1981b) использует четыре основных критерия: реальная/

потенциальная, материальная/нематериальная, запрошенная/не запрошенная, и критерий задолженности/не задолженности, чтобы классифицировать объекты благодарности. Он классифицирует объекты благодарности на восемь групп:

1. потенциальное благодарение: благодарение перед событием (например, за обещание, предложение, приглашение);
2. действительное благодарение: благодарение после мероприятия (например, за приглашение (по окончании события));
3. материальное благодарение: благодарение за материальные товары, которые мы получаем (например, подарки, услуги);
4. нематериальное благодарение: благодарение за нематериальные товары, которые мы получаем (например, комплименты);
5. запрошенное благодарение: благодарение за некоторые действия, вытекающие из запроса выгодоприобретателя (*beneficiary*);
6. не запрошенное благодарение: благодарение за действие, начатое благотворителем (*the benefactor*);
7. благодарение задолженности: благодарение, в котором подразумеваются задолженность;
8. благодарение не задолженности: благодарение, в котором не подразумеваются задолженность [Saberī, 2012:75].

Кулмас подчеркивает, что природа самого объекта благодарности является не единственным фактором, по которому можно было бы выбирать правильную формулу благодарения [Saberī, 2012:75]. Сущность и качество отношений между собеседниками, имеющими одинаковые отношения, то есть эти взаимодействия могут встречаться между близкими друзьями, членами семьи, незнакомцами или работодателем и работником и.т.д., [Saberī, 2012:75]. Далее он отмечает, что, хотя речевые акты извинения (и благодарения) могут существовать во всех культурах, прагматические соображения по поводу их использования определяются данной культурой. Существуют определенные типологические отношения между речевыми

актами благодарности и извинения, и они имеют некоторые общие черты. Для европейцев, нет особых сходств между речевыми актами благодарности и извинения, однако при тщательном рассмотрении выявляются определенные типологические сходства [Saberі, 2012:70]. В английском, французском, немецком и греческом языках обычные ответы на благодарности и извинения идентичны. В английском языке, например, ответы на извинения (например, «Пожалуйста, извините меня» ('Please excuse me')), и спасибо (например, «Большое спасибо» ('Thank you so much')) может быть такой же обычной формулой, как «все в порядке ('that's all right')», которая, по-видимому, носит бифункциональный характер. Нормы и ценности каждого речевого сообщества определяют связь между речевыми актами благодарности и извинения. «Последовательность» является основной чертой речевых актов благодарения и извинения. Выделяются речевые акты благодарности и извинения, такие как «Реактивные речевые акты», с учетом того, что «им всегда предшествует (или их сопровождает) определенное вмешательство в ход событий, требующих подтверждения» [Coulmas, 1981b:69-89].

Смит подчеркивает, что сохранение положительного лица представителей той или иной культуры является основной движущей силой плодотворного использования выражений благодарности, и это можно наблюдать в таджикской и турецкой лингвокультурах. Религия также считается опорой, которая поддерживает акт благодарения: благодарить и ценить других имеет особую значимость в исламе. В Коране и других Священных писаниях у Бога много имен и атрибутов. Одним из его самых интересных качеств является «*aesh-shækur*», то есть Бог является самым благодарным. Религия учит мусульман быть благодарными Богу во всем: в достатке и в нужде, в здоровье и болезни, в счастье и горе и т. д. Быть по-настоящему благодарным Богу – это доброе деяние, за которое верующие будут вознаграждены. В Коране, в суре Ибрагим Бог говорит: «Если вы благодарны, я обязательно увеличу вам награду взамен (...) (14: 7)». Точно

так же Пророк Мухаммед(с) советовал верующим быть благодарными за то, что другие делают для них: «Кто не благодарен людям, не будет благодарен Богу (Аллаху)». Все эти перечисленные факторы могут влиять на разветвленность и популярность форм речевого акта благодарности в таджикской и турецкой речевой культурах, которые мы рассмотрим в следующей главе.

Выводы по первой главе

Первая глава настоящей работы посвящена вежливости как универсальной понятийной категории, подходам к изучению вежливости, стратегий вежливости в лингвокультуре и связи языка и культуры, соответственно первая глава разбита на пять частей, в которых более развернуто изучены перечисленные темы.

В главе рассмотрены подходы к изучению вежливости и рассмотрен взгляд на вежливость с точки зрения социальных норм и вежливость как максима общения, также охвачен широкий спектр вопросов, направленных на более детальное рассмотрение вежливости, такие как: понятие лица, сохранение лица в теории «вежливости» и совершение ликоущемляющего акта (ЛУА(FTA)), подход разговорного контракта на вежливость, культурно-относительный подход к вежливости и постмодернистский подход к вежливости. Исходя из вышеупомянутых теоретических данных, можно сделать следующие выводы по данной части исследования:

- умение вести себя в определённом обществе зависит от хорошего знания социальных норм и нормативных правил данного общества, которые будут содействовать совершению вежливого или невежливого поведения участников сообщества. Этот подход к вежливости вытекает из кооперативного принципа Грайса. Грайс связывает КП с набором более конкретных максим и суб-максим (maxims and sub-maxims), которые, как он предполагает, собеседники должны соблюдать. Основываясь на этой теории, люди по своей сути сотрудничают и стремятся быть максимально информативными в повседневном общении.;

- Умение сохранить свое «лицо» и лицо своего собеседника в обществе считается важной «ценностью», которое является центром безопасности для говорящего в данном обществе. Исходя из учений П. Браун и С. Левинсона, а также Гоффмана можно сделать вывод, что сохранение «лица» считается важным фактором успешных взаимодействий в обществе и четкого соблюдения правил вежливого поведения. Однако практика показывает, что сохранить «лицо» не всегда удается, и тогда данные ученые предлагают рассматривать и определять вежливость как сложную систему смягчения действий, которые угрожают лицу, или ликоущемляющий акт - (FTAs (*face threatening acts*)). Далее для укрепления выдвинутых теорий Фрейзер добавил к вышеупомянутым теориям следующий взгляд на вежливость и отметил, что при вступлении в конкретный разговор каждый участник приносит набор прав и обязанностей, которые определяют, чего участники могут ожидать друг от друга в этой встрече. Однако культурно-относительный подход к вежливости критикует универсалистский подход к вежливости и такие ученые, как Спенсер-Оти, твердо придерживаются мнения, что культура является важным фактором, определяющим, выполняется ли речевой акт надлежащим образом или нет.
- Постмодернистские подходы к вежливости, прежде всего, ориентированы на слушателя, то есть они зависят от оценок слушателя, а не только от намерений говорящих. Исходя из данных определений, можно сделать вывод, что четкие знания потребности «положительного и отрицательного» лица в требованиях данной теории, знания культурных тонкостей в данном контексте и умение впечатлять собеседника в ходе разговора приводит к успеху в социальных отношениях, дает возможность избегать «конфликтных» ситуаций и трения в межличностных отношениях, и демонстрирование вежливого поведения.
- Для осуществления вежливости по требованиям любых вышеупомянутых теоретических основах были исследованы «стратегии» вежливости и их

определения. Были выявлены перечень «позитивной и негативной» стратегии вежливости и было определено их число как: 15 стратегии «позитивной» вежливости и 10 стратегии «негативной» вежливости. Исходя из изучения данных стратегий, сделаны выводы, что используя стратегии позитивной вежливости, адресант и адресат создают комфортную среду общения, чтобы поделиться общими ценностями и желания сблизиться и сотрудничать в данном разговорном сообществе. Умение использовать стратегии негативной вежливости приводит к созданию определенной разговорной дистанции, смягчает атмосферу беседы.

- Исследуя теоретические стратегии вежливости в контексте таджикской и турецкой лингвокультур можно сделать вывод, что в этих лингвокультурах четко и успешно используются обе виды стратегии и в примерах замечается что в таджикской и турецкой культуре носители этих языков больше предпочитают использования стратегии позитивной вежливости чем негативной.
- Также рассмотрен вопрос относительно связи языка и культуры, в частности, изучено понятие лингвокультуры и отражение культурных ценностей в речевом поведении и выборе стратегии вежливости и их реализации в речевых актах обращение, приветствие и благодарения в таджикской и турецкой языковой культуре. Были рассмотрены теоретические исследования понятие «лингвокультуры» и связь культуры языка. Исходя из теоретических и практических данных исследования, можно сделать вывод, что таджикская и турецкая культуры способствуют реализации вежливости во всех слоях общества и носители этих языковых культур считаются очень вежливыми. Культурные ценности и учения этих речевых культур предполагают, что язык является великой силой и правильное владением языковых средств приводит к успеху и предотвращает любые конфликтные ситуации и способствует достижению успеха с лёгкостью.

- Были исследованы теоретические аспекты речевых актов обращения, приветствия и благодарения, которые будут исследованы в сопоставительном аспекте в следующей главе.

Следует отметить, что исследования, проведенные в рамках первой главы, носят теоретический характер и отражают мнения признанных ученых, которые ранее занимались освещением данной проблематики в полной или неполной мере, а также частичные умозаключения автора по тем или иным вопросам, охватывающим некоторые вопросы в рамках научной работы.

ГЛАВА II. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ В ТАДЖИКСКОЙ И ТУРЕЦКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КУЛЬТУРАХ

В данной главе будут проанализированы формулы обращения, приветствия и благодарности в таджикской и турецкой лингвокультурах в описательном и сопоставительном аспектах. Анализ всех трех речевых стратегий будет проводиться по единому плану: сначала в таджикском языке, затем в турецком, и констатация сходств и различий, иначе говоря, исследование в сопоставительном плане.

2.1. Формулы вежливого обращения в таджикском и турецком языках

2.1.1. Формулы вежливого обращения в таджикском языке

В целях более полного рассмотрения формул вежливого обращения проанализируем вначале некоторые грамматические формы.

2.1.1.1. Местоимения - обращения

Местоимения второго лица являются наиболее важным примером этой категории, например, английский *you*, французский *tu* и *vous* и таджикский *ту*, *шумо* или *эшон* (в третьем лице множественного числа как особый, высший регистр вежливого обращения). Нужно отметить, что местоимение *эшон* чаще всего используется в письменной литературе и в классических произведениях.

В таджикском языке обращение является одним из ключевых компонентов речевого этикета и норм поведения. Чтобы соблюдать эти нормы, таджики стараются обращаться на *шумо* (вы) чаще, чем на *ту* (ты). Обращение на *шумо* является не только признаком проявления вежливости, но и знаком уважения. Также следует подчеркнуть, что при обращении между совсем незнакомыми людьми в зависимости от обстоятельств, чаще

всего это можно наблюдать при официальной форме обращения, либо в обстановке приближенной к таковой, больше всего используется форма обращения «Шумо» («Вы»).

Примеры:

Рафиқ Рустамов, Шумо мефаҳмед, Товарищ Рустамов, Вы поймите, я ман ҷавоб дода наметавонам. ... не могу отпустить Вас.

[Дехотӣ, 100]

Шумо, пушту паноҳи мусулмонон, Вы, защитник мусульман, говорите, бигӯед, ки шарият ба кушандаи что велит шарият убийцу невинного фарзанди бегуноҳи як мӯъмин чӣ ребёнкаи верующего.

мефармояд [Дехотӣ, 100]

2.1.2.2. Глагольные формы обращения

Глагольные формы обращения - это те глаголы, в которых ссылка на собеседника выражается посредством окончания. Для выражения вежливой формы окончания используется во множественном числе, хотя при этом имеется в виду единственное число [Бабаджанова, 2009]. В некоторых языках использование подлежащего не является обязательным, в том числе и в таджикском языке, окончания является показательной ссылкой собеседника. Более того, в случае повелительного наклонения местоимение может быть не использовано.

Катяхон, хотирчамъ бошед, кори Не беспокойтесь Катя, у Вас тоже Шумо ҳам бисёр мешавад. [Дехотӣ, будет полно работ.

134]

Добро пожаловать!

Хуш омадед!

Пожалуйста, заходите.

Марҳамат дароед.

Потерпите, постепенно наладим

Сабр кунед, кам-кам корҳоро ба роҳ дела, ученик найдётся...

мемонем, талаба ёфт мешавад...

[Дехотӣ, 103]

2.1.2.3. Существительные формы обращения

Существительные формы обращения - это существительные и прилагательные, которые обозначают собеседника или ссылаются на них. Существительные формы обращения - это самый разнообразный тип обращения. На основе теории Брауна [Braun, 1988: 6-10] некоторые существительные обращения, которые были обнаружены в выбранных данных, будут описаны в следующем порядке:

А) имя собственное.

Имена адресатов встречаются во всех языках, за исключением некоторых культур, в которых их использование может быть запрещено или табуировано:

Қаноат - Салом рафиқ Рустамов. Қаноат – Здравствуйте товарищ Рустамов.

Рустамов- Салом акаи Қаноат, ин Рустамов - Здравствуйте брат қадар воҳима кардед... писаратон Қаноат, Вы такой шум подняли...а дуруст шудааст-ку. Ваш сын поправился.

[Дехотӣ, 111]

Б) Термины родства - это слова-обращения, которые используются между собеседниками, которые имеют кровные или родственные отношения. Однако если эти слова использованы в знак уважения и вежливости, то их можно назвать фиктивным использованием терминов родства.

В таджикском языке их довольно много и используются распространённо во всех социальных слоях таджикского общества. К ним относятся такие слова, как «падар» (отец), «модар» (мать), «хоҳар» (сестра), «амак» (дядя), «таго» (дядя), «бобо» (дедушка), «биби» (бабушка), «писар» (сын), «духтар» (дочка), «оча» (мама), «ота» (папа), «ака» (брат), «ако» (брат - северный диалект), «ана» (старшая сестра), «буча» (старшая

сестра - северный диалект), «ойти» (в зависимости от региональных особенностей употребления) и т.д. Примеры:

Хоҳарҳо, Шумо ҳама қати Сёстры, Вы идите вместе.

*раветон. Ака, Шумо истед, Брат, Вы подождите, позже
сонитар ҳамроҳ меравем. вместе пойдём.*

[Дехотӣ, 102]

Сабр кунед, оча!

Потерпите, мама!

[Дехотӣ, 101] *Писарам, ту ба хона Сыннок, ты заходи в дом и
даромада нишин... посиди...*

[Дехотӣ, 111]

В) Формальный титул является формой обращения и просматривается почти во всех языках мира. Некоторыми из них могут быть форма обращения на английском языке как «*Mr*» и «*Mrs*» или на таджикском «*Ҷаноб*» (*Господин*) и «*Хонум*» (*Госпожа*). По сравнению с английским языком в таджикском языке эти слова обращения редко используются в ежедневном общении. Они больше всего используются в официальных обращениях в средствах массовой информации, а также в деловой переписке. В таджикском обществе больше всего распространены формальная и неформальная формы обращения:

*–Тақсир, Махсум аз моҳо хеле –Хозяин, Махсум очень недоволен
норозӣ... [Дехотӣ, 111] нами.*

Г) Абстрактные существительные - это формы обращения, с помощью которых мы ссылаемся на какое-то абстрактное качество адресата, например, (Ваше) Превосходительство, (Ваша) честь. В таджикском языке можно заметить также политические и религиозные титулы: «*Ҷаноби олий*» (*Ваше превосходительство*), «*Шайх*» (*почётный титул мусульманских религиозных лиц*), «*Пир*» (*духовный наставник*), «*Махсум*» (*Хозяин*), «*Бузург*» (*Великий*), «*Тақсир*» (*Многоуважаемый*), «*Бузургвор*» (*достопочтенный/святой*) и

исторически обусловленные «Аморатпаноҳ» (опора эмирата (эпитет эмира или главного визиря), «Шариатпаноҳ» (опора шариата) и.т.д.

Примеры:

Ҳазрати эшон! Шайхҳои дигар *Уважаемый эшон!* Другие *Шейхи* номи худоро такрор карда, дар ҳар при каждом случае, повторения бор як дона тасбеҳро мегардонда имени Господа однажды бошанд, шумо дар ҳар бор бо ду поворачивают четки, Вы же при дастатон дар ду тасбеҳ ду донаро каждом повторении двумя руками мегардонед. [Айнӣ, 116] поворачиваете две четки.

Особо следует отметить, что в таджикском языке наблюдается **форма обращения в третьем лице множественного числа**, и эта форма считается **более высокой и уважительной формой** и часто используется со стороны взрослых членов общества.

В исследованной литературе мы не обнаружили теоретические основы этого регистра, однако в примерах можно заметить, как широко эта форма используется. При использовании этой формы иногда добавляется форма обращения «Эшон» (не как духовный лидер), а как уважительное обращение. Эта форма обращения считается высшей степенью вежливого обращения и при использовании этой формы, говорящий может использовать уничижительную форму обращения по отношению к себе (*камина* или *каминаи камтарин* – *Ваш покорный/ничтожнейший слуга*).

Примеры:

<i>Аммо баъд аз саломии билониҳоя ва паёми муштоқона ба пири бузургворам ҷаноби шариатпаноҳ ҳазрати эшони Иззатуллоҳ расида маълум бод, ки ин ҷониб камина мухлисӣ</i>	<i>После великодушного приветствия и страстного обращения да будет известно моему достопочтимому наставнику, опоре шариата, эшону и господину Иззатуло, что ваш покорный слуга – давний</i>
--	--

деринаашон **Фузайл...**

приверженец Фузайл....

[Дехотй, 123]

-Хуш, **пирам,** фармойнд.

-Хорошо, приказывайте (букв. пусть приказывают), **мой наставник.**

Гушамон ба Шумо...

Слушаем Вас...

[Дехотй, 123]

Однако эта форма обращения может быть использована в иронически-саркастическом виде. Это можно почувствовать в интонации говорящего и данного контекста.

Например:

Мархамат, дароянд, шинанд, эшон «Прошу заходите, присаживайтесь» хеле кори бисёр карданд ва аз эшон, он много работал и от хастагй ҳалқашон хушк шудааст. Ин усталости в горле пересохло. Этот кас посбони кучаи мо ва рӯзи дароз ба человек является сторожем нашей назорати одамони кӯча машгуланд. улицы и целый дня ведет контроль за Агар ин кас набошанд деҳаи моро людьми на улице. Если этого человека бардошта мебаранд. не будет, то наше село разорят.

Д) Профессиональные названия - это те термины, которые обозначают профессию или профессиональную функцию адресата в данном контексте и используются как формы обращения. Например, «Раис» (председатель, начальник), «Бригадир», «Сардор» (глава), «Мудир» (заведующий), «Муаллим» или Устод (учитель), «Муаллима» (учительница), «Омӯзгор» (преподаватель), «Фаррош» (уборщица), «Посбон» (охранник), «Фурӯшанда» (продавец), «Духтур» (доктор), «Ҳамишираи шавқат» (медсестра), «Усто» (мастер), «Ронанда» (водитель) и. т.п.

-Салом **усто ака!**..

-Здравствуйте, мастер!

-Ҳой **коммутатор!**.. Кани, даравакак

-Эй, **коммутатор!**..

Ну-ка

бригадир Сафаровро ҷег зан [Дехотй, *быстренько позовите бригадира*

195].	<i>Сафарова</i>
-Салом раис!	-Здравствуйте, начальник!
-Салом Актали. [Дехотӣ, 196]	-Здравствуйте, Актали.
- Ҳа, муаллим, ин бача аз як мурдан	- Да, учитель, этот мальчик чуть не
гузаишта, базӯр сиҳат шуд...	умер, едва на ноги встал.
[Дехотӣ, 111]	

Религиозные термины обращения - это область, в которой может быть отражен идеологические взгляды или пристрастия собеседника. Это такие обращения, в которых используются религиозные саны. В Таджикистане в основном живут мусульмане и распространены исламские формулы обращения и существует определённая религиозная иерархия: «Мурид», «Мулло», «Домулло», «Шайх», «Имом», «Пир» и т.д.

Е) Уменьшительно-ласкательные обращения

Обращаясь к детям или взрослым, к которым собеседник чувствует близость, почти любое существительное, ранее существовавшее или изобретенное для этой цели, служит как форма обращения. Следует отметить, что условия ласковости зависят от контекста и в какой-то степени условны, но лингвистическое творчество и индивидуальное воображение играют здесь важную роль. Примеры:

-Кани писари нағз, вохӯрдӣ кунем.	-Ну-ка хороший мальчик, давай
[Дехотӣ, 111]	поздороваемся.
-Хуб шудааст, рав, писаракам.	-Хорошо, иди, сыночек.
[А. Дехотӣ, 111]	
-Охир худатон гӯед онаҷон...	-Ну тогда Сами говорите, бабушка...
[Дехотӣ, 104]	Молодец, сестра, правильно
-Офарин, хоҳар, дуруст гуфтед.	говорите.
	-Умница, сестра...
-Боракалло, хоҳар...	

[Дехотӣ, 105]

-Қандақҷон, ҷони апааш ҷавони своей сестры), стал взрослым ката шудааст. [Дехотӣ, 105]

-Кандакджон, моя душа (букв.душа), стал взрослым юношей.

Мы пришли к выводу, что обращение играет важную роль в поддержании межличностных отношений в любом обществе, в том числе и в таджикском обществе. В рамках обращения заключаются ключевые стратегии вежливости и успешной беседы. Формы обращения дают нам возможность определить возраст и социальный класс адресата. Кроме того, формы обращения родства дают нам возможность расшифровывать тонкости таджикской лингвокультуры. Если человек в таджикском обществе обратится к кому-либо с обращением «ака» (старший брат) то этот человек принимает адресата как своего брата и демонстрирует близость собеседнику. Уменьшительно-ласкательные формы обращения являются очень разветвлённой формой обращения в таджикском языке, так как сам язык является языком поэзии и лирики. Более того, распространённые формы обращения в таджикском языке дают нам возможность избегать малейших и самых суровых конфликтных ситуаций в процессе беседы.

2.1.3. Формулы вежливого обращения в турецком языке

В турецком языке встречаются слова, которые используются в обращении в зависимости от пола, возраста, родственных отношений и социального статуса.

А. Вежливая форма обращения к женскому полу

В турецком языке при обращении к женщинам, используются такие слова, как «*bayan*» (госпожа), «*hanım*» (женщина), «*hanımefendi*» (многоуважаемая женщина), «*anne*» (мать) или «*ana*» (мама), «*valide*» (мама), «*abla*» (сестра), «*bacı*» (сестра), «*hanıtağa*» (хозяйка), «*yenge*» (невестка), «*teyze*» (тетя), «*hoca hanım*» (учительница), «*hevşire*» (сестренка), «*hatun*» (женщина), «*kadın*» (женщина), «*avrat*» (женщина),

«*ırgat*» (крютианка, деревенская женщина) «*kız*» (**девочка**), «*müdüre hanım*» (**директорша**), «*doktor hanım*» (**доктор**), «*hakime*» (**судья**), «*avukat hanım*» (**адвокат**) «*karı*» (**жена**) и «*sultan*» (**султанша**).

Слово «*bayan*» в словаре переводится как *госпожа, дама, леди* и используется, когда мы обращаемся к женскому полу уважительно, в вежливой форме (подразумевается формальное обращение).

Например:

-Bayan! Kimi aradınız?

-Байан! Вы кого ищете?

-Bayan Radomisli? Arabayı siz mi uçurdunuz duvardan aşağı? **Heeeeey!...**

-Байан Радомисли? Машина по вашей вине через забор вылетела?

Bayan Radomisli?

Хеееей! Байан Радомисли?

[*Kulin*, 163].

Слово «ханим» тоже используется в качестве вежливой формы обращения к женскому полу в турецком языке.

Например:

“Aaaa, Tezel **hanım**, sizsiniz değil mi, «Неужели это вы, **Тезел ханым**, geçende Paravan'da resminiz vardı **клянусь, что видела Ваше фото на vallahi!**” [*Ağaoğlu*, 14]. **экране!**»

"Şimdi sabırlı olup bekleyeceksiniz «**Будьте терпеливы и подождите, Aylin Hanım,**" dedi Salim Bey. **Айлин ханым»** **сказал Салим- бей».**

[*Kulin*, 45].

По сравнению со словом «*hanım*» слово «*bayan*» используется как калька подобно словам *леди, мисс или миссис*. Однако слово «*hanım*» имеет общенациональный характер и использовалось задолго до появления слова «*bayan*».

Другое слово — это слово «*hanımefendi*», которое считается одним из широко употребляющихся в обществе как вежливая форма обращения к женскому полу.

Например:

“**Aylin Hanımefendisiniz**, değil mi?” «**Айлин ханымэфенди**, это Вы да? dedi, arabayı kullanan adam”». спросил человек за рулем».

[*Kulin, 154*].

“**Başınız sağ olsun. Allah sabır versin,** «Примите мои соболезнования, дай **hanımefendi.**” [*Tazeoğlu, 214*] Бог Вам терпения, **ханымэфенди**».

“**Ellerimi öpüyorlar. “Nasılsınız** Они целуют мои руки и спрашивают **hanımefendi?”** deyip hatırımı «как Ваше здоровье, **ханымэфенди?**» soruyorlar”. [*Ağaoğlu, 90*].

Слово «anne» и «ana» в переводе мать, мама как вежливая форма уважения к старшим и знак искренности, очень часто употребляется в турецком языке.

Например:

“**Gönül hanım anneciğim...** Ayşen’e «Гунюль ханим аннеджиим*... Ercan’ın ayağına basmasını söylüyor Айшену просят, чтобы она наступила da”. [*Ağaoğlu, 137*] на ногу Эрджана».

“**Patrona seslendi: “Tabiat Ana! Sen** «Патрон спросил: «**Табиат- Ана!** Ты de bize katılmaz mısın?” [Atay, 258]. не присоединишься к нам?»

Как можно увидеть в примерах, слова «анне» или «ана» помимо прямого смысла, могут иметь и вежливую форму обращения. «Gönül hanım anneciğim» (Гунюль ханим матушка) в примере имеет вежливую форму обращения к пожилой женщине, которая придает ей статус матери и создает комфортную атмосферу. В этом примере помимо слов «anne и hanım» еще используется суффиксид «ciğim», придающий дополнительную мягкость обращению. Во втором примере человек обращается по имени «Tabiat» и сразу добавляет слово «ана» т.е., «Tabiatana» (мама Табиат) имея в виду ее значимость и положение, т.е. она как мать.

Помимо слова «анне» используется слово «validehanım» как форма обращения. Форма «validehanım» в основном используется в османской

литературе, т.к. корень этого слова произошел от арабского слова «valide».

•
“Valide hanım, bu hususta vallahi hiçbir «Я не имею никакой информации, malûmatım yok... diye cevap verdi”. **валидеханым**, клянусь, ответил он».

[Kemal, 37].

Слово «abla» в переводе значит «старшая сестра» и используется как уважительная форма обращения к женскому полу.

Слово «abla» широко используется в отдаленных районах по одной причине, что, насколько нам известно, в этих регионах других заменяющих статусных слов для обращения к женщине не имеется. Множество из них или домохозяйки, или работают в сфере сельского хозяйства. В качестве примера формального названия в этом случае мы можем привести слово **irgat** (деревенская женщина), которое звучит невежливо, поэтому, если не существует подходящего слова, лучше использовать термины родства, особенно в сельских районах.

Например:

“**Abla**, önde boş yer var. İsterseniz geçin...” «**Абла**, впереди есть пустое место. Sürücünün yardımcısı. [Ağaoğlu, 28]. Можете пересесть туда ...» сказал

“**Soyunamam abla,**” dedi Nuri

[Kulin, 168].

кондуктор.

«Не могу раздеваться, **Абла**, сказал Нури».

Слово «teyze» также распространено как форма обращения к женскому полу и имеет вежливую форму:

-İyisiniz değil mi teyze?

-Вам хорошо, не так ли, **тейзе**?

-İyiyim çocuğum. [Ağaoğlu, 87].

-Хорошо, **дитя мое**.

-Bravo Teyzeciğim

-Браво **Тейзеджимм***.

[Ağaoğlu, 159].

Слово «hemşire» переводится как сестра или сестренка, а также медсестра и используется как формальное и как родственное обращение:

«Hemşire! diyordu; size görücüler «Хемшире! К вам приходят geliyor mu?» [Uşaklıgil, 145]. свататься?»

«Yenge» в словаре переводится как «невеста» или «невестка» и чаще используется в вежливой форме обращения по отношению к супруге родного или близкого человека. Иногда вежливая форма обращения «yenge» используется по отношению ко всем женам семей близких и уважаемых людей.

“Ka -Hiç zahmet etmeyin yenge. Ben «Ka: Не neutруждайте себя, йенге... yavaş yavaş kalkacağım”. [Tunç, 312]. Я потихонечку пойду».

“Doktor dokundu omzuma: «Geçmiş «Доктор прикоснулся к моему плечу и olsun, yenge,» dedi dedi [Hikmet, сказал: «Выздоровливайте, йенге» 182].

Во втором примере при физическом контакте с больной доктор во избежание намека на малейшее личное отношение обращается к ней со словом «yenge». Он делает акцент на том, что «вы мне родная, как невестка и сестра». Использование слово «**bayan**» или «**hanım**» могло бы изменить картину.

Когда обращаемся к мужчинам, мы используем такие слова, как «**bey**» (господин), «**baу**» (господин), «**beyefendi**» (господин), «**ağabey**» (хозяйин), «**abi**» (брат), «**efendi**» (уважаемый), «**reis**» (начальник), «**paşa**» (генерал), «**sultan**» (султан), «**kardeş**» (брат), «**birader**» (брат), «**baba**» (отец), «**hoca**» (учитель) или «**hocam**» (учитель), «**hacı**» (добавление к имени лица, которое совершило обряд «Хаджа»), «**kaptan**» (капитан), «**devrem**» (приятель/

армейский кореш), «*kanka*» или «*kankardeş*» (кровный брат), «*toprağım*» (земляк-применимый жителями деревень), «*hemşerim*» (земляк-применимый жителями городов), «*çocuk*» (пацан) и слова «*efendi*» используется с названиями лиц по профессии. Например: «*Memur efendi*» (уважаемый служащий), «*Doktor efendi*» (Уважаемый доктор), «*Şöfer efendi*» (уважаемый водитель) и.т.п. Также следует отметить, что слово «эфенди» может использовано как продолжение имени для придачи почтения и уважения. Например, «*Selim efendi*» (уважаемый Селим) «*Murad efendi*» (уважаемый Мурат) и.т.п.

Этимологически слово «*Beu*» (или *Bay*) происходят от слова «*beg*» (бег) в османской культуре и имеют значения «*правитель*», управляющий городами или областями османской территории, также оно имеет значение «*богатый*», «*благородный*» и «*землевладелец*». Слово «*Beu*» или «*Bay*» в словаре переводится как «*господин*», «*сударь*» и носит вежливый и уважительный характер при обращении к мужчинам. Эти слова используются в обращении к простым гражданам, официальным лицам, старшим, аксакалам деревни, землевладельцам, мужу, незнакомцам. [Etimoloji Türkçe, 2019], [Türkçebilgi, 2019].

Слово «*Beu*» в турецком языке еще используется, когда жена обращается к мужу с уважением и вежливостью.

-İşkembe çorbası da verilecekmiş, -Подается суп из требухи, слышал, duydun mu bey? dedi yaşlıca bir бей? сказала старуха.

kadın. [Ağaoğlu, 212].

-Baylar durunuz. Bay biletçi devlet -Перестаньте, господа! Кондуктор memuru sayılır. Matafi hakaret считается госслужащим. Поэтому devlete yapılmıştır. оскорбление в его адрес признается

Derhal zabıt varakası tutalım. оскорблением в адрес государства.

[Hikmet, 29].

Немедленно составьте протокол.

Слово «*Baylar*» во множественном числе указывает на число мужчин и на пол кондуктора. В этом контексте вместо слова «*Beu*» автор использует

слово «*Vay*», которое имеет то же значение. Далее во втором предложении слово «*Vay*» используется в форме обращения к госслужащему, который считается официальным лицом и в последующих предложениях это четко видно.

Слово «*Beyefendi*»:

-*Afiyet olsun beyefendi*

-*Приятного аппетита, бейэфенди.*

[Tunç, 268].

Слово «*ağabey*» другая вежливая форма обращения к мужскому полу. «*Ağabey*» переводится как старший брат. Эквивалентом слова «*Ağabey*» является слово «*Abi*», но слово «*Ağabey*» имеет более формальный характер и стало употребляться задолго до появления слова «*Abi*».

-*Ağabey, size neşeli bir istasyon
arayayım mı?* [Sefa, 8].

-*Агабей, давайте я вам подыщу
веселый радиоканал?*

Слово «*Efendi*» другая вежливая форма обращения к мужскому полу. В словаре «*Efendi*» переводится «*господин*», «*хозяин*», «*сударь*», «*мсье*» и т.д.

Teşekkür ederim, Kâzım Efendi, -Спасибо, *господин Казим*, я не буду *karnım tok.* [Hikmet, 88].

есть (Я сыт).

Слово «*Наси*» является универсальным словом, которое используется в качестве обращения в восточных странах и связано с религиозным обязательством - хаджем (паломничеством).

Это престижное слово используется в вежливой форме обращения к людям, которые имеют такой статус. Слово «*Наси*» подразумевает честь, совесть, богобоязнь и другие нравственные качества человека. Следует учесть, что из-за частоты использования этого слова, люди привыкли обращаться друг к другу как «*Наси*», имея в виду то, что они тоже станут «*Наси*» в будущем.

- *Öyle değil mi Hacı Emmi?* - Не так ли, дядя Хаджи?

[Kemal, 17].

Слово «*Hoca*» тоже считается одной из вежливых форм обращения и в словаре имеет значение *преподаватель, проповедник, религиозный советник и лектор*, который читает лекцию в мечетях перед молитвой. В значении *преподаватель* оно используется и в мужском, и в женском роде. В других сочетаниях в основном в мужском роде, в связи с религиозными обычаями.

-*Neden olmasın hocam?* [Nikmet, 162]. -*Почему бы и нет. ходжам?*

Слово «*Kardeş*», как вежливая форма обращения, имеет значения *брат, братишка* или *сестра* в зависимости от контекста.

-*Sen de haddini ve yerini bil Ömer bey* -*Брат Омер бей, ты тоже соблюдай*
kardeşim [Ağaoğlu, 13]. *дистанцию.*

Слово «*Birader*» из персидского слова *бародар* переводится *брат* или *братец* и широко используется в форме вежливого обращения.

-*Birini mi arıyorsun birader?* -*Ты кого-то ищешь брат?*

[Tunç, 248]

Слово «*Baba*» переводится как *отец, ответственный человек*, неформальное наименование главы организации. Это слово в обращении используется в уважительной форме к старшим по возрасту.

-*iyi akşamlar Stelyo baba*[Tunç, 80]. -*Добрый вечер, отец Стелйо!*

Слово «*Abi*» как слово «*Ağabey*» переводится как *старший брат* и как вежливая форма обращения очень широко используется и к родному человеку, и к старшим.

- *Garson!*

- *Официант!*

- *Derhal abi* [Tunç, 107]...

- *Сейчас же иду, аби!*

2.1.4. Сопоставительный анализ форм обращения в таджикском и турецком языках

В результате исследования можно сделать вывод, что формы обращения, являясь основными компонентами вежливости, служат в качестве механизма, позволяющего предотвращать конфликтные ситуации в повседневном общении людей.

В ходе анализа форм обращений в турецком языке были рассмотрены примеры, из которых были выбраны 45 наиболее распространенных форм обращения. Из 45 выбранных форм обращения, 23 относятся к женскому роду и 22 к мужскому роду. Также в ходе анализа форм обращения в таджикском языке было выявлено, что форм обращений больше к мужскому роду, чем к женскому роду. В отличие от турецкого языка, где мы столкнулись с полной противоположностью (здесь наблюдается, что в турецком обществе женщины намного активнее в общественных делах, чем в таджикском обществе), в таджикском языке в связи с культурными причинами наблюдается преимущественная активность мужчин в обществе, чем женщин, также таджиками придается большое значение женской неприкосновенности (конфиденциальности). После изучения научно-художественной литературы, были собраны примеры и среди них было определено 29 форм обращения. Из этого числа 19 форм обращения относятся к мужчинам и 10 женщинам.

Другой особенностью является влияние религии ислам на таджикский и турецкий языки, которая будучи религией воспитанности и человеколюбия, послужила предпосылкой появления определенных форм обращений в этих языках при обращении в обществе. Однако, наряду с влиянием религии и культуры на турецкий язык, также просматривается влияние западной формы обращения. Например, слова *Бай ве Баянлар (Дамы и Господа), (Mr/Mrs)*

признаются имитированными (подражательными) формами обращения и при использовании в предложениях выглядят, как французский и английский языки: *Bay Ali geldi* (господин Али пришел) *Ali bey geldi* (Али бей пришел). Как мы видим, форма первого предложения отличается от второго предложения, которая ближе к турецкому языку.

Другим существенным моментом является то, что большинство исследованных научных работ в области языкознания ссылаются на то, что сегодняшняя Турция отдаляется от религиозного влияния и больше сближается с западом, что можно увидеть в общении молодежи.

В таджикском же языке население и в формальном, и в неформальном обращении очень обширно использует религиозную и культурную терминологию. Например, при ежедневном общении можно услышать такие слова, как *эшон* (титул, который дается родственникам пророка), *мулло* (религиозный титул), *домулло* (неформальный титул, которое дается религиозным деятелям, имеющим большое уважение среди населения), также данные слова при обращении к простым людям в ежедневных беседах. Перечисленные формы обращения встречаются не только в таджикском языке, но и в турецком языке, потому что эти формы являются общерелигиозными, но в турецком языке в ежедневных беседах они слишком ограничены и считаются архаичными формами обращения.

Несмотря на разницу и общности обоих языков, формы обращения в обоих языках очень развиты и выражают высокую культуру обеих наций в красноречии и человеколюбию. Анализ форм обращения в указанных языках показал, что по сравнению с другими языками они имеют очень тонкую культуру речи и, что в этих языках уделяется очень серьезное внимание при обращении в ряде случаев.

В конце можно отметить, что слова *господин* и *госпожа* очень часто используются в турецком языке, а в таджикском языке еще не так сильно используются в обращении. Вместо слов господин, больше используются такие слова как *ака/ако* (брат) или деловые формы обращения, как *раис*

(председатель), калон (старший), муаллим или муаллима (учительница) при обращении к женскому роду.

2.2. Приветствие в таджикском и турецком языках

2.2.1. Приветствие в таджикском языке

Приветствие занимает очень важную роль в таджикской лингвокультуре, как и в других восточных культурах. Оно является ключевой фазой в межличностных отношениях, и успешное приветствие ведет к положительным результатам в беседе. Традиционно в таджикском языке приветствие начинается словом «салом» и оно является одним из самых значительных слов речевого этикета таджикского языка. Это можно ощутить в известной таджикской поговорке: «аввал салом, баъд калом», то есть сначала приветствие, потом разговор. Слово *салом* заимствовано из арабского языка и его эквивалентом является древнее таджикское слово «дуруд» (*привет(ствую)*). Все его значения являются положительными и в словаре приводятся следующие значения: *мир, примирение, похвала, здоровье, быть чистым от грехов и добро* [Ваххоб, 2015]. В таджикской языковой культуре, как и в других, беседа начинается с приветствия: «салом кардан» или «салом додан» (здороваться), при этом спрашивают о здоровье, благополучии, состоянии дел и новостях (холпурсй кардан). [Ваххоб, 2015].

Возраст, социальный статус и взаимоотношения собеседников являются основными определяющими факторами в использовании формул приветствия в таджикском языке, также важно присутствие наблюдателей. Следует уделить должное уважение старейшинам среди членов семьи, родственников, знакомых и незнакомых людей. Молодые люди должны начать приветствие, говоря «салом» старшим членам семьи, родственникам, знакомым и незнакомым в качестве знака уважения, как в следующем примере:

«Чавон як марди солхурдаро дида, Молодой человек, увидя старика, пешвоз рафта, боадабона салом дод. пошёл навстречу и вежливо поприветствовал его»
[Афсонаҳои халқи тоҷик, 46].

Однако есть конкретные случаи, когда старейшины инициируют этот процесс. В учебных заведениях преподаватель приветствует и начинается урок.

Пример:

-Салом бачагон!

-Здравствуйте дети!

Онҳо саломи маро шунида, ҷавоб Услышав мое приветствие, они гуфтанд:

ответили:

- Ваалайкум ассалом!

Здравствуйте!

[Садои Шарк, 9]

Важным аспектом социализации и аккультурации в таджикской языковой культуре является знание того, как, когда и каким образом приветствовать других. Со школьного возраста дети отличаются правильной демонстрацией приветствия старшеклассникам и должным образом приветствования членов коллектива школы. Предложение приветствия свидетельствует о правильном воспитании детей, а отсутствие навыков приветствия у детей и подростков обычно рассматривается как проявление плохого воспитания со стороны родителей. Поэтому родители, особенно матери, считают своим долгом учить детей приветствовать старших должным образом.

В случаях, когда молодой человек инициирует приветствие, старший собеседник обычно берет последовательность приветствия (вторую и третью фазу) в свои руки, спрашивая о здоровье, благополучии и состоянии молодого человека и его семьи. Молодой человек, в свою очередь, отвечает на вопросы соответствующими ритуальными формулами. Как только старший заканчивает, в зависимости от разницы в возрасте и контекста

ситуации, более молодой индивид (не ребенок или подросток) может взять на себя роль собеседника, обращаясь с тем же запросом к старшему собеседнику. В качестве исключения фактор возраста игнорируется во время встречи между хозяином (хозяйкой) и гостем. Как правило, это обычно хозяйин/хозяйка, которая управляет потоком последовательности приветствий. В случаях, когда возраст и социальный статус противоречивы, например, при встрече между подчиненным пожилым человеком и молодым начальником, как правило, младший начальник инициирует последовательность приветствия. Среди равных по возрасту и социальному статусу соревнование в том, кто здоровается первым, считается добродетелью, и первая сторона, которая устанавливает зрительный контакт, инициирует приветствие.

Есть много культурных и религиозных сигналов, которые побуждают людей приветствовать друг друга тепло, а также конкурировать, чтобы увидеть, кто может предложить *«салом»* в первую очередь.

Помимо соблюдения этических норм, обмениваться приветствием (*салому алейк кардан*) считается религиозным благодеянием. Отвечать на *«салом»* считается важнее, чем предлагать его. На основе хадисов (повествований от Пророка Мухаммада), среди верующих широко распространено мнение, что приношение приветствия считается сунной (советы и рекомендации, а также поведение пророка Мухаммеда при определенных ситуациях), а отвечать на приветствие считается *«воциб»* (действующим или обязательным). В этом процессе не предусмотрено никаких ограничений на количество предложения *«салом»*. Например, во время встреч и мероприятий, если человек уже обменялся приветствиями со всеми присутствующими, и покидает собеседников на некоторое время, рекомендуется повторно приветствовать всех и соответственно на него получить ответ. Однако, это необязательно, чтобы все услышали повторное предложение *«салом»*, так как это обычно произносится в более низком тоне и в скромной манере. В зависимости от возраста и статуса человека, который

повторно зашел в комнату, некоторые из собеседников будут, как правило, отвечать на «салом» и использовать другие обычные формулы приветствия, такие как «*Марҳамат, дароед, аз боло шинед*» (*Входите, пожалуйста / садитесь, пожалуйста*) [Saberī, 2012: 90].

2.2.1.1. Некоторые общие невербальные элементы формул приветствия

Инициирование и реагирование на приветствие обычно сопровождается мимикой, телесными жестами и позами. Согласно Е.Венотале, ежедневные встречи не просто выполняются через язык; на самом деле, мы разговариваем друг с другом всем нашим телом [Ventola, 1972:267]. Язык тела является ключевым элементом любого личного вербального взаимодействия и приветствия, то есть в утренние или вечерние часы, когда люди торопятся, и нет возможности словесного приветствия, выражения лица и телесные жесты, такие как зрительный контакт, опущение бровей, улыбка, кивания головой, а также махание рукой, может служить как компонент приветствия [Saberī, 2012:87].

В таджикской культуре используются большое разнообразие телесных жестов, форм и функций, которые могут иметь сходства с элементами других культур, или могут быть только элементами приветствия таджикской языковой культуры. Некоторые из этих жестов и поз в ходе приветствия (короткого или длительного) являются: приближаться друг к другу, вставать по прибытии собеседника, особенно когда он или она старше по возрасту и выше по статусу, протягивать правую руку (совершать рукопожатие одной или двумя руками), махать друг другу (особенно, когда существует расстояние между собеседниками), прикладывать правую руку ладонью к груди в течении нескольких секунд, два или три поцелуя в щеку (только с представителями того же пола), обнимать, улыбаться, кивать головой, устанавливать зрительный контакт, или поднимать и опускать брови. Тем не

менее, прямой и непрерывный зрительный контакт с противоположным полом (в особенности чужим) не рекомендуется, люди, исповедующие ислам, обычно стараются опустить свой взгляд при разговоре с противоположным полом. При всём этом, эти правила не включают в себя кровные отношения, включая родителей, братьев и сестер, бабушек и дедушек, тети и дяди. Пожилые люди могут также здороваться руками с молодыми собеседниками в качестве отцовской или материнской привязанности. Когда собеседники находятся поблизости, рукопожатие среди них практически неизбежно. Когда чья-то рука грязная (например, маслянистая рука механика), он все же предлагает свой сжатый кулак для частичного рукопожатия со скромными извинениями, то другая сторона обычно обхватывает предплечье прямо над запястьем, пожимая его два или три раза. Как и другие формулы приветствия, рукопожатие тоже имеет свои тонкости, например, прижимать руку больше на несколько секунд и совершать два или три быстрых маха (вверх и вниз) заставляет людей чувствовать себя неловко и неудобно. Количество давления, также должно быть умеренным, не слишком сильным, не слишком слабым.

Отнимание рук так же важно, как их присоединение. Люди обычно знают, когда отнять руки назад и это обычно делается путем ослабления одновременного давления. Вынужденный и поспешный отвод рук трактуется, как невежливый и враждебный поступок. Во время рукопожатия между старшим и молодым человеком, обычно старшая сторона ослабляет давление, сигнализирует оттягивание рук (признак доминирования возраста); действия наоборот интерпретируется как грубость. Во время рукопожатия зрительный контакт также имеет особый смысл. Молодежь обычно старается избегать прямого зрительного контакта во время рукопожатия, слегка наклоняя голову вниз или опустив взгляд в знак уважения. Среди равных и друзей, зрительный контакт поддерживается на протяжении всего рукопожатия и уклонение от зрительного контакта интерпретируется, как застенчивость, отсутствие уверенности или, в худшем случае, раздражением.

На самом деле, рукопожатие может раскрыть многое о людях и их намерениях. Отказ или нежелание предложить, или принять рукопожатие интерпретируется, как гордость, грубость и открытая враждебность.

Когда встречаются молодой человек и старший (с точки зрения возраста и/или социального статуса), молодой человек в этой ситуации должен подойти к старшим и инициировать приветствие. Соответственно, старший также делает несколько шагов вперед в ответ в знак уважения. Традиционно таджики предпочитают сидеть и есть на полу, застеленном ковром и мягкими «курпачами» (узкие ватные матрасы, предназначенные для того, чтобы на них сидеть и лежать), и когда кто-то входит в комнату, где люди сидят, в зависимости от их возраста, социального статуса и формальности ситуации, сидящие встают на ноги, чтобы приветствовать их.

2.2.1.2. Первый этап: обмен приветствиями

Все последовательности приветствий от передачи (коротких) до обычных (расширенных или полных) приветствий, начинаются с обмена словом «салом» ("мир") и его вариантов, так как оно является наиболее распространенным выражением, используемым для приветствия на таджикском языке. Обычно обмен приветствиями состоит из двух или трех фаз, однако приветствие может закончиться после слова «салом», хотя не так часто. Обычно это замечается, когда люди спешат. Короткое приветствие можно оценить, как слишком резкое и грубое, и оно может быть оправдано, только если люди спешат по какой-то уважительной причине, например, спешат поймать автобус или у них очень важное дело [Irvine, 1974:170]. В обычных ситуациях предпочитается «нормальное приветствие» и в таджикской культуре обмен приветствиями должен, по крайней мере, перерасти во вторую фазу приветствия. Приветствия могут в значительной степени определять успех или неудачу социальных встреч и отказ от предложения или ответа на приветствие, или даже холодные и недружественные предложения и ответы могут социально

интерпретироваться, как нежелание начинать или вступать в какое-либо социальное взаимодействие.

2.2.1.3. Формулы приветствия

Слово *салом* заимствовано из арабского слово «салам» (также ср. со словом Шалом на иврите) и таджикским эквивалентным словом является слово «дуруд» (Хвала). Слово «дуруд» широко используется в литературе и в СМИ. В контексте слова «дуруд» имеется несколько вариантов как «бо дуруд», «бо дуруду салом», «дуруд ба Шумо», «дуруд бар ту», и.т.д.

«Магар бо дуруду салому паём,

Ду кишвар шавад з-ин сухан шодком. (Фирдавси)» [Ваххоб, 2015].

(Если беседа начётся с приветствием и положительным сообщением, то двум государствам от этого слова будет приятно)

На различных таджикских диалектах и в разных социальных группах люди могут произносить «салом» по-разному. Когда мы рассматриваем варианты слова «салом», мы встречаемся с такими словами как «салом», «ассалом», «ассалому алайкум», «ассалому алайкум ва рахматуллох», «ассалому алайкум ва рахматуллохи ва баракатуху» в ответ «ваалайкум» или «ваалайкум ассалом», то есть «ассалом+ъалай+кум» (мир вам) и «ва+ъалай+кум+ассалом» (взаимно вам тоже мир), во втором варианте можно пропустит «ва». В единственном числе замечается вариант «ассалому(н)+ъалай+к(а)», «ва+ъалайк(а)+ассалом» то есть «мир тебе и тебе тоже(взаимно)»:

<i>Сунбула бо ёсуман гуфт: саломуналайк,</i>	<i>Колос пшеницы сказал цветку жасмин:</i>
<i>Гуфт алайк-а-ссалом, дар чаманой, эй</i>	<i>здравствуй,</i>
<i>фато.</i>	<i>Ответил цветок, и тебе здравствуй о</i>
<i>Ту мехиромию хуршеду моҳ дар пайи</i>	<i>юный на лугах</i>
<i>ту,</i>	<i>Ты лучезарный, луна за тобой,</i>

Ҳаме даванд, ки эй хушлиқо, салом

алайк. (Руми) [Ваҳҳоб, 2015].

*Каждый бежит, прекрасный
здравствуй (Руми)*

В зависимости от рода и числа используется следующие варианты слова «салом»: «саломуналайҳ», «саломуналайҳо», «саломуналайҳум», («алайҳ» ему, «алайҳо» ей, «алайҳум» им, «алайҳумо» им (когда их двое), однако эти варианты встречаются при упоминании предков и совершаемом благопожелании (дуа) [Ваҳҳоб, 2015].

Помимо арабских заимствованных вариантов можно заметить и смежные варианты с таджикскими словами как «салом арз мекунам(ем)», «салом арза кард(ам,ем)», «бо арзи салом, барои салом омад(ам,ем)», «салому сад салом» или в иранском варианте «салом ба рӯи моҳат» [Saberі, 2012:92]. Среди родных, близких и друзей, в ответ на приветствие собеседник украшает свой ответ ласковыми словами, такими как: «салом, очачон/ отачон/ духтарам» или «писарам» (Здравствуйте, мамочка/папочка/дочь моя/сын мой).

- Ассалом, очачон! - гуфт.

-Здравствуйте, мамочка! -сказала

Кӯрбарзангӣ сар бардошта:

она.

*- Ваалайкум ассалом [Афсонаҳои
халки тоҷик, 11].*

Слепая ведьма подняла голову:

Здравствуй...

Минимальное слово в ответ на *салом* является *ваалайкум(взаимо)*, однако предпочитается ответ по лучше, как *ваалайкум ассалом*, *ваалайкум ассалом ва раҳматуллох* или *ваалайкум ассалом ва раҳматуллохи ва баракатуху*.

Формы приветствия в различное время суток

Субҳ бахайр

Доброе утро

Рӯз бахайр

Добрый день

Шом бахайр

Добрый вечер

В таджикском языке можно увидеть очень много различных форм приветствия в разное время суток. Как можно увидеть в таблице выше в приветствиях в различное время суток используется слово «хайр»: *субҳ* (утро), *рӯз* (день), *шом* (вечер), *шаб* (ночь) ***бахайр***. Следует отметить, что слово «хайр» является арабским и в таджикском языке эквивалентов данного слова являются «хуш» (*хорошо*) и «бофарозат» (*ласковый*). Например: вместо «шаб ба хайр» можно сказать «шаби хуш», или «шаби хушу бофарозат».

Виды приветствия в дневное время больше всего встречаются при приветствии со стороны ведущих радио и телевидения, а простое население в большинстве случаев предпочитает использовать слово «салом».

Наряду с выше указанными формами приветствия в таджикском языке также существуют другие формы приветствия, которые используются в особых случаях. Форма приветствия «Монда набошед» (Не быть Вам усталым/ Легкой работы) является таковой, которая используется при приветствии другого лица, который занят каким либо делом и после чего производится переход к основной теме беседы. Другой формой приветствия является слово «муборак» (от слово благословенное как поздравление). Таджики используют данное слово в радостные дни, когда заходят за порог дома своих родственников и друзей.

Например, когда приглашают на свадьбу детей друзей, то при встрече у порога дома друзей обязательно используется такой вид приветствия и после начинается общение. «*Муборак бошад дӯсти азизам, келини бо паи қадам шавад*» (*Поздравляю дорогой друг, пусть невестка принесет счастья и удачу в дом*). Также имеются случаи, когда таджики начинают общение друг с другом без приветствия и в таких случаях приветствия считается нарушением этики приветствия. Такими случаями признаются тяжелые и трудные дни, к примеру, смерть близких людей. Вместо приветствия в таких случаях таджики протягивают руку человеку в горе и выражают свои

соболезнования в связи с утратой и просят божественного прощения и вспоминают об положительных чертах усопшего: *Худо рахмат кунад одами хуб буд. Ба шумо ва хонадонатон сабри ҷамил хоҳонам. Чӣ хизмат кунам? (Пусть бог помилует, он/она был(а)хорошим человеком. Вам и всем членам Вашей семьи терпения. Чем могу помочь/услужить?)*

Наряду с выше указанными формами приветствия в таджикском языке также имеются другие варианты приветствия, которыми являются неофициальными формами. Как показывает практика других языков, сам язык как живой организм всегда эволюционирует и со временем уличные слова могут быть внесены в словари данного языка. Также на практике можно увидеть, что большинство молодёжь в приветствии вместо слова «*ассалом алайкум*» используют такие слова как: «*чӣ хелӣ*» (как дела), «*истарой*» (как дела), «*абача созӣ*» (как ты пацан), «*хубӣ*» или *дуруст мӣ ту* (тебе хорошо) (Худжандский диалект), «*хуб ҳастӣ*» (тебе хорошо, ты здоров), «*ҳасти ҳамиҷоҳода*» (ты здесь), «*нағз ма ту*» (все хорошо у тебя) (вариант кабадиянского диалекта и другие, данные слова не являются бессмысленными, но все еще не введены в определенные рамки литературного языка. Данные формы приветствия признаются не очень приличными, поэтому не могут быть использованы в официальных местах и мероприятиях, так как это признается как без тактность и без культурность. Однока близкие между собой люди используют данные формы приветствия и может другой причиной является то, что они очень легки при общении и на практике.

В итоге мы пришли к выводу, что приветствие играет важную роль в установлении, поддержании и укреплении межличностных отношений. В некоторых обществах функции приветствия выходят далеко за рамки фатического общения и приветствие играет важную роль в подтверждении статуса собеседника. Среди мусульман приветствие так глубоко связано с исламским учением, что используя некоторые формулы приветствия, человек совершает религиозный акт. Обычное приветствие состоит из трех фраз, и

первая представляет собой обмен приветствиями. Как и другие речевые формулы, формулы приветствия могут быть вербальными и невербальными, и они могут показать различные уровни вежливости.

2.2.2. Приветствия в турецком языке

2.2.2.1. Формы приветствия в турецком языке

Способ выражения и соблюдения этики приветствия считается одним из высших нравственных основ человечества, которое повышает его достоинство и статус [Рахмонзода,2017: 30]. В процессе рассмотрения и анализа понятия приветствие в турецком языке мы выяснили что приветствие занимает очень важную роль в турецком речевом этикете и многое говорит о собеседнике. Еще в доисламские времена народы Востока в знак уважения и любви приветствовали друг друга и считали это вежливым поступком [Рахмонзода, 2017: 31].

Исторически старыми элементами приветствия в турецком языке являются слова «Esen, Aman ve Sağ/Sav», которые люди использовали при встрече и инициирования разговора. Они широко использовались между турецкими племенами турк [Keskin, 2017:132]. Этимологически эти слова включают в себя такие значения как «мир», «спокойствие, покой, здоровье, благополучие и жизнеспособность» и имеют тесную связь со значением лексики приветствия других культур, в особенности со словами «салом» и «дуруд» в таджикском языке. По мнению профессора Одинаева Ё., после появления Ислама проявление уважения и вежливости среди людей посредством соблюдения правил приветствия улучшилось и перешло на более высокий уровень. Постепенно эта сунна заняла очень высокий статус среди этики поведения и явилась важным показателем речевого этикета [Рахмонзода, 2017: 32]. Фактически, пропаганда исламской религии была основным стимулом для развития и институционализации приветствия в турецком языке.

Учения священной книги Корана и хадисов Пророка Мухаммеда (да благословит его Аллах и приветствует) поддерживают приветствие и этику проявления этого благородного действия, определяют все рамки совершенствования приветствия среди мусульман и пропагандируют совершение этого поступка всем членам общества. Всем известно, что язык тесно связан с культурой и основу турецкой культуры, особенно в период после средневековья, составляют исламские традиции, которые имеют очень большое влияние на них. Ниже приведен список слов и фраз, используемых в приветствии.

Приветствие в турецком

Русский перевод

Selam(tüm çeşitleri)

Мир вам(тебе)

Merhaba

Добро пожаловать, Привет

Ne haber

Что нового

Günaydın

Доброе утро

Hayırlı (iyi)günler

Добрый день

Hayırlı (iyi)sabahlar

Доброе утро

Hayırlı (iyi)akşamlar

Добрый вечер

Hayırlı (iyi)geceler

Доброй ночи

Ne var ne yok

Как дела

Nasıl gidiyor

Как поживаете

Слово «*Merhaba*»

Это слово заимствовано из арабского языка (ابحرم) и имеет значение *добро пожаловать*. Профессор Озенен М.Ю. считает, что слово «*merhaba*» в языке современной Турции является общепринятой и формальной формой

приветствия. Она пишет, что самое интересное, что это слово происходит от арабского слова и является основной формой приветствия, при этом исконно турецкая форма приветствия отсутствует в ежедневном общении [Özenen, 2017: 277].

Примеры:

-Merhaba Amirim,” diyor beni görünce. - Увидив меня он меня приветствует и говорит здравствуйте (мерхаба)
-Merhaba, ne var ne yok. Начальник,
[Ümit, 225]. *В ответ: - Здравствуй (Мерхаба), как у тебя дела.*

Обычно ответом на форму приветствия «мерхаба» является повторный ответ этого же слова- «мерхаба». Однако замечаются моменты, когда адресант использует другую форму приветствия.

Пример:

Tahir Amcamın en güvendiği adamlardan Одного из доверенных людей дяди
biri: -Merhaba, diyorum. Тахира: - (приветствую) говорю
Merhaba.
-Günaydın, Sedat Bey, diyor saygılı bir -Доброе утро, господин Седат, с
tavırla... уважением отвечает он...
[Ümit, 202].

В редких случаях адресант может, молча принимать приветствие собеседника, что считается нарушением правил речевого этикета. Тем не менее, чтобы избежать такого нарушения в этой фазе разговора, адресант использует другие элементы вежливости:

“Merhaba,” diyorum yanlarına “Merhaba,” говорю, приближаясь к
yaklaşarak. Sinan beni görünce anlamlı ним. Увидев меня Синан на какой-то
anlamlı süzerek ayağa kalkıyor: момент со странным взглядом

“*Buyurun, hoş geldiniz.*”

[Ümit, 169].

*молчаливо смотрит на меня и
встает с места:*

-Пожалуйста. Добро пожаловать.

Судя по примерам, в турецком языке слово «*мерхаба*» - элемент приветствия, но в арабском и персидском языках оно используется в изначальном смысле. В турецком языке используется дословный перевод персидской фразы «*hoş geldiniz*» (*хуш омадед- добро пожаловать*) вместо слова «*мерхаба*». В примере приведенном ниже это ясно выражено:

Sinan beni görünce anlamlı anlamlı Увидев меня Синан на какой-то
süzerek ayağa kalkıyor: момент с странным взглядом

*молчаливо смотрит на меня и
встанет с места:*

“*Buyurun, hoş geldiniz.*”

[Ümit, 169].

-Пожалуйста. Добро пожаловать

Кроме того, слово «*Merhaba*» может быть использовано во множественном числе «*merhabalar*» при добавлении суффикса – «*lar*» турецкого языка и получается слово «*мерхабалар*». Форма приветствия «*merhabalar*» подчеркивает значимое уважение и обращение к группе собеседников, но не является строго обязательной.

Слово «*selam*» (салам)

«*Салам*» в словаре имеет значения как мир и безопасность, пожелания мира, покоя и здоровья и широко используется в качестве приветствие.

Эта лексема была заимствована из арабского языка всеми языками, носителей которых являются мусульманами и живут в исламском ареале. Слово салам имеет много форм использований, однако самый популярная форма, которую использует нынешнее общество Республики Турции в особенности молодёжь это является форма «*selam*». Формы «*selamiin aleyküm*» или «*es-selami aleyküm* (*мир вам*)» в основном используется среди

людей, которые знают друг друга долго и хорошо и являются членами более религиозной части общества. Инными словами эти формы приветствия не используются при приветствии людей, встречающихся в первый раз. [Özenen, 2017: 278]. Например:

Köy kahvesinde içeri giriyor:

“*Selam!*” [Kemal, 99].

-Selamünaleyküm Hilmi efendi!

Baktı, Yusuf:

-Aleykümselam , dedi

[Kemal, 455].

Он вошёл в чайхану и:

Салом!

-Салам алейкум господин Хилми!

Он заметил, что это Юсуф:

-Алейкум салам, ответил он.

Эта форма приветствия используется в единственном и множественном числе при дополнении к глаголу суффикса «*lar*» турецкого языка. Кроме того, эта форма приветствия является неформальной и используется обычно среди мужчин обращающихся к друг другу в общественных местах, таких как мечети и т.п., поскольку мужчины часто сталкиваются с друг другом в мечетях и других общественных местах. [Özenen, 2017: 278].

Форма приветствия *Nasılsın / Nasılsınız* –как ты или как вы:

В турецком языке эта форма приветствия встречается в единственном и во множественном числе и используется как в первой фазе приветствия так и во второй фазе приветствия. Если в первой фазе она означает приветствие, то во второй фазе она означает вопросительное обращение, относительно самочувствия собеседника или собеседников.

Melike üzerime eğilmiş, şefkatle küçülen Мэлике со слезами на глазах, из-за *gözleri yaşlarla dolu.* / “*Nasılsın* чего её глаза стали маленькими, *canım?.. İyileşeceksin... iyileşeceksin,* стала приближаться ко мне. Как ты *merak etme*” [Ümit, 8].

мой дорогой?.. Все хорошо.....с тобой все будет в порядке, не переживай.

-Здравствуйте, Как вы мадам?

-Merhaba, nasılsınız Madam

-Благодарю, уже давно не видно Вас.

-Teşekkür ederim, çoktandır
görünmüyorsunuz [Ümit, 25].

Ответ на формы приветствие «nasılsın» или «nasılsınız» являются «iyiyim» (мне хорошо), «iyiyiz» (нам хорошо), «iyi» (хорошо), «fena değil» (не плохо), «eh işte» (так себе), «şöyle böyle» (да так себе), иногда в виде благодарения; «sağ olası» (будьте здоровы), «teşekkür ederim» (благодарю), «allah'a şükürler olsun» (Слава богу), «şükürler olsun» (слава), «çok şükür» (слава) и т.п. Все эти формы обычно используются в первой фазе приветствия но бывают моменты где их можно встретить в других фазах разговора. Более того было выяснено форма приветствия как ты и как вы в Турецком языке не имеет единого и определенного ответа и некоторые ответы вообще не говорят о состоянии здоровья адресата. [Özenen, 2017:279].

Форма приветствия «Ne haber (Nâber)».

Эта форма тоже заимствована из арабского языка «хабар», и она образуется при добавлении слово «не» турецкого языка. Слово «не» переводится на русском как *что* и в полном смысле оно означает *что нового* или *какие новости*. По мнению доктора Муна Узенен эта форма приветствия в турецком языке считается неформальной формой и используется в основном среди молодых товарищей как знак близости и искренности. Тем не менее, по мнению группы из интеллигентных людей нынешней Турции это форма приветствия является не вежливым и противоречит правилам речевого этикета [Özenen, 2017:279]. Ответ на формы приветствие «Nâber» (чї хабар) являются следующие: «iyiyim» (мне хорошо), «iyiyiz» (нам хорошо), «iyi» (хорошо), «fena değil» (не плохо), «eh işte» (как вам/тебе видно), «şöyle böyle» (да так себе) «uğraşıyorum» (я занят), «uğraşıyoruz» (мы заняты) и т.д. Существуют другие варианты приветствия «nâber», такие как «ne var ne yok» (дословно. что есть, что нет) и «nasıl gidiyor» (как идет). Все эти формы используются среди людей ровного

возраста или адресат по статусу является неже говоряшнго [Özenen , 2017:279].

Yukarı çıkıyorum, şanslıyım, Mustafa Поднимаюсь на верный этаж,
büroda. яудачный. Мустафа в здесь.
-Merhaba Amirim, diyor beni görünce. -Здравствуете начальник, увидев
-Merhaba, ne var ne yok [Ümit, 225]. меня, говорит он.
-Здравствуй, как дела (по смыслу)

Формы приветствия в разное время дня

<i>Günaydın</i>	<i>Доброе утро</i>
<i>Hayırlı (iyi)günler</i>	<i>Дорбый день</i>
<i>Hayırlı (iyi)sabahlar</i>	<i>Доброе утро</i>
<i>Hayırlı (iyi)akşamlar</i>	<i>Добрый вечер</i>
<i>Hayırlı (iyi)geceler</i>	<i>Добрые ночи</i>

Эти формы приветствия в турецком языке широко используются, и являются формальной формой приветствия. Такие формы приветствия можно увидеть в письменной литературе, деловой переписке и в СМИ.

Выделяются два вида словосочетаний в этих формах: слово «*iyi*» (*хорошо* турц. вариант) и «*hayırlı*» (*хорошо* арабс. вариант) + времена дня (*sabahlar, akşamlar*)

-Maya Hanım, size iyi günler dilerim. -Хонум Майа, ба шумо рузи хуб
[Livaneli, 193]. *хоҳонам*

Более того встречается слово «*günaydın*» (Добрый день) как утреннее приветствие, эквивалент которого невозможно найти в многих других языках в том числе и в таджикском. При обращении к человеку, стоящему выше по социальному статусу принято употреблять слова господин и госпожа.

Например:

İyi sabahlar, beyefendi! — *Доброе утро, господин!*

İyi günler hemşire hanım! — *Добрый день госпожа медсестра!*

İyi akşamlar, hanımefendi! — *Добрый вечер, госпожа!*

Gunaydın, sayın mahkeme reisi! — *Доброе утро, многоуважаемый, господин судья!*

İyi geceler, sayın efendim! — *Добрые ночи, уважаемы господин (или госпожа).*

Следует подчеркнуть, что в турецком языке некоторые формы приветствия, используются в последней фазе разговора или как форма прощания, на пример:

Görüşürüz. — *До встречи.*

İyi akşamlar, müdürüm. — *Доброго вечера, господин.*

2.2.2. 2. Сопоставительный анализ формулы приветствия в таджикском и турецком языках

Следует отметить, что приветствие и этика приветствия приводят человека к высокой степени человеколюбия и придают гармонию в определенной степени. Испокон веков наши предки придавали большое значение данному прекрасному действию и очень точно передали его сущность и значение своим наследникам. По полученным и изученным историческим сведениям, сущность и значение приветствия, также можно увидеть в традициях и обрядах, связанных с празднованием нашего национального праздника «*Навруз*». В средние века, благодаря религии ислам, форма приветствия была очень развита и внесена в определенные рамки. Следует подчеркнуть, что в турецкой культуре также при общении придается существенное значение этике приветствия, что очень похоже, с культурой приветствия у таджикского народа. Несмотря на то, что в этих двух культурах много общности, все же есть определенные различия в форме

выражения понятий приветствия, а также различия в невербальной форме приветствия.

В действительности, если присмотреться к истории этих двух языков, понятие и этика приветствия с прежних времен оставила свой след у этих двух народов.

При анализе понятия приветствия в таджикском и турецком языках, было определено, что в древние времена таджики, выражая свое почтение и уважение, приветствовали друг друга, используя слово «*дуруд*». Такую аналогию формы приветствия также можно увидеть в турецком языке, так как турки при приветствии друг друга использовали «*Esen*» (*здоровие*), «*Aman*» (*милосердие*), «*Sağ*» (*здоровый*) и «*Sav*» (*здоровый*). В таджикском и турецком языках форма приветствия и его положение имеет одинаковые культурологические концепты, то есть избегание конфликтных ситуаций и поддержание дружественных отношений.

В ходе анализа понятия приветствия в таджикском языке было использовано много научной и художественной литературы для достижения более эффективного результата. Этика приветствия в культуре таджикского языка занимает одно из существенных положений, так как данному действию придают важное значение в образовании детей в школьных и дошкольных образовательных учреждениях и обучение приветствию поставлено очень хорошо.

В процессе анализа темы приветствия в таджикском языке было определено, что слово «*дуруд*» является исконно таджикским и использовалось таджикским народом до и после распространения ислама. Наряду с этим можно привести некоторые формы приветствия, которые считаются заимствованными. Например, само слово «*салом*» и любые его вариации признаются заимствованными из арабского языка. Более того, в таджикском языке можно увидеть гибридные вариации формы приветствия в различные времена суток, заимствованные из арабского языка. Например,

«Шаб бахайр», слово «шаб» и предлог «ба» являются таджикскими, а слово «хайр» является арабским.

Другим моментом, который был выявлен в ходе анализа, является элементы невербальной формы приветствия, которые нельзя увидеть в других языках и это является свидетельством того, что форма приветствия является бесценной в межчеловеческих отношениях. Вставать с места при появлении людей старшего возраста, приветствовать их путем положения руки к груди, громко и четко произносить слова приветствия или пожимать их руки двумя руками свойственно только таджикскому народу, насколько нам известно.

Анализ форм приветствия в турецком языке показал, что понятие и этика приветствия у турецкого народа имеет очень много общностей с формой приветствия таджиков, но, несмотря на это, можно увидеть существенные различия. Предпосылками для общих лингвокультурных свойств этих двух народов является религия ислам и географическое расположение. Как и другие восточные народы, турки также придают большое значение уважению к человеку и человеколюбию, что нашло свое отражение в научной и художественной литературе. До появления ислама и исламизации турков, использовались исконно турецкие формы приветствия. В средние века не только формы приветствия, но и традиции и обряды турков были подвержены влиянию религии ислам. В связи с чем можно увидеть существенные различия в традициях и обрядах современной Турецкой Республики по сравнению с Турцией времен Османской империи, однако нами не будут рассмотрены данные различия ввиду строгих рамок в соответствии с данной научной работой. С точки зрения лингвистики и лексикологии этика приветствия Османской империи ближе таджикской этике приветствия, чем этика приветствия современной Турции. По истечении времени и в связи с изучением новейшей литературы и проведенными исследованиями со стороны молодых ученых современной

Турции, было определено, что с точки зрения формы, приветствие имеет, более прозападную форму.

Несмотря на то, что лексика приветствия в турецком языке не подверглась сильному изменению, используются турецкие слова, однако совершение и формы приветствия и, а также лексика приветствия имеет больше схожего с английским языком и другими западными языками. Слово «*салом*» в обоих языках является общим компонентом приветствия, но используются по разному и статус данного слова в культурах этих народов, а также в странах, использующих данное слово имеет существенное различие.

Слово «*Мерхаба*» или «*Мархабо*» имеется в обоих языках, но выполняют разные функции. В сегодняшней Турции это слово признано как официальной и самой распространенной формой приветствия, но в таджикском языке используется как арабская форма приветствия «*хуш омадед*» - «*добро пожаловать*».

В турецком языке также можно увидеть невербальную форму приветствия, но она имеет определенные различия с невербальной формой приветствия в таджикском языке, и причиной тому служит нарастающее влияние Запада на общество. Выражение невербальной формы приветствия путем жестикуляции и движения различных частей тела, очень развито в таджикском языке, чем турецком языке.

В ходе анализа было установлено, что история, традиции, лингвокультура, в частности, культура приветствия у турецкого народа имеет очень много общностей с историей и культурой таджикского народа. Причин возникновения данных общих черт много, однако существенными причинами являются географическое расположение и религия ислам. В ходе экономических и социальных отношений между двумя народами, они очень часто пересекались друг с другом и наряду с языковым обменом совершался и культурный обмен. Культура таджиков, как неделимая часть ираноязычной культуры, сыграла свою историческую роль и веками служила базисом для становления и развития других культур, а также культуры тюркоязычных

народов. В этой связи в турецком языке просматривается большое количество персоязычной лексики. Заимствованная лексика с персидского языка охватывает обширный пласт в турецкой языковой культуре, однако, чтобы не отходить от темы, мы остановимся только на формах приветствия в данных языках.

Другим основным фактором, послужившим появлению общностей в турецком и таджикском языках, является влияние религии ислам. Следует подчеркнуть, что форма приветствия в этих двух языках до появления и распространения ислама сохранилась и после исламизации этих народов, в культуру приветствия были внесены некоторые изменения. Некоторые из этих изменений носили естественный характер, но в основном - религиозный характер, поскольку исконные традиции доисламского периода религией ислам впоследствии признавались традициями и обрядами периода идолопоклонничества и многобожия, а некоторые вообще признавались ложными. По этой причине правила, которые были внедрены в этикет и лексику приветствия у народов, исповедующих ислам, имеют общность и были быстро имплементированы на практике, в частности, приветствие «салом».

Несмотря на культурные и религиозные общности в турецком и таджикском языках, просматривается существенная разница по социальным вопросам. В ходе анализа форм приветствия в указанных языках было определено, что в турецком языке наряду с влиянием персидской культуры, также видится влияние западной культуры.

Данные различия можно увидеть в использовании слов при этике осуществления приветствия. Например, слово «*мархабо*» в таджикском языке используется в значении «*Добро пожаловать*», когда приветствуют кого-то у себя дома или на каком-нибудь торжественном мероприятии, а в турецком языке это слово используется в форме приветствия вообще.

Другим важным моментом является то, что молодёжь при приветствии старших протягивает обе руки и это является одним из основных правил для

определения статуса собеседника. Однако в турецкой культуре обычая здороваться двумя руками не существует. Более того, есть некоторые различия в невербальной форме приветствия в этих лингвокультурах. Например, таджики при приветствии другого лица издали прикладывают одну руку к груди и, чуть опускают голову в знак приветствия, а турки, увидев знакомое лицо вдали, подают знак приветствия, помахав рукой, что является отличительной чертой влияния западной культуры на формы приветствия этой лингвокультуры. Для более глубокого изучения данной темы в рамках научной работы был проведен анализ приветствия в двух языках, что позволит более в развернутой форме ознакомиться с данной тематикой.

В итоге следует сделать вывод, что по сравнению с таджикским языком в турецком языке можно увидеть большее количество форм приветствия и одной из причин этому является использование компонентов второй фазы приветствия при приветствии. То есть, слово или формы приветствия, которая используется на второй фазе – вопрос о самочувствии в турецком языке используется на первой фазе приветствия.

2.3. Речевые формулы благодарения в таджикском и турецком языках

2.3.1. Формулы благодарения в таджикском языке

Множество выражений благодарности на таджикском языке носят благожелательный характер (*дуо*), т.е. они являются короткими мольбами к Божьему благословию, помощи и поддержке собеседника (или «Благодетеля» в терминологии Кулмаса) [Coulmas, 1981b].

На протяжении всей своей истории таджикский народ долго исповедовал зороастризм, затем ислам. Естественно, язык как зеркало общества ясно отражает общие религиозные убеждения, популярные среди людей. В результате, ряд традиционных формул выражения благодарности в

таджикском языке обращаются к *Худо* или *Аллаху* («*Богу*»). Как упоминалось ранее, мы обычно благодарим людей за помощь и/или услуги, которые мы получаем, называемые «объектами благодарности» (или «благодарности» в терминах Aijmer, 1996). Основная причина использования выражения благодарности, связанного со Всевышним, видимо, является повсеместной стратегией «самоунижения и повышения других», или, более конкретно, стратегия преувеличения благ, которые вы получаете (и принижение одолжений, которые вы оказываете)».

Как показано ранее, многие из форм благодарности в таджикском языке соответствуют этой стратегии, на основе которой в выражении благодарности и «*Благодетель*» (*benefactor*), и «*благополучатель*» (*beneficiar*) предполагают, что объект благодарности или доброжелательности настолько велик, что, будучи человеком (следовательно, слабым), он /она не может достаточно отблагодарить благодетеля. Только Бог является источником неограниченной власти и милосердия (будучи великим и милосердным) может вознаградить и/или отплатить благодетелю и освободить адресата (благополучателя) от огромного бремени задолженности.

Большинство этих форм благодарения – благопожеланий используются старшими людьми, чтобы поблагодарить молодых людей за оказанные услуги. Однако некоторые формы выражения благодарности, связанные с благопожеланиями, считаются архаичными и устаревшими. Они редко используются среди молодых людей. Перечислим некоторые формулы благодарности, связанные с культурой и религией в таджикском языке: «*шукр*» (*благодарение*), «*шукри Худо/яздони пок/ Аллох*» (*Слава Богу/ Аллаху(благодарность Богу)*), *шукрона* (*Слава / благодарность*), «*мо кам кардем Худо зиёда кунад*» (*Мы сделали мало, пусть Бог сделает больше*), «*Баракат ёбӣ*» (*Будь благословенен*), «*аз Худо ёбӣ/бинӣ*» (*Пусть даст бог вам в ответ*), «*алхамдуллиллох*» (*Слава Богу*), «*аз мо нагардад аз Худо баргардад*» (*Если не мы не вернем, пусть от Бога вернется*), «*дар рӯзи нағз*

истифода баред, дар рӯзҳои нағз пӯшед» (Надевайте/Используйте в хорошие дни.), «садқаи номат/суханҳоят» (Да буду жертвой за твои слова/имя), «хоки поят шавам» (Да буду прахом у твоих ног) и.т.д.

Формы благодарения в таджикском языке

Таджикские варианты	перевод на русский язык
<i>Раҳмат</i>	<i>Желаю милости Вам(Тебе), спасибо</i>
<i>Ташаккур</i>	<i>Я признателен</i>
<i>Муташаккирам</i>	<i>Благодарен, спасибо</i>
<i>Бошӣ!</i>	<i>Будь/живи</i>
<i>Зинда бош(бошӣ)(бошед)!</i>	<i>Живи долго</i>
<i>Дастат(-тон)дарда набинад!</i>	<i>Пусть у Тебя (Вас) не болят руки</i>
<i>Камиро набинӣ</i>	<i>Чтобы ты не видел бедности</i>
<i>Мо кам кардем, Худо зиёд кунад</i>	<i>Мы сделали мало, пусть Бог сделает больше</i>
<i>Барака(т) ёбӣ(ёбед)</i>	<i>Будь благословенен</i>
<i>Саломат бошӣ(ед)</i>	<i>Будь(те) здоров(ы)</i>
<i>Худо аз туй диҳад</i>	<i>Пусть всегда будет радость(свадьба)</i>
<i>Шукри бисёр</i>	<i>Безмерно благодарен</i>
<i>Миннатдорам</i>	<i>Благодарю</i>
<i>Аз Худо ёбӣ(ед)</i>	<i>Пусть даст бог вам в ответ</i>
<i>Рӯзи бадро набинӣ(ед)</i>	<i>Пусть Бог не даст вам плохих дней</i>
<i>Хокро гирӣ зар гардад</i>	<i>Да превратится в золото, пыль/прах, который возьмешь</i>
<i>Дастии камиро набинӣ</i>	<i>Пусть у вас всегда будет достаток</i>
<i>Аз мо нагаиш, аз Худо гардад</i>	<i>Если не мы не вернем, пусть от Бога вернется</i>
<i>Сипос</i>	<i>Благодарен</i>
<i>Сипосгузор будан</i>	<i>Быть благодарным</i>

<i>Садқаат шавам</i>	<i>Да буду жертвой за тебя</i>
<i>Қурбони суханҳоят/номат шавам</i>	<i>Да буду жертвой за твои слова/ имя</i>
<i>Хоки поят шавам</i>	<i>Да буду прахом у твоих ног</i>
<i>Алхамдуллилох/ чзакаллоху хайран касира</i>	<i>Слава Богу/ Пусть Бог вознаградит тебя благом</i>
<i>Дар рӯзҳои нағз истифода баред/нӯшед</i>	<i>Надевайте/Используйте в хорошие дни.</i>

Рассмотрим более подробно названные формулы благодарности.

Форма благодарения «*раҳмат*» считается более распространённым выражением благодарности. Слово «*раҳмат*» заимствовано от арабского слово «*раҳма*» и означает «*милосердие*». Если рассмотреть это в контексте благодарности, говорящий, который использует это слово, желает милосердие Бога собеседнику. Помимо этого, слово «*раҳмат*» считается прямой формой благодарения, не имеет ни рода, ни числа, и языковая культура не определяет ограничения для его использования. Эта форма используется не только носителями таджикского языка, но и носителями других языков (казахского, узбекского, киргизского и туркменского) в ареале Средней Азии его используют как основную форму благодарения. Перечисленные народы, которые используют эту форму благодарения, являются тюркоязычными, однако в турецком языке нынешней Турции по сравнению с этими языками эта форма не используется как форма благодарности. Чтобы повысить степень благодарности используется слово «*калон*» (большой): «*раҳмати калон*» (*большое спасибо*). В Таджикистане, особенно в северных диалектах, также используется более вежливая форма: «*раҳматҳои калон*» (во мн.числе). Однако следует отметить, что данная форма является калькой с русского. Поскольку исконно таджикским считается *ҳазор раҳмат-тысяча благодарностей*.

В ответ на благодарение «*рахмат*» обычно отвечают благопожеланием и используют некоторые традиционные формы, такие как «*Саломат бошед*» (Будьте здоровы), «*Зинда бошед*» (Живите долго) или среди молодых кратко «*Бошӣ*» (Будь).

Слово «*Ташаккур*» считается более формальным выражением благодарности. Слово «*зиёд*» (много, большое) указывает на повышенную степень благодарности: «*Ташаккури зиёд*» (примного благодарен). В таджикском языке, особенно в устной речи, эта форма благодарения встречается довольно редко, тем не менее, среди представителей интеллигенции ее можно встретить эту форму.

Кроме того, в таджикском языке, встречаются другие формы благодарения, связанные со словом «*Шукр (ташаккур)*»: «*муташаккирам(ем)*» (я благодарен/ мы благодарны), «*Шукр*» (благодарен), «*Шукри худо/парвадигор/яздон/эзид*» или «*Худоро шукр*» (Благодарность Богу), «*Шукрона*», «*Шукргузорӣ*» (Благодарение) итд.

На пример:

Бибиоиша гуфт:

- Шукр, Гулбибӣ саломат аст
[Айни, 72].

«Бубинед, асараш ҳанӯз дар ришам
боқист» гуён шукрона
мекард [Айни, 161].

Бибиоиша сказала:

-Благодарю (слава Богу), Гулбиби
здорова.

«Смотрите, следы этой болезни до
сих пор в моей бороде» - говорил
благодаря.

Слово «*Миннатдор*» (благодарен, букв. обязан) и производное от него *миннатдорӣ* считается одной из формальных форм благодарности в таджикском языке, и оно широко используется в письменной и устной речи. В литературе можно встретит разные варианты этого слова, такие как: «*Миннатдорам(ем)*» (Благодарен / благодарны), «*Изҳори миннатдорӣ*» (Выражение благодарности), «*Миннатдори баён кардан*» (Выражение

благодарности), «Миннат доштан/ ниҳодан, миннатпазир» (Выражать благодарность).

Например:

Арбоб миннатдору хурсанд шудааст Арбоб(хозяин) был благодарен и рад.

[Айни,21].

Мусофир миннатдорӣ изҳор карду Гость отблагодарил и привязал осла харро ба чанор баст ва бурёро дар кчинаре и постелил коврик в тени, и соя паҳн карда, аз анбон нони ҷав, вытащил из мешка хлеб из ячменя, кузача ва качкорди яманиро баровард кувшин воды и йеменский кривойнож.

[Фиш, 173]

Миннатпазирам аз ту доим ба Благодарен тебе я всегда всю жизнь. рӯзгорам. [Адабиёти тоҷик, синфи 7, 252]

В таджикском языке есть некоторые средства выражения благодарности, связанные с культурными и социальными значениями. Культурные ценности, такие как уважение к взрослому человеку, важность брака в социальной жизни людей, радость и благословение молодежи являются одними из общих тем, функционирование в качестве основы для ряда выражений благодарности, которые можно назвать «выражениями культурной благодарности». Подобно выражениям благодарности, связанными с упоминанием имени Бога, выражения благодарности, связанные с культурой на таджикском языке, носят благопожелательный характер и обычно используются в качестве косвенного благодарения.

Так, формы благодарения «Дастат(-тон)дарда набинад» (Пусть у Тебя (Вас) не болят руки), «Камиро набинӣ» (Чтобы ты не видел бедности), «Мо кам кардем, Худо зиёд кунад» (Мы сделали мало, пусть Бог сделает больше), «Барака(т) ёбӣ(ёбед)» (Будь(те) благословенен), «Худо аз туй дихад» (пусть всегда будет радость/ свадьба), «Рӯзи бадро набинӣ(ед)» (Пусть Бог не даст вам плохих дней), «Хокро гирӣ зар гардад» (Да превратится в золото, пыль/прах, который возьмешь), «Аз мо нагаиш аз

Худо гардад»(Если не мы не вернем, пусть от Бога вернется), «*Аз Худо ёбӣ(ед)*»(Пусть даст бог вам в ответ), «*Садқаат шавам*»(Да буду жертвой за тебя), «*Қурбони суханҳоят/ номат шавам*»(Да буду жертвой за твои слова/ имя), «*Хоки поят шавам*»(Да буду прахом у твоих ног)и.т.д., являются этнокультурными.

Слова «*дастат(он) дард набинад ё накунад*» перевод как форма благодарения используется в особых случаях. Мы используем эту форму, чтобы поблагодарить, когда кто-то подает поесть или выпить. Например, соседка предлагает блюдец с едой, чтобы поблагодарить её, надо сказать: «Пусть ваши руки никогда не болят!».

Форма благодарения «*Камиро набинед*» используется, когда благодетель (benefactor) оказывает материальную или физическую помощь. Например, если человек помогает своему родственнику или другу деньгами, или пищей, то в ответ на его/её доброту человек, который получает благо, признаёт благодарность таким образом. Однако это не единственная форма благодарения, которая используется в данном контексте, богатая таджикская культура речи предлагает другие равномерные формы благодарения, такие как: «*барака(т) ёбӣ(ёбед)*», «*рӯзи бадро набинӣ(ед)*», «*Хокро гирӣ зар гардад*», «*Дастии камиро набинӣ*», «*Аз фарзандонат бинӣ*». Все перечисленные формы благодарения являются стилистически завыщенными формами, и показывает искренность и величие оказанной помощи. Во всех вышеуказанных формах можно ощутить глубокий смысл и уровень мышления благодарящего человека, что он/она признается в том, что самый щедрый и милосердный оценщик — это сам Бог и пусть он отблагодарит благодетеля.

Форма благодарения «*Садқаат шавам*» или «*Дар ту садқа*» (Да буду я жертвой за тобой) является архаичной формой и используется в местных поселениях, и обычно взрослые женщины благодарят молодых таким образом, например, за их визит в дом. Это словосочетание равнозначно словам «*Қурбонат шавам*», «*Қурбони ту/шумо (Да буду жертвой)*», «*Хоки*

поят шавам» (Да буду прахом твоих ног), «Дар ту маро бикунанд» (Да буду я жертвой), «Мурам туба», «Мурам Шумоба» (Пусть умру за тебя/вас) или аналогичное «Мураматун» (Зерафшанская долина). Например, когда студент возвращается в родное село на летние каникулы и навещает родных, сразу после приветствия его благословляют таким образом, или, когда младший ребенок семьи оказывает маленькую услугу бабушке, старшие благодарят, используя преувеличенные и ласковые формы благодарения.

Формы благодарения *«Худо аз тӯй дихад», «Худо ба тӯй расонад», «Тӯйхона шавад», «Дар тӯятон хизмат кунам» (Пусть Бог даст (увидеть) свадьбу/послужить на твоей свадьбе)* являются неформальной формулой благодарения - благопожелания и используются в особых случаях. Они используются, когда люди приглашают родных и друзей на свадьбу и в ответ их благодарят таким образом.

Форма благодарения *«Сипос» (спасибо) и «Сипосгузор» (благодарю)* также является формальной формулой благодарения в таджикском языке. Она является одной из самых старых и традиционных форм благодарения в персидском языке и широко используется в персоязычном ареале, в Иране и Афганистане. Среди нового поколения Таджикистана это слово очень редко встречается, и в устной речи его больше всего можно встретить в молитвах, в мечетях и храмах. Однако представители СМИ и государственные служащие используют это слово в своих речах. Слово *«Сипосгузор»* имеет некоторые формы как: *«Сипос» (спасибо), «Сипос гузоштан» (благодарить), «Бо сипос» (с благодарностью), «Сипоси бепоён ба» (Бесконечная благодарность кому-л.)* и т.д.

Например:

*Шоир дар ин маснавӣ ба модар, ба
захмати ӯ дар тарбияву ба камол
расонидани фарзанд арзи сипос
мегуяд... [Адабиёт-махзани*

*Поэт в этом маснави выражает
благодарность матери за ее
труды по воспитанию детей.*

Форма благодарения «дар рӯзҳои нагз истифода баред/пушед» (*Носить/использовать вам это в хорошие/добрые дни!*) используется повседневно при осуществлении покупки или продажи того или иного товара несъедобного характера и чаще всего звучит в таких местах, как рынки, магазины и.т.п. На русский язык эта форма переводится как «спасибо за покупку». Таджики, как и другие народы мира, таким образом благодарят покупателей.

Формы благодарения «*Алҳамду лиллаҳ и чазакаллоҳу хайран касира*» заимствованы из арабского языка и являются неформальными формулами благодарения. Слово «*Алҳамду лиллаҳ*» в прямом переводе означают «*Слава Аллаху*» и собеседник использует эту форму, чтобы благодарить Бога, а не собеседника. Слова «*Чазакаллоҳу хайран касира*», то есть пусть «*Бог даст тебе благо*» обычно используется в сельской местности в особых случаях. В частности, при совершении омовения рук до проведения совместной трапезы с приглашенными гостями на том или ином мероприятии, лицу подающему воду для омовения рук, благодарность выражается вышеуказанным образом, тем самым подчеркивается значимость совершенного им действия.

В результате рассмотрения выражения благодарности как компонента речевого этикета в таджикском языке можно сделать вывод, что в таджикской речевой культуре существуют многочисленные формы благодарения и слово «*раҳмат*» является самой распространенной и эксплицитной формой выражения благодарности, слова «*Алхамду лиллаҳ*» и «*Чазакуллоҳу хайран кассира*» самими редкими формами выражения благодарности. Помимо прямой формы выражения благодарности в таджикском языке можно выразить благодарность косвенным образом или в имплицитном виде (различные виды благопожеланий).

2.3.2. Этнокультурные особенности формул речевого этикета благодарения в турецком языке

Гулушан Гючен, профессор Стамбульского университета, проводя обзор существующих западных работ по исследованию благодарности, отмечает, что существует несколько различных подходов: благодарность понимается как источник человеческой силы (Gratitude has been conceptualized as the origin of human strength) [Crumpler and Emmons, 2000: 56-96], добродетель или эмоциональное состояние (a virtue or emotional state [Emmons & McCullough, 2003: 377-389], признание и оценка альтруистического дара (the recognition and appreciation of an altruistic gift [Emmons, 2004: 377-389] силы характера, принадлежащей трансцендентным добродетелям (a character strength belonging to *transcendental virtues* [Peterson & Seligman, 2003: 381-384], и моральный барометр, усилитель и мотиватор, (a moral barometer, reinforcer, and motivator) [McCullough, Kilpatrick, Emmons, & Larson, 2001: 249-266] [Gocen, 2016: 190].

В работе Эммонса и Маккуллога благодарность описывается как типичный эмоциональный ответ “когда человек получает личный подарок или выгоду, которые не были заработаны, заслужены или ожидаемы, просто из-за благих намерений другого человека” [Emmons, & McCullough, 2003:377–378].

Рассмотрим средства выражения благодарности в турецком языке.

Хотя во всех языках одним из наиболее важных объектов речевой коммуникации являются формулы благодарности, в турецком языке большинство подобных речезыкетных формул не являются исконными и заимствованы из арабского языка [Özezen, 2006;67].

Мы собрали достаточное количество примеров, чтобы получить возможность провести более глубокий анализ формул благодарности и ответных реплик на турецком языке. Все примеры были собраны из произведений Аджы Тютюн, Чакырджалы Эфе, Дизбою Папатялар, Мави Каранлы и других.

При переводе данных речезыкетных формул мы обратили внимание на тот факт, что данные выражения легче перевести на таджикский язык, чем на русский, поскольку в силу ряда историко-культурных причин способы выражения благодарности в турецком и таджикском языках имеют много общего. Рассмотрим речезыкетные формулы и их перевод:

Турецкий	Таджикский	Перевод на русский
<i>sağol</i>	<i>раҳмат</i>	<i>будь здоров</i>
<i>teşekkür ederim</i>	<i>муташиаккирам</i>	<i>благодарен, спасибо</i>
<i>sağolun</i>	<i>саломат бошед</i>	<i>будьте здоровы</i>
<i>varol</i>	<i>боишӣ</i>	<i>будь/живи</i>
<i>yaşa</i>	<i>зинда бош</i>	<i>живи долго</i>
<i>eline sağlık</i>	<i>дастат дард набинад</i>	<i>пусть у тебя не болят руки</i>
<i>eksik olma</i>	<i>камиро набинӣ</i>	<i>чтобы ты не видел бедности</i>
<i>ziyade olsun</i>	<i>мо кам кардем, худо зиёд кунад</i>	<i>мы уменьшили, пусть бог даст тебе еще больше</i>
<i>aydınlık içinde ol</i>	<i>дар равшанӣ боишӣ</i>	<i>когда люди желают света и радости друг другу (букв. да будешь в свете).</i>
<i>sağolasın</i>	<i>саломат боишӣ</i>	<i>будь здоров</i>
<i>varolun</i>	<i>зинда бошед</i>	<i>будьте здоровы</i>
<i>çok şükür</i>	<i>шукри бисёр</i>	<i>премного благодарен</i>
<i>minnettarım</i>	<i>миннатдорам</i>	<i>благодарю</i>
<i>Allah razı ola</i>	<i>худо розӣ бод</i>	<i>пусть бог буден доволен вами</i>
<i>Allah kötü gün göstermesin</i>	<i>худо рӯзи бад нишон надиҳад</i>	<i>пусть бог не даст вам плохих дней</i>
<i>Allah taş deyi tuttuğunu altın etsin</i>	<i>хокро гирӣ зар гардад</i>	<i>возмешь пыль (прах), да превратится в золото</i>
<i>eyvallah</i>	<i>раҳмат</i>	<i>спасибо</i>
<i>eksik olmayın</i>	<i>дасти камиро набинӣ</i>	<i>пусть у вас всегда будет</i>

Bunun üstüne Memed onun elini öpmiş: После того Мемед поцеловал его руку и сказал:

-Sağolemmi, demişti. Sağol. -Спасибо, дядя. Спасибо

[Kemal, 200].

-Aç mısın? dedi. Bir şeyler hazırlayayım sana... -Ты голоден? - сказала она. Хочешь я тебе приготовлю еду?

Başını salladı Banu: Бану махала головой:

-Sağol, dedi. - Спасибо, -сказала она.

Yedim. [Türkali, 419]. -Я поела.

Слово **sağolun** является альтернативой слову **sağol** и показывает вежливость и уважение говорящего человека (к нему добавляется суффикс **-un**). Сюда еще присоединяют слово «**çok**», через которое говорящий демонстрирует свою искренность: помимо выражения благодарности слово «**sağol** или **sağolun**» в речевой коммуникации нынешней Турции используется как благопожелание и похвала:

- Başınız sağ olsun. Примите мои соболезнования.

- Teşekkür ederim. Siz sağolun. Спасибо, будьте здоровы.

- Canın sağ olsun [Atay, 104]. Будь здорова

-Sağolsun annem, son anda çantaya tıktıverir bunları [Uyar, 110]. Пусть будет она здорова моя мама, в последний момент наполняет мою сумку всеми этими вещами.

-Kutlarım Albayım, dedi. Maşallah – Поздравляю полковник, - сказал он.

damarlarınız yirmi yaşında. –Вы здоровы как двадцатилетнее юноша.

-Sağ olun, dedi Nizamettin Bolayır. –Спасибо вам,- сказал Низаметтин Болайыр.
[Taner, 156].

В зависимости от контекста, формы благодарения «**yaşa** и **var ol**» могут функционировать как благопожелание и молитва. Они также используются во множественном числе, однако адресат может быть в единственной форме,

и в качестве признака вежливости альтернативным словом для *varol* является *varolun*, а для слова *yaşa* – *yaşayın* или *yaşayasın*.

Efe:

-Ağa, dedi, -yaşa varol.

- Yaşa, Çuval! Varol!

[Kemal, 200]

Эфе:

-Живи долго и будь здоров мой

господин.

Форма благодарности *eline sağlık [olsun/dilerim]* не используется так широко, как другие формы благодарения. Эта форма благодарности используется в контекстах, где адресат выполняет для говорящего что-то физическое. Это слово не может быть ответом на следующее предложение: *Ваш костюм подходит вам.*

Cemile: Al kızım, eline sağlık.

Джемиле: Бери дочь моя, спасибо.

Haskız: Afiyet olsun anneciğim.

Хаскиз: Приятного аппетита мамочка.

[Yürük, 94].

-Eline sağlık, Recep, dedim.

-Спасибо тебе Реджеб. Так здорово

-Odayı ne güzel yarpmışsın!

почистил комнату.

[Ramuk, 337]

Форма благодарности *eksik olma* может быть использована в любом контексте, однако по сравнению с другими формами благодарности эта формула считается более разговорной и неформальной

Cıgarasını aldı:

Он взял сигару:

-Eksik olma, dedi [Cumali, 245].

-Спасибо тебе, - сказал он.

Говорящий использует форму благодарности *ziyade olsun*, после завершения принятия еды или напитка, предлагаемых адресатом. Эту форму можно использовать только в этом контексте. В других контекстах эта форма благодарности не функционирует как благодарность, она функционирует как знак хорошего намерения. Например: «Вам повысили зарплату. Пусть Аллах даст больше».

Elif- Ziyade olsun güzel kızım. Элиф- Спасибо, красивая дочь моя.

Eline sağlık.

Здоровье твоим рукам.

Haskız- Afiyet olsun teyzeciğim.

Хаскыз- Приятного аппетита, тётя

[Yürük, 94].

Слово ***aydınlık içinde ol*** используется только в качестве ответа на слова ***gözünaydın/ gözünüznaydın***. Это такой момент, когда люди желают свет и радость друг другу

Berbat- Gözüünaydın! dedi.

Бербат- свет твоим глазам

Kaptan sevinçle cevapladı:

Капитан радостно ответил:

-Ol aydınlık içinde...

-Ты тоже будь в свете

[Kemal, 108].

Cemil- Gözüünüz aydın, Ahmet Джемиль-Гёзунюз айдын(свет в ваших глазах), *Ahmet* Ахмет приехал из армии.

Elif- Sağol kızım. Aydınlık Элиф- Спасибо, моя дочь. Ты тоже будь в *içinde[ol]* [Yürük, 94]. *свете.*

Форма благодарности ***sağolasın*** функционирует как слова ***sağol*** и ***sağolun*** и используется в одинаковых контекстах. Однако ***sağolasın/sağolasınız***, функционируют не в формальном виде и используются в речевых коммуникациях сельской местности.

-Seni hasta dediler... Çok - Они сказали, что ты болен ... *Очень meraklandık, dedi Korhan...* переживали, - сказал Корхан ...

-Sağ olasın Ağbem... İyiyim... -Спасибо, брат. Я в порядке ...

[Türkali, 419].

Формы благодарности ***şükür***, (***Allaha şükürler olsun / Allaha şükür/cok şükür/şükürler olsun***) используются больше как благопожелания, чем благодарность, например: «Пока я в порядке, слава богу».

[Nasılsınız? türünden bir soruya [В ответ на вопрос как вы] yanıt olarak]

-Çok şükür, dedi sadece.

-Он просто сказал, Слава богу.

[Avcı,104].

Форма благодарности *Allah razı ola* используется в некоторых местностях в том же значении, что и *Allah razı olsun*. Оба вида часто встречаются в разговорной речи.

-*Kolay gele İbrahim dayı!* - Бог в помощь дядя Ибрахим!

-*Allah razı ola! derdi* - Благодарю.

[Beğenç, 163].

Благодарность в форме благопожелания- *allah kötü gün göstermesin, allah taş deyi tuttuğunu altın etsin*.

İkisi iki yandan başladılar: Они начали с двух сторон:

-*Sağol ağa, var ol ağa...* - Будьте здоровы, господин, будьте здоровы, господин....

-*Allah taş deyi tuttuğunu altın etsin,* - Да благословит вас Бог (пусть превратится в золото всё что бы вы прикоснулись) ...

Allah kötü gün göstermesin! - Чтобы Вы не видели плохих дней!

[Bilginer, 81].

Форма благодарности *eksik olmayın* используется, когда выражается благодарность группе людей и глагол *olmak* используется во множественном числе (*olmayın*), однако в других ситуациях эта форма считается альтернативной формой *eksik olma*.

Saffet- Rahatın yerinde mi? Саффет: Вам удобно?

Saadet Nine- İyiyim efendim, Бабушка Саадет: Мне хорошо господин, *eksik olmayın.* [Avcı, 104]. спасибо вам.

Слово *eyvallah* как форма благодарности происходит из арабского слова *vallah*. Оно функционирует как форма благодарности, однако это слово используется в контексте прощания как *до свидания*. В контексте, где оно выражает благодарность, указывается на искренность и легкость, иногда даже легкую ироничность говорящего, и эта форма не является формальной.

Gülüşmeler başladı birden, Они засмеялись и сказали: *geçmiş olsunlar...* «поправляйтесь» и т.д.

-*Eyvallah, diyordu Özgür.* - *Эйваллах, -отвечал он. -Благодарю*
Sağ olun... *вас ...*

[Türkali, 419].

Подводя итоги, отметим, что в нашем исследовании было проанализировано большое количество примеров. В ходе анализа мы обнаружили, что формальная (официальная) форма благодарности в турецком языке является *teşekkür ederim* (24,70%), Форма благодарности *sağol* (29,48%) считается самой распространенной в речевой коммуникации, она также используется как молитва/благопожелание в единственном и множественном числах. Наименее употребляемыми формами благодарности являются *eyvallah, eksik olma u varolun*.

2.3.3. Сопоставительный анализ речевого акта благодарения в таджикском и турецком языках

Следует отметить, что если начало разговора и благоприятного взаимодействия зависит от вида, выбора правильной формы и выполнения всех требований этикета при приветствии, то дальнейшее развитие и продолжение продуктивного диалога получает свое начало от искреннего благодарения. При изучении и анализе понятия благодарения, удалось постичь саму суть, значение, виды и формы, этику выполнения и все тонкости данного понятия в таджикском и турецком языках. Наряду с этим, в ходе рассмотрения концепта благодарения в таджикском и турецком языках было выявлено, что на культуру благодарения в этих лингвокультурах также имеют влияние религиозные факторы.

Лингвокультура в обоих языках обучает продолжительности здоровых отношений, поддержанию собственного достоинства и авторитета в обществе и «сохранении своего лица» - как говорится в народе и продолжении выражения и демонстрации благодарения собеседникам с учетом всех

тонкостей. Для исполнения вышесказанного культура речи в таджикском и турецком языках предлагает многочисленные формы благодарения.

В ходе работы было установлено, что в таджикском и турецком языках существуют эксплицитный, и имплицитный виды благодарения, которые свидетельствуют о тонкой культуре речи в данных языках. Например, в английском языке прямое выражения благодарения зависит от выбора лица говорящего на этом языке и в культуре не предусмотрены какие-либо ограничения. Также необходимо учитывать, что в западной культуре этому придается несколько другое значение. В восточном обществе уровень выражения благодарности очень сильно зависит от уровня оказанной услуги и социального статуса участника процесса. Взрослые люди и видные деятели общества более сдержанно подбирают форму и виды выражения благодарения, когда благодарят лиц стоящего ниже или выше их по возрасту или социальному статусу, а в английском языке же просто говорят «*thank you*» (Спасибо Вам). Иногда благодарность выражается в виде дарения подарков и/или выражения благодарности в имплицитной форме. Выражение благодарности людям в зависимости от их возраста, независимо от оказанной услуги имеет существенное различие. При практическом анализе, было выявлено, что иногда данные тонкости не соблюдаются молодыми людьми, что является основанием для критики, тем не менее, причиной тому служит культурный нигилизм и недочет таджикской ментальности. Более того, следует отметить, что испокон веков выражение благодарности является одной из форм признательности и благодарения у таджикского народа. Слово «*синос*» (признательность, благодарность) со времен Авеста является неотъемлемой частью культуры речи таджиков и до сегодняшних дней признается как священной частицей хороших времен.

Со временем и развитием языка у данного слова появились различные формы, но оно не потеряло свою значимость и сущность в различных диалектах таджикского языка. Другим словом, которое появилось в средние века, и было заимствовано из арабского языка, которое используется, наряду

со словом «*сипос*» является слово «*шукр*» (благодарность). Использование данного слова в таджикском языке имеет историческое и религиозное значение, которое обуславливает её существование в таджикском языке с культурологической и религиозной точки зрения. Значения и формы данного слова в таджикском и турецком языках имеют одинаковый смысл, так как обе нации являются мусульманами и получают духовную подпитку из одного источника.

В ходе анализа было выявлено, что в турецком языке имеется 18, а таджикском языке 25 самых распространенных форм благодарения. Заимствованными и в таджикском языке, и в турецком языке из арабского языка являются слово «*шукр*» и «*миннат*» и имеет многочисленные вариации. С целью получения полноценного результата и глубокого понимания предмета данной темы было изучено много примеров и многочисленное количество научных работ. Более того по сравнению с таджикским языком, в турецком языке можно увидеть сильное влияние французского языка, так как в турецком языке используется заимствованное слово «*merci*» (спасибо). Приведенные формы благодарения являются формой выражения благопожелания, а также выражения признательности и некоторые из них имеют распространенный характер, а некоторые формы используются в ограниченных случаях. Также в ходе работы было уделено пристальное внимание архаичным формам благодарения, которые используются в отдалённых от административных единиц местах, типа кишлаков, деревень, поселений и.т.п.

Другим важным моментом, с которым мы столкнулись при проведении данной научной работы, является влияние культуры и религии на этику благодарения в обеих народностей. Выражаясь более точно, в данном контексте подразумевается не форма выражения благодарности между собеседниками, а выражение благодарности священному божеству в сугубо приватном и частном порядке со стороны индивидуума или группы лиц. Это положение имеет очень распространенный характер в таджикском и

турецком языках, и имеет многочисленные виды. Только в таджикском языке понятие Господа имеет много синонимов, таких как «яздон», «эзид», «илох», «парвардигор», «офаридгор», и.т.п., которые используются для формирования благодарности и каждая из них имеет различные варианты, например, «шукри яздон», «шукри яздони пок», «сипос ба яздон». В турецком языке слово Бог также имеет много синонимов, таких как: «Allah», «Ilah», «Tangri», «Yaratan» и.т.п. Как нам стало известно в ходе исследования, эти свойства таджикского и турецкого языков являются общими и используются во время диалога в отношении 3-го лица и являются одной из форм благодарения этих двух народов, так как таджики и турки придерживаются мнения, что все блага, которые есть у человека, даются Богом и основная благодарность должна быть выражена Богу, потому что благодарение является даром Божьим.

Выводы по второй главе

В результате проведенного исследования в рамках второй главы, можно сделать вывод, что форма обращения в таджикском и турецком языках, будучи очень обширной темой, имеет существенное значение в этих языках. Более точно выражаясь, в целях реализации поставленных целей в рамках научной работы, были рассмотрены самые распространенные и используемые формы обращения в указанных языках и для получения ожидаемых результатов было использовано большое количество литературы и в итоге сделаны следующие выводы:

- в ходе исследования были проанализированы 74 форм обращения в таджикском и турецком языках, из этого числа 45 форм обращения являются турецкими и 29 форм обращения таджикскими. Более того, данные формы обращения делятся на две группы: форма обращения для мужского пола (таджикский 19, турецкий 22) и форма обращения для женского пола (таджикский 10, турецкий 23). Но в турецком языке формы

обращения к женскому и мужскому полу в количественном соотношении практически одинаковы, то есть 23 формы обращения к женщинам и 22 формы обращения к мужчинам. По анализу речевого акта обращения, можно сделать вывод, что общество современной Турции становится более либеральным по сравнению с таджикским обществом, где таджики пока остаются более консервативными. В таджикском обществе конфиденциальность или неприкосновенность женского пола сохраняет свое место и этому придаётся большее значение, чем в турецком обществе. Однако, в турецком обществе женщины, судя по речевому акту обращения стали более активно участвовать в общественных делах и повышать свою роль как движущая сила.

В ходе проведения исследования речевого акта обращения, были обнаружены существенные сходства в данных языковых культурах. Профессиональные и родственные формы обращения в обеих культурах остаются почти одинаковыми, то есть в таджикском и турецком языках люди обращаются друг другу, используя родственные формы как *сестра (ana, abla)*, *тетя (хола, teuze)*, *брат (ака, abi)* и т.д., и профессиональные формы обращения имеют схожесть: *доктор (духтур, doktor)*, *инженер (мухандис mühendis)*, *руководитель (мудир, müdür)* и т.д. Однако, несмотря на множество схожестей в культуре обращения в обеих языках можно встретит различия в словах *господин и госпожа (Bay ve Bayan и Хонум ва Чаноб)*. В турецком языке эти слова можно встретить на практике в литературе, однако в таджикском языке эти слова используется в большинстве в СМИ и литературном языке. Вместо этих форм на практике таджики предпочитают либо родственные слова как «*ана*» (*сестра*), «*ака*» (*старший брат*), либо профессиональные слова как

«раис» (руководитель), «калон» (старший), «муаллима» (учительница) и т.д.

Далее нами был рассмотрен речевой акт приветствия на базе форм приветствия в таджикской и турецкой языковой культуре. В ходе исследования были выявлены более распространённые формы приветствия в таджикском и турецком языках, которые составляют 23 форм приветствия: 10- в таджикском языке и 13 - в турецком языке. Эти формы включают в себе исконные и заимствованные формы приветствия, формальные, и неформальные формы приветствия, и приветствия в разные времена суток в таджикской и турецкой лингвокультурах. Оба языка имеют исконно языковые средства приветствия, в таджикском это слово «дуруд» и в турецком эти слова «Esen» «Aman» «Sağ/Sav». Здесь не встречаются лексические сходства, однако концепт и значение данных форм приветствия в обоих языках одинаковы и подразумевают мир, доброжелательность и здоровья. Слово «дуруд» в таджикском языке существует в обороте, однако турецкие варианты уже считаются архаичными. Заимствованные формы приветствия в данных языковых культурах являются арабские варианты как слова «салом/selam», «мархабо/ merhaba». Все варианты слова «салом» в обоих языках используются и в письменной форме и на практике, но в таджикском языке это слово является формальной формой приветствия, где в турецком языке варианты этого слова являются неформальными формами приветствия. В турецком языке слово «merhaba» является формальной и распространённой формой приветствия. Однако в таджикском языке это слово используется в качестве приветствия «хуш омадед», аналогия приветствия в английском языке «Welcome». Кроме того, в обоих языках встречаются другие варианты неформального приветствия такие как «чӣ хелӣ», «созӣ» в таджикском и «nasilsın» «ne haber» в турецком языке.

Сходство в формах приветствия можно заметить и в формах приветствия в разные времена суток. Эти формы почти одинаковые в таджикском и турецком языках, однако в турецком языке используется слово

«*Günaydın*» (*доброе утро*), которое в таджикском варианте не встречается и сходства языков можно демонстрировать следующим образом: выделяются 11 общих форм приветствия в данных языках 10 из которых используются в турецком и в таджикском языках и форма- «*Günaydın*» используется только со стороны носителей турецкого языка. В турецком языке также можно увидеть невербальную форму приветствия, но она имеет определенные различия с невербальной формой приветствия в таджикском языке, и причиной тому служит нарастающее влияние запада на общество. Выражение невербальной формы приветствия путем жестикуляции и движения различных частей тела, очень развито в таджикском языке, чем турецком языке. На сколько нам известно, вставать с места при появлении людей старшего возраста, приветствовать их путем положения руки к груди, громко и четко произносить слова приветствия или пожимать их руки двумя руками свойственно только таджикскому народу. Другим основным фактором, послужившим появлению общностей в турецком и таджикском языках, является влияние религии ислам. Следует подчеркнуть, что форма приветствия в этих двух языках до появления и распространения ислама сохранилась и после исламизации этих народов, в культуру приветствия были внесены некоторые изменения.

Далее нами были рассмотрены речевые акты благодарения в таджикской и турецкой языковой культуре на примере форм благодарения в данных языках. В ходе сопоставительного анализа были выявлены самые распространённые и практичные формы благодарения в этих языках и разделены на исконные и заимствованные, формальные и распространённые, имплицитные и эксплицитные, и культурно-религиозные формы благодарения. Общее количества форм благодарения составил 43 из которых 25 форм благодарения являются элементами таджикского языка 18 форм являются элементами турецкого языка. В результате анализа речевого акта благодарения на базе форм благодарения в данных лингвокультурах было выявлено что в данном речевом акте сходство в этих языках является 64%.

Заимствованные формы благодарения являются арабские варианты слова «шурк», «миннат», и «рахмат». Варианты формы благодарения «шурк», «миннат» являются всеобщими и формальными в таджикском и турецком языках, однако в таджикской лингвокультуре используется исконно персидское слово «сипос», а в турецком языке исконное слово для благодарения не встречается. Можно наблюдать исконно турецкие слова как «sağ ol/ sağ olun» но они считаются эксплицитными формами благодарения. В таджикском языке замечается формальная и популярная форма благодарения «рахмат» которая в турецком языке в данном контексте не используется, но в турецком языке встречается французский заимствованный вариант «мерси» (*бдагодарю*). Далее были выявлены имплицитные и эксплицитные формы благодарения в данных речевых культурах. В таджикском языке имплицитные формы благодарения составляют 7, а турецком языке их 8. Общее сходства в таджикском в турецком языках составляет 6 форм благодарение. Эксплицитные формы благодарения в таджикском языке составляют 18, а турецком языке их 10. Общее сходства в таджикском в турецком языках составляет 10 эксплицитных форм благодарения. Культурно-религиозные формы благодарения выявляются 16 для оба языков. Общее сходство форм благодарения таджикской и турецкой лингвокультуре является 28 из 43 форм. В итоге можно отметить, что исследуя, акт благодарения в данных языковых культурах можно сделать вывод, что у носителей этих языков и культуры много общего чем различия, которое будет содействовать в дальнейшее развития обе культур.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование посвящено сравнительному анализу стратегий вежливости, используемых представителями таджикской и турецкой лингвокультур при совершении речевых актов обращения, приветствия и благодарения.

Для полного и всеобъемлющего сравнения были поставлены такие конкретные задачи, как выявление теоретической значимости категории «вежливость», анализ речекультурного сходства и различия между двумя народами и отражение культурных ценностей в речевой коммуникации носителей таджикского и турецкого языков, определение совокупности языковых и культурных факторов, влияющих на выбор стратегий вежливости, определение ряда способов, стратегий и тактик лингвистического оформления речевых актов обращения, приветствия и благодарения, которые используют представители таджикской и турецкой языковых культур, проведения сопоставительного анализа на материале таджикской и турецкой литературы для выявления приоритетных способов, стратегий, тактик оформления речевых актов обращения, приветствия и благодарения.

В ходе исследования из различных академических источников были выбраны, тщательно проанализированы, описаны, сопоставлены мнения различных ученых относительно теоретической составляющей настоящего исследования, также рассмотрены и изучены многочисленные примеры, позволяющие провести сравнение стратегий вежливости при совершении речевых актов обращения, приветствия и благодарения.

В результате реализации поставленных в рамках исследования задач, используя методы описания, интерпретации, оценки коммуникативной ситуации, контекстного толкования примеров, концептуального анализа, контекстного анализа, дедуктивного и индуктивного анализа, количественной обработки собранных примеров в ходе проведения

лингвистического анализа и сравнительно-сопоставительного анализа были сделаны следующие выводы.

В частности, можно сделать заключение:

а) в языках имеются достаточно общие закономерности выражения вежливости, причем часто одни и те же способы выражения социальных отношений существуют в генетически не связанных и не контактирующих между собой языках;

б) было определено, что вежливость как прагматическое средство предотвращения конфликтов, которое на самом деле является определением второй вежливости или научной вежливостью, абстрактного взгляда на вежливость, а не первой вежливостью, которая является «живым опытом» вежливости. Второе определение вежливости (постмодернистские подходы к вежливости) охватывает общепринятые понятия вежливости (или 1-ой вежливости), которые вытекают из народных представлений о том, что составляет вежливое или невежливое поведение;

в) были проанализированы стратегии вежливости в лингвокультуре, в частности, такие стратегии вежливости, как коммуникативная и тактическая, позитивная и негативная. Для достижения цели в речевой коммуникации обязательно принимать меры предосторожности и планировать действия, которые будут совершаться и в лингвистике. Опираясь на этот принцип были описаны стратегии, тактики лингвистические приёмы, которые были представлены ведущими учеными в сфере лингвистики.

Далее рассмотрено деление стратегий вежливости на стратегии позитивной и негативной вежливости, приводятся определения и перечень этих стратегий. Позитивная вежливость направлена на удовлетворение позитивного лица адресата, на проявление того, что желания адресанта до какой-то степени совпадают с желаниями адресата, а негативная вежливость — это смягчающее действие, направленное на негативное лицо, то есть стратегии негативной вежливости направлены на создание дистанции, отдаление и выявляются 25 стратегии; 15 стратегий позитивной и 10

стратегии негативной вежливости. В негативной вежливости сталкиваются два желания или потребности; совершить «ликоущемляющий акт» (ЛУА) прямо и совершить «ликоущемляющий акт» (ЛУА) со смягчающим действием негативному лицу, т.е. совершить «ликоущемляющий акт» (ЛУА) уклончиво. В ходе исследования речевой культуры носителей таджикского и турецкого языков было выявлено что представители этих культур предпочитают позитивную макростратегию вежливости при выборе данных речевых актов. Культурные и религиозные ценности данных народов требуют демонстрации высшего уважения к собеседнику и рамки этики четко определяют эти требования. Тем не менее, для предотвращения конфликтных или спорных ситуаций в ходе разговора собеседники предпочитают сохранение социального лица и используют макростратегии негативной вежливости. В использованной нами литературе удалось обнаружить пример совершения «ликоущемляющего акта» (ЛУА) в таджикском языке. В этом примере ЛУА применяется в виде иронически-саркастическим виде (стратегия 5) и используется местоимения «эшон» и обращение во третьем лице (высокая уважительная либо саркастически уничижительная форма в зависимости от контекста).

г) Также было рассмотрено отражение культурных ценностей в речевом поведении и выборе стратегии вежливости и подчеркнута что ценности это общие для некоторого сообщества идеи о том, что хорошо и что плохо, что честно или нечестно, что важно и что неважно. Хотя каждый человек имеет свою собственную уникальную систему ценностей, основанную на социальном и жизненном опыте, существуют и более глобальные ценности на культурном уровне. Культурные ценности относятся к набору приоритетов, с помощью которых оценивают «хорошее» или «плохое» поведение, «желательные» или «нежелательные» поступки, «честные» или «нечестные» действия. Культурные ценности служат мотивационной основой действий и в данной работе определены 10 основных культурных ценностей.

д) Во второй главе диссертации в целях реализации поставленных задач в рамках научной работы, были рассмотрены самые распространенные и используемые формы обращения в указанных языках и для получения ожидаемых результатов было использовано большое количество литературы и в итоге сделаны следующие выводы: в ходе исследования были проанализированы 74 форм обращения в таджикском и турецком языках, из этого числа 45 форм обращения являются турецкими и 29 форм обращения таджикскими. Более того, данные формы обращения делятся на две группы: форма обращения для мужского пола (таджикский 19, турецкий 22) и форма обращения для женского пола (таджикский 10, турецкий 23). Но в турецком языке формы обращения к женскому и мужскому полу в количественном соотношении практически одинаковы, то есть 23 формы обращения к женщинам и 22 формы обращения к мужчинам.

В данной таблице можно ознакомиться с результатами исследования форм обращения в таджикском и турецком языках.

Таджикские варианты	Турецкие варианты	Сходства	Различия	Общее количество
9	25	20		54
9/54*100	25/54*100	20/54*100	62,95%	
16,66%	46,29%	37,03%		

е) Далее нами был рассмотрен речевой акт приветствия на базе форм приветствия в таджикской и турецкой языковой культуре. В ходе исследования были выявлены более распространённые формы приветствия в таджикском и турецком языках, которые составляют 23 форм приветствия: 10 в таджикском языке и 13 в турецком языке. Эти формы включают в себя исконные и заимствованные формы приветствия, формальные и неформальные формы приветствия, и приветствия в разные времена суток в

таджикской и турецкой лингвокультурах. Сходства в формах приветствия можно заметить и в формах приветствия в разные времена суток. Эти формы почти одинаковые в таджикском и турецком языках, однако в турецком языке используется слово «*Günaydın*» (доброе утро, букв. пожелание светлого дня), которое в таджикском варианте не встречается и схожести языков можно демонстрировать следующим образом: выделяются 9 общих форм приветствия в данных языках, 9 из которых используются в турецком и в таджикском языках, однако формы «*Günaydın*» и исконные формы приветствия «*Aman*» (милосердие), «*Esen*», «*Sağ*» / «*Sav*» (здоровье) используются только со стороны носителей турецкого языка. В данной таблице можно ознакомиться с результатами исследования форм приветствия в таджикском и турецком языках.

Таджикские варианты	Турецкие варианты	Сходства	Различия	Общее количество
1	3	9		13
1/13*100 7,69 %	3/13*100 23,07%	9/13*100 69,2%	30,76%	

ё) В ходе сопоставительного анализа были выявлены самые распространённые и практичные формы благодарения в этих языках и разделены на исконные и заимствованные, формальные и распространённые, имплицитные и эксплицитные, и культурно-религиозные формы благодарения. Общее количество форм благодарения составило 43, из которых 25 форм благодарения являются элементами таджикского языка, 18 форм являются элементами турецкого языка, включая все имплицитные и эксплицитные и культурно-религиозные формы. В результате анализа речевого акта благодарения на базе форм благодарности в данных лингвокультурах было выявлено, что в данном речевом акте сходство и различие в этих языках являются 48,27% на 51,72%. Заимствованные формы

благодарения являются арабские варианты слова «шукр», «миннат», и «рахмат». Варианты формы благодарения «шукр», «миннат» являются всеобщими в таджикском и турецком языках, однако в таджикской лингвокультуре используется исконно персидское слово «сипос», а в турецком языке исконное слово для благодарения не встречается. Можно наблюдать исконно турецкие слова как «sağ ol/ sağ olun» (*будь здоров*), но они считаются эксплицитными формами благодарения. В таджикском языке замечается формальная и популярная форма благодарения «рахмат», которая в турецком языке в данном контексте не используется, но в турецком языке встречается французский заимствованный вариант «мерси».

В данной таблице можно ознакомиться с результатами исследования форм благодарения в таджикском и турецком языках.

Таджикские варианты	Турецкие варианты	Сходства	Различия	Общее количество
11	4	14		29
11/29*100 37,93%	4/29*100 13,79%	14/29*100 48,27%	51,72%	

В итоге можно отметить, что у носителей этих языков и культуры больше общих черт, чем различий. Данное наблюдение наряду с общим исследованием особенностей речевых культур и стратегий вежливости в лингвокультурах носителей таджикского и турецкого языков будет способствовать дальнейшему развитию взаимодействия обеих культур в процессе межкультурной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристова, Н.С. Коммуникативные стратегии высокой тональности общения (на материале английской художественно литературы XIX-XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Н. Новгород, – 2007. – 13 с.
2. Бободжонова Б.Ш. Категория вежливости в таджикском языке. Дисс. на соискание учёной степени канд. фил.наук / Б.Ш. Бободжонова - Душанбе, 2001. - 150с.
3. Васильева О.А. Реализация максим вежливости в английских и русских диалогах: Автореф. дис. канд. филол. наук - Уфа: БашГУ, 2000. - 24 с.
4. Вдовина Е.В. Поздравление и пожелание в речевом этикете: концептуальный и коммуникативный анализ. Дисс. канд. филол. наук - Москва, 2007. - 199с.
5. Гаджиева К.Э. Лингвистический аспект речевого этикета носителей русского и азербайджанского языков: Автореф. канд.филол. наук - Баку, 1988. - 22 с.
6. Газисов Р.А. Коммуникативное поведение немецкой и русской лингвокультурных общностей [на материале речевого этикета]. Автореф. дис. канд. филол.наук - Уфа, 2001. - 25 с.
7. Галич, Г.Г. Культурологически обусловленные знания и речевое поведение личности. // Вопросы исследования и преподавания иностранных языков. Межвузовский тематический сборник научных трудов. Вып. 3. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2001. – С. 39-45.
8. Гвазава В.И. Русский речевой этикет [социокультурный аспект]. Автореф. дис.канд. филол. наук- Краснодар, 2000. - 24 с.
9. Герасимова, Н.Н. Национальный менталитет в призме речевого этикета // Россия и Запад: диалог культур. – М.: МГУ, 1996. – С. 389-397.

10. Григорьева, Н. В. Стратегии вежливости в речевой коммуникации представителей британской, американской и австралийской лингвокультур: канд.....дисс... филол.... наук. – Санкт Петербург: 2009. – 233 с.
11. Джураева М. Р. Коммуникативно-прагматический анализ устойчивых формул общения в средствах массовой информации Таджикистана / М. Р. Джураева. автореферат канд. фил. наук. Душанбе. 2010- 2016. - 43 с.
12. Джураева М.Р. Языковые способы и средства выражения значения уважительности и вежливости в таджикском языке XVI века: На материале "Бадоеъул-вакоеъ" Зайниддина Восифи. Дисс. на соискание учёной степени канд. фил.наук - Душанбе, 1998. - 138с.
13. Елизарова, Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. – СПб.: Изд-во «Союз», 2001. – 291 с.
14. Зверева Е.В. Коммуникативно речевая ситуация «Комплимент». - Дис. канд. филол. наук. Наук- М., 1995. - 330 с.
15. Искандарова, Д.М. Индикаторы социального статуса в таджикском языке/ Д.М. Искандарова // Мир духовной культуры человечества: язык, литература, искусство. – Самарканд, 2006. – С.132.
16. Кабачки, В.В. Прагматика иноязычна я Прагматический, аспект предложения и текста. - Л.: Изд-во ЛГПИ, 1990. - С. 30-41.
17. Камолиддинов, Б. Сухан аз бахри дигарон гӯянд. - Душанбе: Интернюс-Тоҷикистон, 2001. - 171с.
18. Карасик, В.И. Иная ментальность / В.И. Карасик // – М.: ИТДГК «Гнозис» 2005. – 149 с.
19. Карасик, В.И. Языковая Матрица культуры / В.И. Карасик // – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.
20. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. - М., 1987. - 298с.
21. Каштанова Е.С. Лингвокультурологические основания русского концепта «любовь»: Дис. канд.филол. наук. - Екатеринбург, 1997. -

215с.

22. Коморова Д.Ф. Прагмалингвистические особенности пожелания в немецком и русском языках. Дисс. канд. филол. наук.
23. Кузьменкова, Ю.Б. Стратегии речевого поведения в англоязычной среде. – М.: Педагогический университет «Первое Сентября», 2006. – 48 с.
24. Кулягин, С.В. К вопросу приобретения навыков межкультурной компетенции: лексико-грамматические способы выражения стратегии вежливости в английском языке // Язык и образование в диалоге культур. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. – С. 120-132.
25. Ларина Т. В. Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации: На материале английской и русской коммуникативных культур. Дисс. докт. филол. наук. - М., 2003. - 495с.
26. Ларина, Т.В. Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации : автореф. дис... канд.. филол. наук. - М.: 2003. – 32 с.
27. Латыпов, Р.А. Латыпов, Р.А. Стили вербальной коммуникации и формирование межкультурной компетенции в процессе обучения иностранному языку / Р.А. Латыпов, Е.А. Усмонова // Наука и образование. – Белово: КемГУ, 2003. – С. 419-423.
28. Луцева О.А. Речевой этикет [категория вежливости] и его изменение на стыке двух эпох [конец XIX первая четверть XX века]. - Дисс. канд. филол. наук. - Таганрог, 1999. - 151 с.
29. М.К.Гусаренко. Дискурсивные разновидности, перлокутивная прагматика и пропозициональные характеристики речевого акта пожелание в современном русском языке. Дис. канд. фил.наук - Ставрополь, СГУ, 2005. - 196 с.
30. Мурашкина Э.В. Compliment как регулятивный речевой акт [на материале английского языка]. Дисс. канд. филол. наук. - Тверь, 2004. - 152 с.

31. Н.И.Формановская. Функциональные и категориальные сущности устойчивых формул общения. Дисс. докт. филолог, наук. - М., 1979. - 539с.
32. Нестерова Т.В. Прагматика обращений антропонимов в семейной сфере. Дисс. канд. филолог, наук. - М.: ГИРЯП, 1999. -395 с.
33. Плутницкая И .В. Социопрагматический и лингвистический аспекты анализа единиц речевого этикета. Автореф. дис.канд. филол. наук. -М., 1993.- 23 с.
34. Ранних Н.А. Речевой акт пожелания и способы его выражения в русском языке. Дис. канд. филол. наук. - М., 1994.- 159 с.
35. Раҳмонзода, А.А. Одобӣ муошират ва рӯзгордорӣ. Китоби дарсӣ / А.А. Раҳмонзода //– Душанбе: Маориф, 2017. – 207с.
36. Рыжова Л.П. Обращение как компонент коммуникативного акта. Автореф. дисс. канд. филол. наук.- М., 1982. -15 с.
37. Саркар Митали. Обращение как элемент русского речевого этикета в сравнении с бенгальским: Дис.канд. филол. наук. - М., 2001. - 26 с.
38. Тарасенко Т.В. Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование. Дисс. канд. филолог.наук. - Красноярск, 1999.- 169 с.
39. Фасенко Т.А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования. Автореф. д-ра филолог.наук. Ин-т языкознания РАН. - М., 1999.- 51с.
40. Федорова Т.В. Семантика вежливости и средства ее выражения в современном русском языке [на материале произведений современной драматургии]. Дисс. канд. филолог, наук. Брянск: БГУ, 2004.-199с.
41. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика/ Н.И. Формановская. – М.: Издательство «ИКАР», 2007. – 480с.
42. Ahmet Keskin. A General Assessment about “Greeting” and “Saying Good

- Bye” in Turkish Culture / Keskin Ahmet // *Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi*. – Ankara: Türk dil kurumu yayınları, 2017. – P. 125-146.
43. Aijmer K. Conversational routines in English / K. Aijmer // London, New York: Longman, 1996. – 268 pp.
 44. Akindele F. (1990). A sociolinguistic analysis of Yoruba greetings. *African Languages and Cultures* / F. Akindele // University of London, UK: 1990. – P. 1-14
 45. Arndt H. Improving emotive communication: verbal, prosodic, and kinesic conflict avoidance techniques / H. Arndt, R. Janney // *Per Linguam* 1–1985. P. 21-23
 46. Basso K. To give up on words: Silence in Western Apache culture. In P.P. Giglioli (Ed.). *Language and Social Context* / K. Basso // Harmondsworth, England: Penguin Books, 1972. – P. 67-86
 47. D.M. Iskadarova. *Studies of Languages of Tajikistan/ Iskandarova D.M.* // *Are we polite?*. 2005. House Graphics, Grand Rapids, MI, USA. 2005. – P. 9-17
 48. Braun F. Terms of Address: Problem of Patterns and Usage in Various and Social Context. Pier Paolo Giglioli (ed.) / F. Braun // Penguin Education, 1988. – P. 252-281.
 49. Brown P. Politeness: Some universals in language usage / P. Brown, S. Levinson // New York: Cambridge University Press. – 1987. – 345 pp.
 50. Brown P. Universals in language usage. *H Questions and Politeness.* / ed. E. Goody / P. Brown, S. Levinson // Cambridge: Cambridge University Press, 1978. – P. 56-289
 51. Brown R. The Pronouns of Power and Solidarity / R. Brown, A. Gilman // The Hague: Mouton & Co. N.V. Publishers. *Readings in the Sociology of Language*. 1968. – P. 252-275
 52. Coulmas, F. Poison to your soul: Thanks and apologies contrastively viewed. In F. Coulmas (Ed.). *Conversational routine: Exploration in*

- standardised communication situations and prepatterned speech / F. Coulmas // The Hague: Mouton de Gruyter, 1981. – P. 69-91.
53. Duranti A. (1997). Universal and culture-specific properties of greetings / A. Duranti // *Journal of Linguistics Anthropology*, 7 (1). – Malden, Massachusetts, the USA. America. 1990. – P. 63-97.
 54. Eckert P. Think practically and look locally: Language and gender as community-based practice. *Annual Review of Anthropology* / P. Eckert, S. McConnell-Ginet // *Annual Review of Anthropology*: 1992. – P. 461-490.
 55. Eelen G. A critique of politeness theories / G. Eelen // Manchester, UK; Northampton, MA: St. Jerome. – 2001. – P. 461- 490
 56. Eisenstein M. I very appreciate: Expressions of gratitude by native and nonnative speakers of American English / M. Eisenstein, J. Bodman // *Applied Linguistics* 7(2), 1986. – P. 167-185.
 57. Eisenstein M., & J. Bodman. Expressing gratitude in American English / Eisenstein M. // In G. Kasper, & S. Blum-Kulka (Eds.), *Interlanguage pragmatics*, 1993. – P. 64-81
 58. Emmons R. A. Counting blessings versus burdens: An experimental investigation of gratitude and subjective well-being in daily life / R.A. Emmons, M. E. McCullough // *Journal of Personality and Social Psychology*: – 2003, № 84. – P. 377-389.
 59. Emmons R. A. The psychology of gratitude / R.A. Emmons, M. E. McCullough // – New York: 2004. – P. 377-389.
 60. Fasold R. *Sociolinguistics of Language* / R. Fasold // Oxford: Basil Blackwell, 1990. – 342 pp.
 61. Firth R. (1972). Verbal and bodily rituals of greeting and parting. In J.S. La Fontaine (Ed.). *The interpretation of rituals: Essays in honor of A.I. Richards* / R. Firth // – London, Tavistock Publications: 1972. – 296 p.
 62. Fraser B. Perspectives on politeness / B. Fraser // *Journal of Pragmatics*: 1990. – P. 219-236.
 63. Fraser B. The association of deference with linguistic form. *International*

- Journal of the Sociology of Language № 27 / B. Fraser, W. Nolen // International Journal of the Sociology of Language: – 1981. – P. 93-111.
64. Freilich M. The Relevance of Culture / M. Freilich // New York: Bergin and Garvey. –1989. – 252 p.
65. Fukushima S. Requests and culture: Politeness in British English and Japanese / S. Fukushima // Oxford: Peter Lang. – 2003. - 315 pp.
66. Gocen G. Qualitatively Exploring the Relationship among Gratitude, Spirituality and Life Satisfaction in Turkish-Muslim Children [Электронный ресурс] / G. Gocen // Spiritual Psychology and Counseling. Istanbul. 2016. – №1. – P.189-208. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.12738/spc.2016.2.0010>
67. Goffman E. Interaction ritual: Essays on face-to-face behaviour / E. Goffman // New York: Doubleday, – 1967. – 270 pp.
68. Grice P. Logic and conversation: Speech acts/ Grice P// New York: Academic Press. In P. Cole, & J. Morgan (Eds.), *Syntax and semantics* 3.- 1975. - P. 41-58
69. Gu Y. Politeness phenomena in modern / Y. Gu // Chinese. Journal of Pragmatics, 14 (2). – 1990. – P. 237-257
70. Holmes J. An introduction to sociolinguistics / J. Holmes // London: Longman. – 2001. – P. 406. 481 p.
71. Holmes, J. Politeness strategies as linguistic variables / Holmes, J. // Oxford: Elsevier. *Encyclopedia of language and linguistics* (2nd ed.). – 2006.-P. 597-602
72. Ide S. Formal forms and discernment: two neglected aspects of universals of linguistic politeness / S. Ide // *Multilingua*, 8(2/3), – 1989. – P. 223-248.
73. Irvine J. (1974). Strategies of status manipulation in the Wolof greeting. In R. Bauman, & J. Sherzer (Eds.). *Explorations in the ethnography of*

- speaking / J. Irvine // Cambridge: Cambridge University Press, 1974. – 196 p.
74. Kasper, G. (1990). Linguistic politeness: current research issues / G. Kasper // *Journal of Pragmatics* 14. – P. 193-218.
75. Kendon A. A description of some human greetings. In R.P. Michael & J. H. Crook (Eds.). *Comparative ecology and behaviour of primates* / A.A. Kendon, A. Ferber // London: Academic Press, 1973. – 668 p.
76. Kouros Saberi (2012) *Routine Politeness Formulae in Persian: A Socio-Lexical Analysis of Greetings, Leavetaking, Apologizing, Thanking and Requesting* // University of Canterbury, 2012. – 314 p.
77. Kouros Saberi. *Routine Politeness Formulae in Persian: A Socio-Lexical Analysis of Greetings, Leavetaking, Apologizing, Thanking and Requesting*/ Kouros Saberi // University of Canterbury. – 2012. – 297pp
78. Kroeber A. L. *Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions* / A. L. Kroeber, C. Kluckhohn // Cambridge, MA: Peabody Museum, – 1952. – 223p.
79. Lakoff R. *The Logics of Politeness. Papers from the ninth regional meeting of the Chicago Linguistic Society* / R. Lakoff // Chicago, –1973. – P. 292-305.
80. Lakoff, R.T. *The limits of politeness: Therapeutic and courtroom discourse* / R.T. Lakoff // *Multilingua*, 8(2/3), – 1989. – P. 101-129.
81. Lakoff, R.T. *The logic of politeness, or minding your p's and q's.* / R.T. Lakoff // *Chicago Linguistics Society*, 9. – 1973. – P. 292-305.
82. Lakoff, R.T. *What you can do with words: Politeness, pragmatics and performatives* / R.T. Lakoff // *Berkeley Studies in Syntax and Semantics*, 1(16). – 1974. – P. 1-55.
83. Leech, G. N. *Explorations in semantics and pragmatics* / G.N. Leech // Amsterdam: Benjamins, – 1980. – 133 pp.
84. Leech, G.N. *Principles of pragmatics*/ G.N. Leech // New York, London:

Longman, – 1983. – 250 pp.

85. Li Wei (2010). The functions and use of greetings: *canadian social science* / Li Wei // Canada: 2010. – 243 p.
86. Locher M.A. Politeness theory and relational work / M.A. Locher, R. J. Watts // *Journal of Politeness Research* 1, – 2005. – P. 9-33.
87. Locher M.A. Power and politeness in action: Disagreement in oral communications / M.A. Locher // Berlin: Mouton de Gruyter, – 2004. – P.729-795
88. Lyubomirsky S. Pursuing happiness: The architecture of sustainable change / S. Lyubomirsky, K.M. Sheldon, D. Schkade // *Review of General Psychology*, 9(2), – 2005. – P. 111-131.
89. Lyubomirsky S. Pursuing happiness: The architecture of sustainable change. *Review of General Psychology*, 9(2) / S. Lyubomirskiy, K.M. Sheldon, D. Schkade // *Scientific Research*, 2015. – P. 111-131.
90. Mair L.P. (1934). *An African people in the twentieth century* / L.P. Mair // London: Routledge, 1934. – 300 p.
91. Matsumoto Y. (1988). Re-examination of the universality of face: Politeness phenomena in Japanese / Y. Matsumoto // *Journal of Pragmatics*, 12, – 1988. – P. 403-426.
92. Matsumoto Y. (1989). Politeness and conversational universals-observation from Japanese / Y. Matsumoto // *Multilingual*, 8(2/3), – 1989. – P. 207-221.
93. Mills S. Gender and politeness / S. Mills // Cambridge: Cambridge University Press, – 2003. – P. 202-237
94. Muna Yüceol Özenen. Greeting acts in Turkish / Özenen Muna Yüceol // *International Journal of Language Academy*. – Warsaw, 2017.-№ 5. – P. 266-299.
95. Muna Yüceol Özezen. Türkiye Türkçesi Yazın Dilinde Teşekkür Kalıpları / Özenen Muna Yüceol //– *Modern Türklük Araştırmaları Dergisi*, 2006. –№ 3. P. 67-69.

96. Pan Y. Beyond the form of linguistic presentation: Approach to politeness across cultures / Y. Pan // Paper presented at the 4th International Symposium on Politeness: "East Meets West", – 2008. – P. 5-6
97. Pan Y. Politeness in Chinese face-to-face interaction / Y. Pan // Stamford, CT: Ablex, – 2000. – P. 1-10
98. Pizziconi B. Politeness. In K. Brown (Ed.). Encyclopedia of language and linguistics / B. Pizziconi // Oxford: Elsevier, – 2006. – P. 679-684.
99. Rokni T. D. 2012. Address forms in Persian based on Iranian movies / T.D. Rokni // University of Troms. – 2012. – 94 pp.
100. Schwartz S. H. Universale in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries / S.H. Schwartz // Advances in Experimental Social Psychology, –1992. – P. 1-65.
101. Sifianou M. Politeness phenomena in England and Greece: A cross-cultural perspective / M. Sifianou // Oxford: Clarendon, – 1992. – 272 pp.
102. Spencer-Oatey H. Culturally speaking: Managing rapport through talk across cultures / H. Spencer-Oatey // London: Continuum, – 2000. – 320 pp.
103. Terkourafi M. (2005). Beyond the micro-level in politeness research / M. Terkourafi // Journal of Politeness Research 1(1), – 2001. – P. 237-262.
104. Terkourafi M. Politeness in Cypriot Greek: A frame-based approach: *doc...diss.....unpubl...* / M. Terkourafi // University of Cambridge, England, – 2001. – P. 24-27
105. Ting-Toomey S. Understanding Intercultural communication / S. Ting-Toomey, L.C. Chung // Oxford: Oxford University Press, –2005. – 424 p.
106. Trudgill P. Introduction to Sociolinguistics / P. Trudgill // London: Penguin Books, 1974. – 418 pp
107. Ventola E. The structure of casual conversation in English / E. Ventola // Journal of Pragmatics, 1972. – № 3. – P. 267-298.
108. Watts R. (1992). Linguistic politeness and politic verbal behaviour: Reconsidering claims for universality. In R. Watts, S. Ide, & K. Ehlich

- (Eds.). Politeness in language: Studies in its history, theory and practice / R. Watts // Berlin and New York: Mouton de Gruyter, – 1992. –P. 43-70.
- 109.Watts R. Introduction. In R. Politeness in language: Studies in its history, theory and practice / R. Watts, S. Ide, K. Ehlich // Berlin: Mouton de Gruyter, – 1992. – P. 1-17.
- 110.Watts R. Politeness / R. Watts // Cambridge: Cambridge University Press, – 2003. – P. 27-46
- 111.Wong May L.-Y. Expressions of gratitude by Hong Kong speakers of English: Research from the International Corpus of English in Hong Kong (ICE-HK) / Wong May L.-Y. // Journal of Pragmatics, 42, 2010. - P. 1243-1257.
- 112.Wouk F. The language of apologizing in Lombok / F. Wouk // Indonesia: Journal of Pragmatics 38, – 2006. – P. 1457-1486.
- 113.Xie C. Politeness: Myth and truth / C. Xie, Z. He, D. Lin // Studies in Language, 29 (2), – 2005. – P. 431-461
- 114.Youssouf I.A. Greetings in the desert / I.A. Youssouf, A.D. Grimshaw, C.S. Bird // American Ethnologist 1976. – №3(4). – P. 797-824.

Список использованных словарей

- 115.Etimoloji Türkçe.2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://www.etimolojiturkce.com/kelime/bay>
- 116.Türkçebilgi, 2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://www.turkcebilgi.com/bey>

Источники иллюстративного материала

- 117.А. Дехотӣ. Куллиёт / Дехотӣ А. // – Душанбе: Нашриёти Ирфон, 1965. – 218 с.
- 118.Афсонаҳои халқи тоҷик. Детская литература. – Душанбе: Нашриёти Забон, 1995. – 143 с.

119. Дили бузург. / Садои Шарк // Садои Шарк. – Душанбе: 2018. – 159 с.
120. Радий Фиш. Ҷалолиддини Румӣ / Фиш Радий // – Душанбе: Нашриёти «Адиб», 2007. – 264 с.
121. С. Айнӣ. Одина / С. Айнӣ // – Душанбе: Нашриёти «Адабиёти бачагона», 2016. – 174 с.
122. Саидов Саидрахмон. Адабиёт – махзани маърифат / Саидрахмон Саидов // Душанбе: Нашриёти «Сабрина-К», 2015. – 282 с.
123. Тоиров У. Адабиёти тоҷик. Китоби дарсӣ барои синфи 7. / У. Тоиров // Душанбе: Нашриёти «Мавлавӣ», 2008. – 320 с.
124. Adalet Ağaoğlu. Bir düşün gecesı. Dar zamanlar II / Adalet Ağaoğlu // Everest Yayınları –2014. – 380 p.
125. Ahmet Ümit. Sis ve Gece / Ümit Ahmet // İstanbul: Everest Yayınları, 2012. – 265 p.
126. Atay Oğuz. Oyunlarla Yaşayanlar / Oğuz Atay // İstanbul: Tiyatro, 1988. – 104 P.
127. Avcı Zeynep. Ahşap Köşkün Hanımefendisi / Zeynep Avcı // İstanbul: Öykü 1991. – 104 p.
128. Ayfer Tunç. Havada Bulut / Tunç Ayfer // Altkitap. 2003. – 339 p
129. Ayşe Kulin. Adı Aylin / Kulin Ayşe // Remzi Kitapevi. 2000. – 168 p
130. Cahit Beğenç. Sarı Çamın Hikâyesi / Beğenç Cahit // Ankara: öykü. 1986. – 163 p.
131. Halit Ziya Uşaklıgil. Aşk-ı Memnu / Uşaklıgil Halit Ziya // İstanbul : Özgür yayınları. 2017. – 520 p
132. Kahraman Tazeoğlu. Yaralı / Tazeoğlu Kahraman // Destek yayınları. 2014. – 320 p
133. Kemal Orhan. 72'nci Koğuş / Orhan Kemal // İstanbul : 13. Baskı. 1988. – 108 p

- 134.KEMAL, Yaşar. Çakırcalı Efe / Yaşar Kemal // İstanbul : 5. Baskı. 1986. – 200 p
- 135.Muna Yüceol Özezen. Türkiye Türkçesi Yazın Dilinde Teşekkür Kalıpları / Özenen Muna Yüceol // Modern Türklük Araştırmaları Dergisi Cilt 3, Sayı 3. Ankara. 2006. – 222p
- 136.Namık Kemal. İntibah . / Kemal Namık // İstanbul. 1874. – 80p
- 137.Nazım Hikmet. Bütün Eserleri 6 Memleketimden İnsan Manzaraları / Hikmet Nazım // İstanbul. 1978. – 200 p
- 138.Necati Cumali. Acı Tütün / Cumali Necati // İstanbul: 6. Baskı. 1984.- 245 p
- 139.Oğuz Atay. Tutunamayanlar /Oğuz Atay //İstanbul. 1971. – 712 p
- 140.Orhan Kemal. Bereketli Topraklar Üzerinde / Kemal Orhan // İstanbul. 1954. – 178 p
141. Orhan Kemal. Gurbet Kuşları / Kemal Orhan // İstanbul: Varlık Yayınevi, 1973. – 480 p
- 142.Pamuk, Orhan Sessiz Ev / Orhan Pamuk // İstanbul: 19. Baskı. 1998. – 337 p
- 143.Peyami Sefa.Yanlıız / Sefa Peyami // İstanbul. 1951. – 158 p
- 144.Recep Bilginer. Sarı Naciye / Biliginer Recep // Ankara : Tiyatro. Bütün Oyunları 1. 1985. – 81 p
- 145.Sabahattin Ali. İçimizdeki Şeytan / Ali Sabahattin // İstanbul. 1940. – 239 p
- 146.Taner Haldun. Yalıda Sabah / Haldun Taner // İstanbul: Baskı 4. 1999. – 156 p
- 147.Türkali Vedat. Mavi Karanlık / Vedat Türkali // İstanbul. 1991. – 419 p
- 148.Uyar Tomris. Dizboyu Papatyalar / Tomris Uyar // İstanbul: 3. Baskı. 1990. – 110 p
- 149.Yürük Ali.Türkmen Düğünü / Ali Yürük // Ankara: 1. Baskı. 1987. – 94 p
- 150.Zülfü Livaneli. Serenad. / Livaneli Zülfü // - İstanbul: Doğan Kitap, 2011. – 481 p

Список электронных ресурсов

- 151.Р. Ваҳҳоб. Салом ва дуруд / Ваҳҳоб Р // Душанбе, 2018 - [Электронный ресурс] – Режим доступа. <http://www.kmt.tj/content/салом-ва-дуруд>
- 152.Emmons R. A. Gratitude as human strength appraising the evidence / R.A. Emmons, C.A. Crumpler // Journal of Social and Clinical Psychology.-2000- № 19(1). р. 56–96. [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://doi.org/10.1521/jscp.2000.19.1.56>
153. [Кругосвет Энциклопедия, 2019] [Электронный ресурс] – Режим доступа:https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/VEZHLIVOST.html
- 154.Schleicher A.F. (1997). Using greetings to teach cultural understanding / A.F. Schleicher // The Modern Language Journal. – №81(3). – P. 334-343. –] [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/j.1540-4781.1997.tb05493.x>
- 155.Peterson C. Character strengths before and after September 11 / C. Peterson, M. E. Seligman // Psychological Science, 2003. – №14. – P. 381-384. –] [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.psychologicalscience.org/pdf/14_4Peterson.cfm
- 156.Православное заволяе. – Вежливые Обращения. Ирина Рокицкая, // (Вежливые Обращения) -] [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pravpokrov.ru/Articles/index/355>
157. Морфологический способ выражения субъективных отношений в таджикском литературном языке /Бободжонова Б.Ш.//-] [Электронный ресурс] – Режим доступа:
<https://cyberleninka.ru/article/v/morfologicheskiy-sposob-vyrazheniya-subektivnyh-otnosheniy-v-tadzhikskom-literaturnom-yazyke>